

СО ЩИТОМ
И
МЕЧОМ

Коллективные сборники

Со щитом и мечом

Со щитом и мечом: Каменяр; Львов; 1988
ISBN 5-7745-0107-8

Аннотация

В сборнике очерков, статей и других материалов рассказывается о чекистах Ровенщины – отважных и сильных духом людях.

Содержание

Гурий Бухало, Владимир Кобысь	5
Валентина Даниличева, Владимир Кобысь	23
Юрий Щупак	40
Петр Яковчук	45
Ким Закалюк	57
Ким Закалюк	94
Виктор Мазаный	115
Теодор Гладков	128
Андрей Сытай	154
Владимир Комаровский	163
НОВОЕ НАЗНАЧЕНИЕ	163
ПО СЛЕДУ КНОПКИ	169
В ПОИСКАХ БЕЛОГО-БУКВЫ	178
НАГРАДИТЬ ИМЕННЫМ ОРУЖИЕМ	187
Евгений Шепитько	191
Александр Федрицкий	199
Николай Каминский	213
Теодор Гладков, Александр Федрицкий	233
Владимир Кобысь, Александр Ляховский	265
Николай Терешко	275
Василий Кохан	283
Ким Закалюк	292
ВОЯЖ «МАГИСТРА ИСКУССТВ»	292
«ПОДАРОК» НА ИМЕНИНЫ	305

Теодор Гладков, Борис Стекляр	321
ВСТРЕЧА НА УНТЕР-ДЕН-ЛИНДЕН	322
ВОЗМЕЗДИЕ	338
НЕТ ОПРАВДАНИЯ, НЕТ ПРОЩЕНИЯ...	352
МУЗЕЙ БОЕВОЙ СЛАВЫ	372

Со щитом и мечом ***очерки и статьи***

Гурий Бухало, Владимир Кобысь **В ПЛАМЕНИ ОГНЕННЫХ ЛЕТ** ***(Свидетельствуют*** ***документы)***

Посетители Ровенского областного краеведческого музея с интересом останавливаются около не совсем обычного экспоната – телеграфного аппарата «Юм». Внимательно разглядывают его, с волнением вчитываются в надпись, которая гласит, что 25 октября (7 ноября) 1917 года именно этот аппарат отстучал сообщение о том, что в Петрограде свершилась социалистическая революция.

Дежурные телеграфисты тогда несколько раз перечитывали это сообщение, а потом один из них выбежал с лентой в руках на Шоссовую – центральную улицу Ровно – и уже по памяти, не заглядывая в бумажную змейку, прокричал короткий текст. Рабочие, крестьяне, солдаты, случайно оказавшиеся у почты, требовали, просили еще и еще раз повторить слова исторического

документа, встречая их возгласами одобрения. И расходились, передавая новость из уст в уста. В считанные часы ее уже знали крестьяне пригородных сел, а затем – и отдаленных от Ровно городков и деревень. Жители собирались на стихийные митинги и собрания. Во многих населенных пунктах их участники тут же решали провозгласить Советскую власть.

Так, Сарненская организация РСДРП (б) вместе с большевиками 2-го Заамурского железнодорожного батальона, 1-го гвардейского этапного батальона и других воинских частей, дислоцировавшихся в городе, 9 (22) ноября 1917 года провела митинг, в котором приняло участие свыше тысячи человек. Он прошел под лозунгом «Вся власть Советам!» Через три дня в городе был создан революционный комитет во главе с Г. Кувалдиным, бывшим унтер-офицером царской армии, пламенным большевиком. Ревком сразу же после своего создания провозгласил установление в Сарнах Советской власти и заявил о полной поддержке Советского правительства. 29 ноября (16 декабря) член комитета РСДРП (б) Дубновского гарнизона М. Мартыненко сообщил ЦК партии большевиков об избрании военно-революционного комитета и о передаче власти в руки Советов. На протяжении декабря 1917 – февраля 1918 года Советская власть была провозглашена на всей территории нынешней Ровенской области.

Но контрреволюция была еще достаточно сильна.

Для борьбы с ней создавались под руководством большевиков военно-революционные комитеты. В соответствии с указаниями ЦИК Советов Украины от 18 (31) декабря 1917 года был создан Краевой военно-революционный комитет, в который вошли члены правительства – народный секретарь внутренних дел, народный секретарь военных дел, а также представители штабов Красной гвардии и Северного отряда, прибывшего из Петрограда для борьбы с Калединым. Краевой комитет руководил деятельностью местных ревкомов.

1 января 1918 года в Ровно был создан один из первых на Украине красногвардейских отрядов численностью свыше 1500 человек под командованием славного сына грузинского народа Васо Киквидзе. Он сыграл значительную роль в борьбе с контрреволюцией в Ровенском и других уездах края. Именно Ровенский красногвардейский отряд освободил от контрреволюционеров Здолбунов, Дубно, уничтожил большую петлюровскую банду под Сарнами. Везде, где прошел отряд, полыхало красное знамя Советов. Высоко оценивая боевые заслуги В. Киквидзе, В. И. Ленин назвал его талантливым командиром, храбрым, разумным начальником.

Активно боролся с контрреволюцией и отряд Красной гвардии, сформированный Ровенским уездным комитетом. Он выполнял роль вооруженных сил Советской власти на месте.

На пути первых социалистических преобразований в крае стали австро-немецкие интервенты, которые 19–22 февраля 1918 года начали здесь боевые действия. На захваченной территории они устанавливали жестокий оккупационный режим. Начались аресты большевиков, членов ревкомов и земельных комитетов. Осуществлять кровавый террор, подавлять революционные выступления трудящихся помогали украинские буржуазные националисты.

В первой половине марта 1919 года снова был освобожден центр Волынской губернии – Житомир. 20 мая 1919 года части Таращанской бригады под командованием В. Н. Боженко совместно с повстанцами, руководимыми местными подпольщиками М. А. Прокопчуком, В. П. Бондарчуком, в жестоких боях с петлюровцами освободили Дубно. 24 мая бойцами Новгород-Сиверской бригады, которой командовал Т. В. Черняк, был взят город Ровно, а 3 июля – Острог. Но восстановление Советской власти на Ровенщине происходило в очень сложной обстановке. Нормализации жизни мешала близость фронта с белополяками, который стабилизировался по линии Припять – Цумань – Олыка – Млинов – Демидовка – Берестечко – Радзивиллов (Червоноармейск) – Кременец – Проскуров (Хмельницкий). Кроме того, приходилось вести тяжелую борьбу с внутренней контрреволюцией.

На пленуме в апреле 1919 года ЦК КП(б) Украины

специально рассмотрел вопрос о борьбе с бандитизмом и разработал ряд мероприятий, направленных на его разгром. Для этого 30 июня 1919 года был создан Волынский губернский военно-революционный штаб в составе уполномоченного Наркомата военных дел Е. А. Щаденко, командира 1-й Советской Украинской дивизии Н. А. Щорса и других. Ему были предоставлены особые полномочия. Штаб объявил в губернии военное положение.

Через неделю в Ровно состоялось объединенное совещание, в котором приняли участие представители губисполкома, парткома, ревкома, воинских частей и бригад, крестьян Ровенской волости, железнодорожников. На совещании был создан уездный военно-революционный штаб. Как говорилось в объявлении, распространенном в Ровно 8 июля 1919 года, «этому штабу передана вся полнота власти в уезде...»¹

Враг ожесточенно сопротивлялся. Уже 9 июля уездный военно-революционный штаб предупредил население:

«...В последние дни на Волыни вспыхнули волнения, волнения среди крестьян, волнения, вызванные петлюровскими агентами, которым удалось вас обмануть. Они и у нас в Ровенском уезде образовали штабы и рассылают приказы от имени старой, свергнутой

¹ Ровенский областной государственный архив (далее – РОГА). Ф. р-446. Оп. 1. Д. 35. Л. 61.

вами Директории, вокруг и во главе которой были Петлюра, Шапула, Оскилко, Агапьев и др.

Петлюровский полковник Степаненко (так в тексте, надо – Стефанович. – *Авт.*), взбунтовавший крестьянин, так и писал, что в Костополе нет уже Советской власти. Сейчас крестьяне уже разобрались в этом обмане, успокоились и являются на мобилизацию, объявленную Советской властью, и сами вступили в борьбу с предателями».²

Штаб призывал трудящихся уезда объединиться вокруг него.

На съезде заведующих отделами управления Волынской губернии, который состоялся 11 августа 1919 года, представитель Ровенского ревкома Д. А. Юрьев докладывал, что «...когда весь уезд находился в руках Советской власти, был созван уездный съезд, на котором и сказалась плохая организация власти, причем выяснено, что в волостные исполкомы и комбеды попали кулаки, к устранению которых и были приняты съездами меры. Через три дня после съезда, благодаря агитации кулаков и петлюровских агентов, было вызвано восстание в Ровенской и Клеванской волостях».³ Заговорщики казнили всех членов Костопольского ревкома. В неравном бою у села Каменная Гора, где ку-

² РОГА. Ф. р-446. Оп. 1. Д. 35. Л. 66.

³ Житомирский областной государственный архив. Ф. 1667. Оп. 1. Д. 19. Л. 4.

лаки задержали поезд с советскими активистами, погибли заведующий военным отделом Ровенского ревкома Петр Андреев, секретарь Ровенской уездной комсомольской организации Яков Хейфиц и другие.

Мятеж был ликвидирован. Его зачинщики понесли заслуженное наказание.

Летом на Ровенщине действовали малые и крупные вооруженные банды, во главе которых стояли бывшие царские офицеры, украинские и польские помещики и кулаки. Особенно бандитизм был распространен в Острожском и Ровенском уездах. Бандиты организовывали погромы, убивали передовых рабочих и активистов, крестьян. В первых числах июля 1919 года контрреволюционный мятеж вспыхнул в Куневской и частью Кривинской волостях, входивших тогда в состав Острожского уезда. Бандиты арестовали нескольких членов уездного ревкома, прибывших туда по заданию, и жестоко расправились с ними.

5 июля был создан новый ревком.

В наведении революционного порядка трудящимся помогали армейские органы. Так, в Ровно активно работал пункт особого отдела 1-й Украинской Советской армии.⁴

Впервые вопрос о создании особые отделов в нашей республике был поставлен на заседании Украин-

⁴ РОГА. Ф. р-466. Он 1. Д 24. Л. 13.

ского Советского правительства 2 марта 1919 года. А 6 мая было принято Положение об особом отделе при ВУЧК, который работал под контролем Реввоенсовета фронта и выполнял все его задания, как и задания Наркомвоена республики. Особый отдел фронта размещался в Сарнах в гостинице «Виктория».⁵

Местное население в массе своей всецело поддерживало Советскую власть, защищало ее с оружием в руках.

Газета «Красная Армия» в 1919 году писала, что крестьяне Ровенского уезда сформировали две повстанческие дивизии. За мужество и отвагу, проявленные в боях против врагов Советской власти, они получили наименование «Железных».⁶

10 июля 1919 года в село Великие Межиричи (ныне Корецкий район) ворвалась банда некоего Соколовского. Но уже 18 июля эта банда, терроризирующая мирное население, была полностью разгромлена. Помогли крестьянам красноармейцы, посланные в село для проведения «Недели продовольствия».⁷

Умело руководил борьбой с контрреволюционными элементами ревком села Кричильск (Сарненский район), возглавляемый бедняком И. Ф. Левчуком. Ревком

⁵ Там же.

⁶ Красная Армия. 1919. 6 авг.

⁷ Історія міст і сіл УРСР. Ровенська область. К., 1973. С. 356.

села Козин (Червоноармейский район) организовал из трудящихся боевой отряд, командиром которого стал председатель уездного ревкома И. Дубинецкий. Под руководством Ровенского, Дубновского, Острожского, Сарненского ревкомов была организована охрана железнодорожных станций и путей.

14 августа 1919 года части Украинской Советской дивизии под натиском белополяков вынуждены были оставить Ровно. В июне 1920 года Красная Армия перешла в контрнаступление. На протяжении июля войска Первой Конной и 12-й армий Юго-Западного фронта освободили Ровенщину. О накале боев говорит тот факт, что ряд населенных пунктов края переходил из рук в руки по несколько раз. Так, Ровно бойцам Красной Армии пришлось брать дважды, Дубно – трижды.

Большевики развернули борьбу за восстановление органов Советской власти. В крае еще свирепствовали петлюровский бандитизм и атаманина. Власть в некоторых селах иногда оказывалась в руках кулачества, которое приспособлялось к новым условиям борьбы, стремилось подчинить своему влиянию середняка и незаможника. В городах процветала спекуляция, достигшая небывалых размеров. В советские учреждения хлынула враждебная диктатуре пролетариата мелкобуржуазная масса, заражавшая мещанством советский государственный аппарат. Бандиты-профессионалы собирались в шайки налетчиков.

Обстоятельства требовали немедленного создания на местах сильного аппарата борьбы с контрреволюцией, заговорщиками, бандитизмом и спекуляцией. Однако из-за плохой связи уездов с центром, нехватки опытных кадров работа уездных ЧК, возобновившаяся в начале 1920 года, была не на должном уровне. Поэтому сразу же после создания губернских ЧК в уезды посылались уполномоченные по организации политических бюро. Такое политическое бюро было создано и при Ровенском уездном ревкоме. В Ровно работал уполномоченный Волынской губернской чрезвычайной комиссии, заведующий политическим бюро Ливоцкий.

27 июля 1920 года ревком Ровенского уезда обратился к трудящимся с призывом к борьбе против внутренней контрреволюции, в котором говорилось:

«Украина буквально кишит шпионами. Спекулянты, скупая продукты первой необходимости, исключительно обрекают на голод бедноту.

...Во имя спасения сотен жизней братьев наших рабочих и крестьян, борющихся на фронте против международной буржуазии, во имя укрепления завоеваний Октябрьской революции обращаемся к гражданам с горячим призывом – помочь политбюро в его борьбе с врагами рабочего класса».⁸

⁸ Вісті Рівненського повітового ревкому. 1920. 27 июля.

Параллельно с губчека создавались железнодорожные ЧК. На железнодорожные ЧК ложились тяжелые и ответственные задачи, в первую очередь – охрана восстановленных путей сообщения, которые снова пытались разрушить вражеские диверсанты. Часть специалистов-железнодорожников бежала с петлюровцами и белополяками. Оставшиеся в большинстве своем были враждебно настроены к Советской власти, стремились путем саботажа усилить разруху на транспорте. Некоторые специалисты были связаны с бандами, которые грабили продовольственные склады и пускали под откос воинские эшелоны.

В 1920 году на Украине, кроме аппарата ЧК и чекистских вооруженных сил, действовали войска внутренней охраны (ВОХР) и части особого назначения (ЧОН), которые формировались непосредственно парткомами и им подчинялись. Аппараты ЧК поддерживали с ними самую тесную связь.

Большую помощь местным органам власти Ровенщины в раскрытии планов врагов Советской власти оказывали чекисты других губерний Украины. Так, Киевская губчека раскрыла в начале августа 1920 года крупную организацию аферистов-валютчиков, поддерживавшую связь с рядом городов страны, в том числе Ровно.

Чекистам приходилось вести тяжелую борьбу с разветвленным разведывательным аппаратом, создан-

ным правительством буржуазно-помещичьей Польши. Конечно, за спиной польской разведки стояли более могущественные капиталистические державы и их разведки. Ведь шпионско-диверсионная сеть на Украине создавалась еще с 1918 года и являлась частью единой разведывательной организации, носившей название «Польская организация войскова» (ПОВ). «Команда начальника 3» – составная часть ПОВ – вела шпионскую подрывную работу против Советской страны. Центр ее находился в Киеве. Киевская «команда» руководила окружными «командами», находившимися в Москве, Петрограде, Харькове, Житомире, Ровно.

В Волынской губернии в организацию ПОВ входило 60 человек, имевших оружие и большое количество боеприпасов.⁹ Чекистам удалось в 1920 году раскрыть киевскую организацию ПОВ и ее агентов, действовавших на Ровенщине.

И снова мирное строительство на Ровенщине было прервано белопольской интервенцией.

Местные жители оказывали помощь подразделениям Красной Армии, которые вели тяжелые бои с наступающим врагом: перевязывали раненых, были проводниками, обеспечивали лошадьми с подводами, а также принимали непосредственное участие в боевых действиях. Так, 17 сентября 1920 года в Ровно сформиро-

⁹ Маймескулов Л. Н., Рогожин А. И., Сташис В. В. Все-украинская Чрезвычайная Комиссия (1918–1922). Харьков, 1971. С. 164.

ван полк добровольцев, вместе с регулярными частями Красной Армии вставший на защиту города. Но силы были неравными, и спустя два дня интервенты захватили Ровно. В конце сентября 1920 года край оккупировали белополяки.

Много горя принес трудящимся Ровенщины почти 20-летний период владычества здесь буржуазно-помещичьей Польши. Ее правительство вело политику превращения западноукраинских земель в аграрно-сырьевой придаток центральных районов государства, жестоко расправлялось с участниками революционных событий. Их предавали суду, лишали политических прав, всячески преследовали.

Но трудящиеся не мирились с таким положением. Активно действовали на Ровенщине партизанские отряды. Успешные операции против воинских частей и полицейских формирований вели они, в частности, в районах Рокитно, Клесова, Дубровицы, Высоцка.

Ровенщина временно входила в состав Волинского воеводства буржуазной Польши, граничила с Советской Украиной. Здесь нашло пристанище много врагов Советской власти. После разгрома петлюровщины вожаки украинского контрреволюционного националистического движения, в том числе члены «правительства Украинской Народной Республики», очутились в эмиграции в Польше. Здесь, а также в Румынии сосредоточивались интернированные остатки войск УНР.

Именно на Ровенщине в те годы нашли убежище уцелевшие члены ряда разгромленных чекистами антисоветских банд. В селе Городок под Ровно жил пелюровский атаман Оскилко. В 1940 году в Ровно был задержан чекистами А. Волынец – главарь банды, действовавшей в 20-е годы на Винничине.

Через Ровенщину, ее села и местечки, расположенные на самой границе, нелегально переправлялись на Советскую Украину лазутчики. Именно город Ровно известный советский писатель В. Ардаматский называет польским и международным шпионским центром того времени. О работе этого центра подробное сообщение составил С. Дружиловский, который на протяжении долгих лет занимался грязной провокационной деятельностью, стоившей крови многим тысячам людей в разных странах, в первую очередь в Болгарии. Кстати, на судебном процессе по делу Дружиловского в Москве 8– 13 июля 1927 года свидетельские показания давал один из создателей Болгарской Коммунистической партии Васил Коларов.

В 1921 году в Париже несколько «активистов» из числа бежавших из России буржуазных деятелей задумали создать центр для продолжения антисоветской борьбы в условиях новой экономической политики. Это были председатель ликвидированного «Верховного управления Северной области», лидер партии народных социалистов Н. Чайковский, кадеты А. Кар-

ташев, Н. Вакар и другие. Учредители назвали свою организацию «Центром действия», образовали ее руководство в Париже и выработали «Наказ ответственным руководителям центров действия на местах».

«Центр действия» ставил своей задачей свергнуть Советское правительство и передать власть временному органу верховного управления. Разведывательные службы Франции и Польши выразили готовность содействовать «Центру действия», если он будет за это поставлять шпионские сведения о Советской России. Особенно усердствовали в организации шпионской работы Н. Вакар, скрывавшийся под кличками «Зело», «Зелинский», и главный резидент «Центра действия» в Варшаве Б. Евреинов-Гусар. Они же создали резидентуры в приграничных городах Корец и Ровно.

Наиболее важной частью этой подпольной организации в Киеве являлась «линия связи», созданная в марте 1921 года. «Линию», которая раньше принадлежала контрреволюционному «Народному союзу защиты родины и свободы», передал организации «Центр действия» печально известный Б. Савинков. Связистами на «линии» работали сестры Куцеваловы – Леонида (Пианистка) и Зинаида (Гимназистка), вовлеченные в преступную деятельность их братом, бывшим капитаном деникинской армии Бонифацием Куцеваловым, резидентом шпионской организации в Корце.

В июле 1923 года работники Киевского отдела Государственного политического управления, давно уже напавшие на след организации и наблюдавшие за нею, арестовали всех участников «Центра действия».

Активную подрывную деятельность против Советской Украины вели петлюровцы. Особенно проявил себя офицер Корниленко (агент дефензивы¹⁰ в Корце), Ивашкевич (Ровенский постерунок¹¹), Яворский (агент дефензивы в Сарнах), Воłyнец и Малько (сотрудники организации, ведавшей репатриацией на родину русских беженцев в Ровно) и другие. Малько с ведома и при участии ротмистра Шеполевского содействовал сосредоточению и подготовке в Сарнах и Ровно бандитской шайки атамана А. Воłyнца, которую забросили для «соответствующей операции» на Украину. В августе 1922 года от бывшего первого «президента УНР в эзиле» А. Левицкого некий Маркотун получил задание собирать шпионскую информацию для ровенской дефензивы и штаба 13-й польской дивизии, агент Ровенского постерунка Оберемок – аналогичное задание специальной группы М. Чеботарева (бывшего руководителя личной охраны С. Петлюры) и французской разведки. Националист Кравчук-Кравченко ставил вопрос об организации в Ровно спецшколы для подготов-

¹⁰ Контрразведка в буржуазной Польше.

¹¹ Полицейское учреждение.

ки террористов.

Но враги Советской власти не ограничивались только сбором развединформации, передачей ее через советско-польскую границу, организацией подпольных групп и центров. Они создавали на территории Польши, и в первую очередь на Ровенщине, банды для вторжения на Советскую Украину. Так, лишь в начале 1921 года на Украину были переброшены банды Мордалевца, Шепеля, Карого, Бержнадского, Онищука, Кравчука, Хмары, Грозного и другие.

В районе Острога в октябре того же года из Польши на советскую территорию проник вооруженный отряд петлюровцев под командованием генерала Нельговского. В ночь на 5 ноября с территории Ровенщины в районе юго-западнее Олевска переправилась банда Ю. Тютюнника. Как выяснилось позднее, польские буржуазные власти способствовали ей в переходе советской границы. Поданным Центральной межведомственной комиссии помощи жертвам контрреволюции, от бандитских действий на Украине пострадало свыше 500 тысяч человек, в основном мирного населения.

Чекистам приходилось проявлять много выдержки, упорства и умения для выявления и обезвреживания врага. Некоторые бойцы невидимого фронта работали в те годы и на территории оккупированной белополяками Ровенщины.

В нашем крае знают и чтут имена тех, кто муже-

ственно боролся против врагов в первые годы становления здесь Советской власти. Это – Г. П. Заводницкий из Верховска Ровенского района, командир местного отряда, погибший в одном из боев в 1920 году. Уроженец села Повча Дубновского района В. П. Рикун зарекомендовал себя не только способным военным организатором и командиром, но и хорошим партийным работником. Острожским ревкомом в самое трудное время руководил бывший матрос, учитель Я. А. Мацута. Активное участие в работе Ровенского подпольного райкома партии большевиков в конце 1918 – начале 1919 года принимал матрос Д. А. Пилинчук, родом из села Арестов (теперь Ровенский район). П. Л. Шульгин был членом Здолбуновского ревкома (1919 г.), потом входил в состав центрального аппарата ВЧК. Заслуженным авторитетом и любовью у трудящихся пользовалась член уездного ревкома Любовь Озоль.

Валентина Даниличева, Владимир Кобысь ТОВАРИЩ ОЗОЛЬ

В ту ночь в Ровно спали только люди с крепкими нервами. Кто ждал, а кто и опасался возможных перемен. Ближе к утру, когда вокруг заметно потемнело перед рассветной зарей, на улицах появились какие-то тени. Приглядевшись, можно было понять, что это катятся доверху нагруженные подводы, спешат, согнувшись под тяжестью поклажи, одинокие прохожие, а то и небольшие группы людей. Вся эта разношерстная и все более густеющая масса двигалась, будто загодя кем-то направленная, в сторону Клеванского тракта.

— Пилсудчики со своими прихвостнями деру дают! — провожала их презрительными взглядами городская беднота, которой опасаться перемен было нечего — скорее бы!

С наступлением дня толпы бежавших на запад пополнились воинскими подразделениями, измотанными наступающей лавиной буденновцев. Грохот, еще недавно отдаленный и пугающий, ворвался в город. Спасалось бегством, истязая шпорами лошадей, уцелевшее белопольское офицерье, тянулись, понури́в голо-

вы в конфедератках, конные и пешие солдаты оккупационных войск.

Под вечер, преследуя удиравшего и в бессилии огрызавшегося врага, центральной улицей города промчались, победно блестя в лучах предзакатного солнца обнаженными саблями, конники 36-го полка 6-й кавалерийской дивизии во главе с заместителем командира полка Олеко Дундичем. За ними вступили основные силы Первой Конной армии. Стычки, которые уже не могли изменить положение в пользу белополяков, продолжались и в сумерках, и в озаряемой вспышками разрывов и выстрелов темноте. Только глубокой ночью командарм Первой Конной С. М. Буденный и член Реввоенсовета К. Е. Ворошилов, расположившись штабом в двухэтажном кирпичном особняке, распорядились послать В. И. Ленину и М. И. Калинину телеграмму: «Город Ровно 4 июля в 23 часа взят доблестными частями Первой Конной армии. Враг, оставив много убитых и пленных, а также трофеи, под ударами наших частей в панике отступил в северном и западном направлениях. Ясновельможный пан Пилсудский может быть уверен, что его подлая авантюра жестоко будет разбита саблями красных бойцов Первой Конной армии...»

Выставив охранение, кавалеристы расседлали коней, задали им корм, напоили. Наскоро перекусили сами, преодолевая свинцовую усталость, которая в го-

рячке боя почти не чувствовалась, а теперь слипала веки, давила к земле. У сотрудников Особого отдела — среди них находилась и женщина немногим старше двадцати лет — еще были неотложные дела, и уснуть им удалось не скоро. А едва первые лучи солнца заиграли на золоченых крестах находившегося недалеко от штаба армии собора, молодая сотрудница, предупредив командование и оставив, как положено, адрес, по которому она будет находиться, попросила товарища присмотреть за ее лошадью, переложила из кобуры в карман кожанки наган и отправилась в город. Перейдя улицу, которая носит сегодня имя Короленко, мимо почты, поднялась вверх по Кавказской к неказистому, деревянному, с обвалившейся местами штукатуркой домику. Здесь жила семья вдовы путевого обходчика Гончарука.

Долго стучать не пришлось. Дверь отворила девочка-подросток. Секунду-другую внимательно смотрела на гостью, щурясь от яркого света. Настороженность в зеленоватых глазах девочки сменилась удивлением, а затем и радостью. Она улыбнулась, через плечо крикнула в сени:

— Мам, а мам! Погляньте, хто прийшов!..

На заскрипевшее крыльцо вышла вдова обходчика.

— Любовь Ивановна? Вот не ждала! Ой, нэ тэ кажу...
Доброго ранку, Любовь Ивановна! Заходьте, будь ласка...

– Здравствуйте, Марфа Стратоновна! Здравствуй, Галочка! Раз не гоните – зайду. Меня зовите Милдой Генриховной, а еще лучше – просто Милдой. Это мое настоящее имя, даже сама отвыкла от него. А Любовь... Ну, так надо было раньше, понимаете?

– Добрэ, добрэ, як скажэтэ, так і будэ...

Времени для пространных разговоров не было. Пришлось сразу перейти к делу. Нельзя ли снова поселиться в той комнатухе с запасным выходом во двор, в которой жила раньше? Можно? Тогда она вечером и придет, захватив свое нехитрое походное имущество. А пока извините...

И она, поблагодарив за гостеприимство, ушла, чтобы с головой окунуться в ответственные заботы сотрудника Особого отдела армии. Фактически ей, Милде Генриховне (по другим документам – Индриковне. – *Авт.*) Линде, которую товарищи больше знали по подпольной кличке как Любовь Озоля, а то и просто товарищ Озоля, предстояло принять на себя обязанности первого председателя Ровенской чрезвычайной комиссии. Так что было не до воспоминаний, хотя и с домиком на улице Кавказской, и тем более с городом ее связывало многое...

В прошлый раз Милда, как и теперь, вошла в Ровно с Красной Армией. Тогда это были части Таращанской и Новгород-Сиверской бригад Первой Советской Украинской дивизии Н. А. Щорса, которыми командовали В.

Н. Боженко и Т. В. Черняк. Это было 25 мая 1919 года — вскоре после того, как она стала бойцом-добровольцем Красной Армии. А до этого...

С детских лет Милде, чтобы помочь отцу и матери (у них кроме нее были еще две дочурки и сынишка), пришлось батрачить у немецкого барона, которому в ее краях (теперь Лодский сельсовет Валмиерского района Латвийской ССР) принадлежали чуть ли не все угодья. Шестнадцатилетней девушкой она в 1912 году стала членом Коммунистической партии, выполняла задания местной подпольной организации. Дочь Милды Генриховны — Изабелла Суреновна Петросян, которая живет в Москве, в письме к одному из авторов этого очерка вспоминает случай, о котором ей рассказали бывшие соратники матери по подпольной борьбе.

Как-то полиция арестовала руководителя подпольной группы. Необходимо было организовать побег. Но как это сделать? К арестованному никого не пускают, невозможно даже передать ему хотя бы коротенькую записку. Выручила Милда. Выдав себя за невесту узника, она обратилась в жандармское управление с просьбой разрешить ей обвенчаться с ним, прежде чем его отправят на каторгу.

После долгих и унижительных проверок венчание все же разрешили. Дерзкий замысел удался, но дорогой ценой: вместо спасенного руководителя на каторгу пришлось отправиться Милде. Через два года ее осво-

бодила революция...

До лета 1919 года Милда Генриховна работала в Особом отделе Ровенского уездного ревкома, принимала непосредственное участие в борьбе с петлюровцами и другими врагами Советской власти. В июле Антанта организовала очередное наступление белополяков на Украину и Белоруссию. Вместе с польскими дивизиями в наступление на ровенские города и села ринулся Петлюра, пополнивший свои ряды галицкими «сичовиками». Красной Армии под напором преобладающих сил противника пришлось отступить на восток. Военный отдел ЦК КП(б)У и Волынский губком партии оставили в Ровно и других городах края партийные комитеты и членов ревкомов для подпольной работы. В числе оставленных в тылу врага оказалась и Милда Линде, снова взявшая себе старую подпольную кличку Любовь Озолю.

Проходная, с запасным выходом, комнатуха в доме путевого обходчика Николая Григорьевича Гончарука, в которой Люба поселилась накануне отступления Красной Армии, устраивала ее. Здесь можно было встречаться с товарищами по подполью. Несколько раз ночами наведывался сюда один из ближайших соратников Любы, уроженец села Арестово Здолбуновского района краснофлотец Демид Пилинчук, направленный петроградскими большевиками на Волынь, в родные края, для организации партизанских отрядов.

Вполне довольной была подпольщица и рабочей семьей Гончаруков: Николай Григорьевич и Марфа Стратоновна, имея, вероятно, представление о том, чем занимается их квартирантка, ничем не проявили интереса к чужим делам.

Впрочем, «чужими» ее дела для путевого обходчика и его жены оставались недолго. Когда партизанский отряд Демида Пилинчука готовился к прорыву через вражеские тылы для воссоединения с бойцами Таращанской и Новгород-Сиверской бригад, Н. Г. Гончарук сделал решительный выбор – стал партизаном, потом красноармейцем полка, которым командовал все тот же «товарищ Демид». Как и его командир, не вернулся Гончарук домой, сраженный в бою за Киев вражеской пулей.

Вот почему ранним утром 5 июля 1920 года Милда Генриховна шла на встречу с вдовой и детьми Н. Г. Гончарука с тяжелым сердцем, словно была виновата в его гибели. Но Марфа Стратоновна и ее дети приняли бывшую квартирантку с неподдельным радушием.

Теплая волна благодарности согрела сердце Милды Генриховны и теперь, когда, подходя к домику на Кавказской улице, она увидела в «своей» комнате слабый огонек керосиновой лампы. Несмотря на позднее время, Марфа Стратоновна и Галя поджидали ее. Спали только младшие дети, Лидочка и Саша. Вскоре, правда, и Галя пошла к себе.

– Иди, дочка, иди отдохнуть, – сказала Марфа Стратоновна. – Завтра рано подниматься...

А Милде Генриховне объяснила: недавно через знакомых удалось устроить Галю на работу почтальоном. Не хотели брать – годами еще не вышла, пришлось сделать подарок жене начальника, зато будет хоть какая-то копейка, кормильца ведь потеряли. Или, может, почту теперь закроют?

– Ну зачем же, – успокоила Милда Генриховна хозяйку. – Без почты любой власти не обойтись. Постепенно жизнь нормализуется, появится больше возможности найти работу и вам. А Галочкин заработок семье будет кстати. Жаль только, что вставать приходится очень рано, да ничего не поделаешь...

И потянулись для Милды Генриховны горячие, хлопотливые денечки. Белополяки оставили в городе законспирированную агентуру. Хватало и затаившегося кулачья. Враг вредил как только мог. По ночам то и дело грохотали взрывы. Не прекращались вооруженные нападения всевозможных банд на передовые позиции и тылы красноармейцев. На четвертый день после вступления в Ровно частей Первой Конной армии в городском парке хоронили группу бойцов и командиров, погибших в стычке с белополяками. Среди них был и Олеко Дундич.

Но все-таки новое брало верх. Создавались партийные, советские, профсоюзные и комсомольские ор-

ганы. Уездный партком открыл педагогические курсы. Начали работать библиотеки, любительский театр.

7 августа состоялся второй общегородской коммунистический субботник. Вместе с рабочими-железнодорожниками Милда Генриховна, Марфа Стратоновна и Галя грузили на станции уголь. С работы возвращались уставшие, но довольные. По пути Милда Генриховна решила заглянуть в штаб, пообещав хозяйке и ее дочери долго не задерживаться. Домой вернулась часа через два. За это время ее будто подменили. От недавней веселости и следа не осталось. Была серьезной, молчаливой и озабоченной. Марфа Стратоновна и Галя, увидев такую резкую перемену в настроении квартирантки, тоже встревожились, но ни о чем расспрашивать не стали. Знали: если можно – сама объяснит в чем дело, а нет – значит, так полагается, им вмешиваться не следует.

После скромного ужина вдова путевого обходчика занялась хозяйством, а Галя принялась сортировать принесенные с собой письма – в крошечном служебном помещении было слишком тесно, и администрация вынуждена была сквозь пальцы смотреть на такое нарушение порядка. Раскладывала их так, чтобы утром не нужно было искать в сумке. Милда Генриховна, как это уже случалось и раньше в те редкие моменты, когда у нее выпадало немного свободного времени, решила помочь девушке. Раскладывая, как и она,

письма стопочками по названиям улиц, вдруг заметила два отдельно лежащих конверта из тонкой, но плотной бумаги, невольно вздрогнула. Галя это заметила, удивилась:

– Что, Милда Генриховна?

– А? Нет-нет, ничего... Впрочем... Что это у тебя за конверты? Можно поглядеть?

– Почему же нельзя? Смотрите, пожалуйста...

Милда Генриховна внимательно рассматривала конверты. Инстинктивно потянулась рукой к карману висевшей на гвоздике кожанки, но тут же села. Нет, сомневаться нет оснований, зрительная память еще никогда ее не подводила...

В кармане кожанки лежал точно такой же конверт, ставший для чекистки непростой загадкой. Попал он к ней совершенно неожиданно. Едва Милда Генриховна после субботника появилась в Особом отделе и поднялась в свой кабинет, дежурный сообщил:

– К вам тут один гражданин просится...

– По какому делу?

– Не знаю. Предупредил, что намерен говорить только «с самым главным чекистом».

– Хм... Ну что ж, зовите.

Дежурный вышел и тут же пропустил в кабинет коренастого мужчину в поношенной рабочей тужурке. Тот остановился у порога, удивленно глядя на подымающуюся ему навстречу молодую круглолицую женщину с гу-

стыми, коротко стриженными каштановыми волосами.

– Здравствуйте, товарищ...

– Кириленко я, Иван Степанович...

– Проходите, пожалуйста, садитесь, Иван Степанович. Что у вас за дело к нам?

Посетитель все еще не мог преодолеть нерешительность:

– Даже не знаю, с чего начать. Может, по пустякам беспокою. Звоняйте, якщо так, но сомнение возникло. Вот, посмотрите...

И протянул Милде аккуратный конверт из тонкой, но плотной бумаги.

На нем был указан номер дома на улице Хмельной. Ни фамилии, ни имени адресата на конверте написано не было.

Милда Генриховна непонимающе взглянула на Кириленко. Тот подался вперед:

– А вы всередку посмотрите...

В конверте оказался листик бумаги с единственной фразой: «В ночь на 15-е ожидается гроза».

– Ничего не понимаю.

– Так и я ведь тоже. Потому и пришел.

– Но письмо ведь ваше? Кто это вам так странно пишет? Если, конечно, не секрет.

– Да не-е... Тут, наверное, ошибка вышла. Письмо, я так думаю, соседу моему. Наши ящики рядом висят. Почтальонша, видно, ошиблась. Да и немудрено: на

конверте – видите? – ни номера квартиры, ни фамилии. Я потому и вскрыл конверт, иначе бы – ни в жизнь, мне чужие секреты ни к чему.

– А к нам почему решили прийти?

– Так, понимаете, сомнение закралось. Я когда прочитал записку – подумал, что кто-то пошутил, хотел порвать. Потом о соседе вспомнил, чуть было ему в ящик не бросил. А потом и засомневался: подозрительной показалась записка. Да и сосед, правду говоря, не сильно нравится.

– Что так?

– Да уж очень гоноровый. И семья его такая же. С нами, работягами, знаться не желает. Даже во дворе встретимся – проходит, будто мимо пустого места.

– А как его звать? Где работает или служит – не знаете?

Посетитель развел руками.

Поблагодарив его, Милда Генриховна попросила разрешения оставить странное письмо у себя.

– Только никому ни слова, даже своим домашним. Хорошо, Иван Степанович?

– Да это уже как положено. Что мы, не понимаем, что ли...

Письмо очень заинтересовало чекистку... Что за непонятная фраза? Может, и впрямь шутка? Полно, в это даже Кириленко не поверил. Не время сейчас для подобных шуток.

И вот – еще два таких же конверта. И почерк, несомненно, тот же. А адреса без фамилий. Что-то здесь нечисто.

– У вас что, заболел кто-то из почтальонов? – спросила Милда Генриховна Галю.

– Не-е... А почему вы об этом спрашиваете? – удивилась девушка.

– Да вот вижу на этих конвертах названия улиц, на которые ты раньше почту не носила.

– Правда... Это Иван Сергеевич меня попросил. Говорит, очень надо своевременно доставить по назначению, а я молодая, ноги, мол, крепкие. Вчера разнесла тем, кто поближе, – на Воле, Грабнике, Кавказе. А те два – аж на предместье Америка – не успела.

– А кто такой Иван Сергеевич?

– Так нашего же начальника заместитель, Яцута.

– И зачем это ему понадобилось посылать тебя одну во все концы города?..

Вскоре несложная работа была закончена. Милда Генриховна заинтересовалась:

– Не помнишь, Галя, сколько было таких вот конвертов?

– Да, наверное, десяток или чуть больше.

– И на всех – только адреса? Без фамилий?

– Ага...

– Ты, конечно, не помнишь адресов?

Девушка зарделась:

– Если бы я знала, что вам надо будет...
– Да я просто так... А если еще раз пройтись по тем улицам – ты смогла бы узнать дома, куда письма носила?

– Наверное... Да, конечно...
– Хорошо... Ну, не буду задерживать, тебе спать пора. А мне еще на работу надо

Проверив оружие, пошла к двери. На улице немного постояла, пока глаза привыкли к темноте, и заспешила вниз по Кавказской. По пути зашла в несколько хат, в которых квартировали ее ближайшие соратники-чекисты. Те не стали спрашивать о причинах столь позднего ее появления – знали: просто так беспокоить не станут, что-то, видать, случилось.

В штабе рассказала о подозрительных письмах. Соседались долго. «В ночь на 15-е ожидается гроза»... До указанной даты оставалась неделя. Но что значит эта дата? На пятнадцатое августа намечено открытие Первого съезда ревкомов и комнезамов Ровенского уезда. Что за гроза ожидается в ночь накануне этого события? Кто автор странных писем и кто эти люди, ожидающие или, что более вероятно, готовящие ночную «грозу»?

На следующий день вместе с Галей Милда Генриховна, переодевшись, прошлась по городу, запоминая адреса, по которым девушка разносила письма в конвертах из тонкой, плотной бумаги. Чекистам необходи-

мо было, не вспугнув тех, кому они предназначались, узнать, с кем придется иметь дело, если подозрения подтвердятся.

Прежде всего поинтересовались личностью заместителя начальника почты. Оказалось, что это действительно Иван Сергеевич, но не Яцута, а Яценя, в своем недавнем прошлом один из ближайших помощников небезызвестного Шапулы – начальника контрразведки «армии» петлюровского атамана Оскилко. Письма предназначались таким же, как и он, затаившимся врагам Советской власти. Их содержание давало основание предположить, что в ночь накануне съезда намечена какая-то крупная провокация.

За сутки до указанной в письмах даты чекисты скрытно наведались по всем интересующим их адресам, никому из пособников Яцени скрыться не удалось. При обыске у каждого была найдена взрывчатка. Смертоносные «гостинцы» должны были взорваться на рассвете 15 августа на вокзале, в рабочих общежитиях, в местах наиболее вероятного расположения прибывающих в город делегатов съезда, парализовать движение на дорогах и таким образом сделать невозможной работу съезда.

Не вышло! Как и намечалось, съезд ревкомов и комнезамов Ровенского уезда открылся в помещении театра в воскресенье 15 августа. В тот же день на имя В. И. Ленина была послана телеграмма, в кото-

рой говорилось: «Ровенский уездный съезд волостных и сельских ревкомов и комнезамов в количестве свыше 700 делегатов приветствует в Вашем лице всю Советскую трудовую Россию, которая удивляет мир героизмом и самоотверженностью. Съезд от имени трудящихся уезда шлет благодарность за изгнание власти польских и украинских помещиков. На горьком опыте крестьяне поняли и убедились, что только Советская власть рабочих, крестьян даст землю крестьянам. Съезд заявляет, что приложит все силы к укреплению Советской власти».

Делегатом съезда была и Милда Генриховна Линде. В конце октября Красная Армия оставила Ровенщину. Через несколько месяцев, в январе 1921 года, Милда Генриховна уже работает в Латышском подотделе отдела просвещения национальных меньшинств Наркомпроса. В том же году ее с паспортом на имя Амалии Зиединь партия посылает на подпольную работу в буржуазную Латвию. В августе 1922 года – новое тяжелое испытание: арест, суд, обвинение в принадлежности к подрывной организации, в нелегальном распространении изданий, подстрекавших к антигосударственной деятельности. И – одиночная камера в рижской срочной тюрьме...

12 февраля 1923 года Милда Генриховна Линде была выслана в Советский Союз в порядке обмена политзаключенными. В том же году она познакомилась в

Москве с человеком тоже непростой судьбы – бывшим участником Бакинской коммуны Суреном Карповичем Тер-Арутюновым и стала его женой. Однако трудная борьба, лишения пагубно отразились на здоровье этой мужественной женщины. В мае 1935 года ее не стало. А было ей тогда только 39 лет...

Юрий Щупак

НАКАНУНЕ

В тот майский вечер 1941 года в небе над Ровно происходило что-то необычное. Низко над домами на бреющем полете на северо-запад летел самолет с черными крестами на крыльях. Его преследовали два краснозвездных истребителя, прижимая пулеметными очередями к земле. Преследуемый самолет произвел посадку где-то в поле за Грабником. Одним из первых прибыл туда лейтенант госбезопасности Виктор Тимофеев. Областное управление НКГБ находилось в этом районе города, и машина доставила его и еще нескольких сотрудников к месту происшествия за считанные минуты.

Возле самолета догорали клочки бумаги. Два пилота в комбинезонах стального цвета суетливо пристраивали к мотору взрывное устройство, не обращая внимания на бегущих к ним чекистов.

Допросы немецких летчиков ничего не дали. Они твердили одно и то же: потеряли ориентировку, заблудились, вследствие чего углубились на советскую территорию. Вызвали экспертов из Москвы. Их заключение гласило: самолет приспособлен для ведения разведки, обнаружения оборонительных сооружений,

мест дислокации войск и аэродромов...

Ровенщина, как и другие западные области страны, с началом второй мировой войны оказалась в зоне наиболее активного воздушного шпионажа гитлеровской Германии. Как известно из архивных документов, с октября 1939 по июнь 1941 года свыше 500 раз нарушалось воздушное пространство СССР. Из признаний агентов абвера следовало, что их задания состояли не только в разведке, но и в подготовке диверсионных актов в советских пограничных округах.

Абвер занялся также реактивацией своей агентурной сети в Западной Украине и Западной Белоруссии. Лишь с октября 1939 по декабрь 1940 года пограничники задержали в западных военных округах примерно 5 тысяч лазутчиков и диверсантов.

...Этого скромного на вид, уже в годах человека многие ровенчане знали как добросовестного служащего Ровенского районного земельного управления. Он никогда не опаздывал на службу, с удивительной педантичностью и скрупулезностью выполнял все указания начальства, всегда учтиво и предупредительно вел себя с сослуживцами. Но с некоторых пор личность неприметного служащего заинтересовала чекистов. Уже очень ок напоминал по некоторым внешним данным (рыжее лицо, военная выправка) одного из бандитов, который еще с 20-х годов разыскивался за совершенные чудовищные злодеяния. После тщательной про-

верки фактов, их анализа возникло предположение, что скромный работник райзу не тот, за кого себя выдает. После первого же допроса сомнений у следователя областного управления НКВД не оставалось: арестованный – не кто иной, как Ананий Волынец, бывший петлюровский полковник, атаман кровавой банды.

2 февраля 1941 года ровенская областная газета «Червоний прапор» опубликовала статью «Атаман гайсинского куреня», в которой рассказала о страшных злодеяниях Волынца. Под его предводительством банда головорезов – местных кулаков, бывших офицеров – действовала в Гайсинском и Тульчинском уездах на Подолии. В звериной ненависти к новой жизни они жгли села, вешали, закапывали живьем сотни ни в чем не повинных людей.

Но вскоре Волынцу под ударами красных полков, отрядов чоновцев пришлось оставить насиженные места и удирать вместе с Петлюрой. В эмиграции бывший полковник нашел новое применение своим способностям – он оказался полезным человеком для польской дефензивы, а потом и для фашистской разведки. Волынец подвизался и на литературном поприще. В Ровно он издавал журнал «Дзвін», в котором публиковал статьи, полные ненависти к Советской власти, колхозному крестьянству.

После воссоединения западноукраинских земель в единой Украинской ССР Волынец затаился, замаски-

ровался, изменил даже внешность – завел клиноподобную бородку. Но уйти от правосудия не удалось. Кровавый петлюровский полковник, агент зарубежных разведок был обезврежен.

По просьбе винницких коллег ровенские чекисты передали Волынца им – для суда и наказания его в тех краях, где он совершал свои чудовищные преступления.

Оперативные сводки областного управления НКВД накануне войны ежедневно сообщали тревожные вести. Группа вооруженных националистов напала на председателя колхоза в селе Смордва Млиновского района – лишь случай помог предотвратить беду. Некий Сорока прямо на собрании выстрелом в упор убил одного из кандидатов на пост председателя колхоза в селе Тынное Сарненского района. Его удалось задержать лишь на следующий день в Клесове.

В один из зимних вечеров 1940 года в областное управление поступили сведения о том, что в Млиновском районе появился матерый националист, надрайонный комендант оуновской СБ Данило Жук. Есть точные данные, что он собирается несколько дней провести в кругу семьи на одном из хуторов неподалеку от Демидовки.

В оперативную группу, которая выехала для задержания бандита, входил и Виктор Тимофеев. Все подходы к дому надрайонного коменданта были надежно пе-

рекрыты, прилегающая территория просматривалась. Чекисты обследовали каждый уголок – но все напрасно. Словно сквозь землю провалился. И тут кому-то из чекистов пришла в голову мысль еще раз обследовать небольшой хлев – слишком часто хозяйка ходила туда

В хлеву мирно похрюкивали кабаны. Казалось, ничего не изменилось со вчерашнего дня. Так же посреди загорожи поблескивала жижица, и лишь возле стен было посуше, там лежал сухой слой навоза.

Решили обследовать это место вилами. Тимофеев прощупывал навоз метр за метром. Вдруг раздался приглушенный крик, и из кучи, придерживая рукой пораненное место, поднялся заросший щетиной детина. Это был надрайонный комендант СБ, агент абвера Данило Жук.

...Еще задолго до нападения Германии на Советский Союз чекистам пришлось вступить в настоящую войну с фашистской агентурой. Из поединка с ней они вышли победителями. Свой посильный вклад в эту победу внес и Виктор Георгиевич Тимофеев.

Петр Яковчук

БОЙ НА ОКРАИНЕ

Июньский полдень зажег в небе не одно, а, как казалось майору Винокуру, сотню солнц. Кровь из простреленного предплечья мгновенно запекалась на ладони и противно липла к рукоятке пистолета. Майор прикинул, сколько в нем патронов – обойма-то последняя.

И товарищи стреляют все реже. А немцы на самом перекрестке – выезд из города перекрыт окончательно. Теперь одно осталось – отдать жизнь подороже. Начальник Дубновского районного отдела НКГБ Я. Д. Винокур решает отвлечь внимание гитлеровцев, вызвать огонь на себя – может, хоть часть его людей сумеет отойти к Панталии...

Шел четвертый день войны. Всего четвертый, а Винокур уже потерял счет времени с того полуночного звонка начальника строительства военного аэродрома капитана Вовка.

– Товарищ майор, нас бомбят! Есть убитые и раненые!

– Сейчас буду!

Поехали с первым секретарем райкома партии А. И. Денисенко. На краю летного поля увидели санитарную машину с включенным мотором. Тотчас подбежал

капитан Вовк и, взяв под козырек, принялся докладывать. Но тут взвыли над головами самолеты, грохнули взрывы. Винокур жестом велел Вовку йти в укрытие, сам же с Денисенко сели в машину, и водитель чекистской «эмки» Маратковский резко нажал на педаль газа.

Из райкома Денисенко позвонил в областной центр.

– Ничего определенного не могу вам сказать, – ответил дежурный по обкому партии. – Нас также бомбят. Судя по опознавательным знакам, самолеты немецкие.

– Пойду-ка я в райотдел, – заспешил Винокур.

– Да, да, – согласился Денисенко и начал вызывать сельские Советы...

Уже на следующий день в городе появились эвакуированные из пограничной полосы. Встревоженные дубновчане засыпали их расспросами: «Ну что там?»

– Беда! Немцы уже под Львовом...

По городу закружили слухи о немецких шпионах.

Для руководства районом в условиях военного времени, борьбы с националистическим подпольем и фашистскими диверсантами райком партии образовал штаб в составе товарища Денисенко (начальник), председателя райисполкома Тимошенко и Винокура. Из чекистов, милиционеров и совпартактива был сформирован истребительный отряд. Он получил винтовки, патроны и 10 грузовиков. Партийно-советский актив перешел на казарменное положение. Была уста-

новлена круглосуточная охрана телефонного узла, телеграфа, электростанции и других особо важных объектов.

Вечером прервалась телефонная связь с Червоноармейском и Демидовкой – западными райцентрами Ровенской области. Винокур поручил оперуполномоченному Колобкову выехать со взводом войск НКГБ на разведку в сторону Демидовки.

На рассвете 24 июня в райотдел прибежали два солдата из взвода и доложили, что Борис Дмитриевич Колобков и весь личный состав подразделения погибли в схватке с немецкими мотоциклистами всего в 12 километрах от Дубно.

Штаб решил на всякий случай готовиться к отправке в тыл государственного и колхозного имущества, эвакуации семей военнослужащих. Днем первому секретарю позвонил управляющий районной конторой Госбанка Розенталь и доложил, что ему приказано вывезти деньги в Ровно.

Следовало позаботиться о партийных документах. Денисенко поручил заведующей сектором учета Н. А. Никулиной доставить учетные карточки членов и кандидатов в члены ВКП(б) в обком партии.

Вскоре начался артиллерийский обстрел железнодорожной станции. А под вечер в райисполком пришло сообщение из Вербы: село (в 20 километрах западнее Дубно) занято гитлеровцами. Тимошенко тут же при-

нялся звонить в Ровно, но ему не ответили. Причиной, вероятно, было повреждение линии. Дозвониться удалось в соседний райцентр Млинов. Из узла связи сообщили:

– В поселке – немцы!

Было ясно, что враг окружает Дубно. А город расположен как бы на полуострове – его опоясывает река Иква с широкой поймой. Выбраться на восток можно лишь по дамбе к пригородному селу Панталія. Вот только бы фашисты не захватили или не взорвали мост на Икве.

В 22.00 работники всех учреждений Дубно, районных отделов НКГБ и милиции с необходимыми личными вещами собрались в сквере по улице Шевченко, где их ждали грузовики. Когда все расселись, Винокур обошел автомобили, расспрашивая пассажиров, нет ли чужих. Предупредил, что возможны немецкие диверсанты.

Денисенко, Тимошенко и председатель горисполкома Козийчук, стоя посреди улицы, вглядывались в сторону центра. Наконец показалась легковушка с начальником милиции Виктором Степановичем Черевко и заместителем начальника райотдела НКГБ Александром Ивановичем Цыбанем. Они сообщили, что немцы обстреливают южные окраины.

– Двигаемся, – проронил Денисенко.

И мост был цел, и на дамбе ни души, а вот в селе

Молодаво встретили автомашину с... Никулиной.

– Вы куда? – удивилась Наталья Александровна. – В обкоме учетных карточек не приняли, еще и выругали: мол, не паникуйте!

«Может, мы действительно поторопились с эвакуацией?» – засомневались руководители района. Выслали в Дубно разведку. Она доложила, что враг уже на железнодорожной станции.

И все-таки... Не похоже ли это на бегство? Через несколько километров – очередной привал. Грузовики свернули в придорожный лесок, а члены штаба выехали легковой автомашиной в Ровно узнать, как быть дальше.

В областной центр прибыли глубокой ночью. Здесь поразила нескончаемая вереница танков, спешащих на запад.

– Ну, теперь наши погонят фрицев, – радостно повторял Тимошенко.

В обком партии Денисенко пошел сам, а Винокур отправился в областное управление НКГБ.

Получили одинаковое распоряжение: немедленно всем возвращаться!

Второй секретарь обкома партии ввел Денисенко в курс событий:

– В район Дубно для усиления обороны и нанесения мощного контрудара советское командование направило механизированный корпус. Он сейчас на линии

Броды – Берестечко. Ваша задача – поддерживать до его подхода спокойствие в городе. Учтите: завтра, вернее, уже сегодня, – поправил себя секретарь, взглянув на часы, – ровно в девять ноль-ноль должны открыться все учреждения, все магазины.

Назад ехали со смутным чувством тревоги. Но родной город встретил их сонной предрассветной тишиной. О войне ничто не напоминало. Сотрудники райотдела госбезопасности выгрузили из автомобилей имущество и разошлись. Уборщица Любовь Лукьяновна Кручек взялась мыть пол в кабинете Винокура.

– Видишь, напрасно мы волновались, – облегченно сказал ей Яков Давыдович.

...Рассвет 25 июня застал жителя села Дубровка Григория Магеля в пути. У него рано начиналась смена на дубновской хлебопекарне. По дороге свернул на хутор Красница к товарищу по работе чеху Иосифу Фрицу. Дома Иосифа не было. Мать сказала:

– Подожди, он скоро вернется из Лютгардовки.

Григорий присел на скамейке во дворе. Поглядывая на всходившее солнце, пытался предугадать погоду на сегодня. Опасался дождя, так как после работы надо будет сгрести сено.

Из раздумий его вывел гул моторов на шоссе. Перед пересечением дорог Дубно – Луцк – Ровно разворачивался танк. Взяв влево, он двинулся к кладбищу, затененному старыми липами и дубами. Как бы прячась

от замершего Григория, танк заполз под густые ветки. Мотоциклы остановились на обочинах. Водители и сидевшие в колясках солдаты перебежали дорогу и залегли в посеве ржи, что подпирала перекресток с правой стороны...

В городе никто об этом не знал. Винокур срочно выехал в Рачин, откуда принесли тревожную весть: бандиты напали на председателя сельского Совета Плысюка. Он лежал дома в тяжелом состоянии.

– Максим Тимофеич, кто они?

– Арсентия Кривичуна узнал... верхом на коне... после повели в ха-хату... – захрипел Плысюк.

Яков Давыдович подал ему кружку воды, подождал с расспросами. Председатель отдышался и продолжил:

– Бросили меня на пол, связали, положили на живот доску и прыгали на нее со стола.

– Чего добивались?

– Где на аэродроме оружейные склады.

– Но вы то при чем?

– Они знают, что я там намерял землю и давал людям на стройку.

– Куда ушли, не заметили?

– В лес, куда же еще.

– По-онятно, – задумчиво промолвил Яков Давыдович. – Вот что, Тимофеич! Бери-ка пистолет – уверен, ночью они снова наведуются.

– Да, так и пригрозили.

– Ничего, встретим!

На обратном пути Винокур обдумывал план поимки банды оуновцев. Не оставалось сомнений, что она связана с немецкой разведкой. Не из собственного же любопытства Кривичун интересовался военным аэродромом. Надо обсудить это с Цыбанем.

Однако в райотделе НКГБ стояла гулкая тишина. Яков Давыдович бросился на стадион, где было назначено место сбора в случае новой эвакуации. Вслед за ним туда свернул грузовик с четырехствольным зенитным пулеметом. Старший машины, офицер-авиатор, рассказал, что отбилсЯ от части и, если товарищи собрались эвакуироваться, присоединится к ним.

– Нам такое подкрепление кстати, – обрадовались члены штаба. Ведь дубновчане были вооружены лишь винтовками либо пистолетами.

Денисенко сообщил Винокуру: в предместье Забрама остановилось семь вражеских танков – немцы, видимо, еще не знают, что подразделения Красной Армии оставили город. Медлить с выездом не стоит.

Воинская машина тронулась первой, за ней – грузовик с чекистами и милиционерами, далее – грузовики с работниками госпартучреждений. Замыкал колонну Винокур на служебной «эмке». Держа оружие наготове, чекисты вглядывались в болотистую долину реки Иква, чтобы не наткнуться на засаду.

За Панталией, метров за триста до развилки дорог

Дубно – Ровно – Луцк, остановились выяснить обстановку.

– Куда вы, товарищи! – подбежал к ним Григорий Матгель. – Там, на кладбище, немецкий танк! А за ним я видел мотоциклы.

Оправдались наихудшие опасения! Что делать?

– Надо бросить автомобили и небольшими группами рассеяться по болоту, – предложил редактор районной газеты В. Д. Черняхивский.

– Ну, а далее что? – спросил Винокур. – Немцы нас там перестреляют, как уток. Будем прорываться!

– С оружием туговато, – вздохнул начальник райотдела милиции В. С. Черевко. – С пистолетами против танка не очень повоюешь. Но и другого выхода нет.

Пока не подавал голоса первый секретарь райкома партии. Понимая, что его слово должно стать решающим, А. И. Денисенко старался еще раз все взвесить.

Наконец рассудил:

– Разумеется, не к лицу коммунистам трусливо избегать врага, и здесь я с вами, Яков Давидович, вполне согласен. Но ведь на машинах есть женщины с детьми. Да и некоторые гражданские безоружны. Кто дал нам право подставлять их под пули?

– В бой пойдем только мы – военные, – уточнил А. И. Цыбань. – Ударим внезапно, немцы подумают, что у нас сила. Нам бы хоть немного оттеснить их, чтобы успели проехать автомашины.

Штаб утвердил группу прорыва из чекистов, милиционеров и добровольцев из совпартактива численностью около сорока человек. Возглавил ее Винокур.

Яков Давыдович подробно расспросил Магеля, в каком именно месте на кладбище затаился танк, где залегли мотоциклисты. А что, если завязать отвлекающий бой? Поручил десяти работникам райотдела НКГБ скрытно пробраться как можно ближе к перекрестку со стороны Луцка и вступить в перестрелку.

— Мы, — объяснил, — тронемся через 15 минут. И как только автомобили минуют перекресток, ударим в лоб.

Но выждать обусловленное время не удалось. Едва чекисты пробежали узкую полосу болота и нырнули в рожь, как оттуда застрочили автоматы и пулеметы.

— Вперед! — скомандовал Винокур.

Грузовик рванул с места. Проехали 200 метров, 250, а враг словно не замечает их. Еще 50 метров... Автомобиль с зенитной установкой уже на развилке! И в это время танк бьет по нему прямой наводкой. Из придорожной посадки выбежали гитлеровские автоматчики. Их было сотни полторы, не меньше.

Автомобиль группы прорыва резко затормозил, бойцы спрыгивали и занимали оборону вдоль насыпи.

— Держаться до последнего! — приказал Винокур. — Патроны беречь!

Когда враг подошел совсем близко, открыли огонь. Фашисты не выдержали, залегли. Вдруг раздался крик:

– Танки!

В одно мгновение подбросило вверх камни на мостовой, загорелся грузовик. Послышались стоны раненых. Снова поднялись в атаку немецкие автоматчики. Вот они уже на самом перекрестке. А у оборонявшихся кончаются патроны.

И вот тогда Винокур решает вызвать огонь на себя. Он срывается на ноги и, отстреливаясь на ходу, бежит по насыпи в сторону Ровно. Вслед ему бросается Цыбань. Это были последние мгновения их жизни...

В ожесточенной схватке с гитлеровцами погибла почти вся группа прорыва, но партийно-советские работники и их семьи вышли из окружения. Женщины с детьми отправились на восток, а мужчины призывного возраста пополнили личный состав одной из частей 8-го механизированного корпуса Юго-Западного фронта, который сдерживал яростный натиск фашистов на линии Луцк – Дубно – Кременец.

После Великой Отечественной войны останки героев были с почестями перезахоронены на городском мемориальном кладбище советских воинов, а на месте их гибели воздвигнут обелиск. Теперь там почетный пост номер один Дубновского горрайотдела внутренних дел. Свято чтят дубновчане память о тех, кто в жарком июне 1941 года вписывал первые строчки в книгу нашей Победы. Вспомним их поименно:

Козийчук Сидор Онуфриевич – *депутат Верховно-*

го Совета

УССР, председатель Дубновского горсовета;

Винокур Яков Давыдович – начальник райотдела НКГБ;

Цыбань Александр Иванович – его заместитель;

Черевко Виктор Степанович – начальник райотдела милиции;

Челноков Иван Павлович – его заместитель;

Давыденко Алексей Максимович,

Никулин Иван Кириллович – сотрудники райотдела НКГБ;

Бурдило Григорий Николаевич,

Войт Иван Степанович,

Андрушин Александр Григорьевич,

Касьянчук,

Матвийчук – милиционеры;

Петренко – начальник паспортного стола;

Иванов – прокурор района;

Маратковский О. Б. – водитель райотдела НКГБ;

Ворожик Борис Дмитриевич – военнослужащий;

Набережная Домникия Гри – жена летчика;
горьевна

Кушко Иван – заведующий райземотделом;

Судмедэксперт (фамилия не установлена).

И еще около 20 неизвестных героев, имена которых установить не удалось. Пусть же будет им пухом ровенская земля!

Ким Закалюк ОТВАЖНЕЙШИЕ ИЗ ОТВАЖНЕЙШИХ

*Если бы у меня спросили, кого я считаю
самой сильной
и привлекательной личностью среди
плеяды борцов
против фашизма, я бы без колебаний
ответил: Николая
Ивановича Кузнецова, великого гуманиста,
уничтожавшего
тех, кто хотел уничтожить
человечество.
Фредерик Жолио-Кюри*

О Мечиславе Стефанском я был слышан давно. Как о каждой легендарной личности, о нем рассказывают множество самых невероятных историй. Но познакомиться с Мечиславом за все послевоенные годы никому из его товарищей по оружию не удавалось. Ждали как-то ко Дню Победы – не приехал. Приглашение пришло слишком поздно, да к тому же по другому адресу. Позже собрался было ехать – с братом стряслась беда...

Но вот повстречал меня приятель-журналист.

- Слыхали: Стефанский в Ровно. Скорее к телефону.
- Мечислав Стефанский?!
- Так есть. Договариваюсь о встрече.

Из настежь открытых окон в гостиничный номер доносится благоухание роз, буйно цветущих в скверике. Мечислав смотрит задумчиво на площадь, а я тем временем стараюсь незаметно его разглядеть. Внешне в нем нет ничего примечательного. Невысокий, худощавый. Левый глаз немного косит. Видимо, перехватив мой взгляд, Мечислав говорит:

– Это досталось мне от «своих». Немцы не зацепили, а вот дома прошили. После войны вел борьбу с бандами, так с тех пор и хожу с этой отметиной. Теперь уже ничего, раньше хуже было. Несколько раз оперировали.

Но тут же, видимо желая прервать неприятные воспоминания, говорит:

– А как здорово изменилось Ровно. Когда я покидал его, на этом месте лежали груды развалин. Тогда трудно было представить, что через каких-нибудь несколько лет из пепла поднимется вот такой цветущий красавец.

Вечером мы с Мечиславом отправились в школу к моей дочери на выпускной бал. Потом долго гуляли по городу. В этот свой приезд Мечислав Стефанский посещал заводы и общежития, парки и клубы, встречался после многолетней разлуки со своими товари-

щами, выступал перед молодежью. Я старался все запомнить, не пропустить ни одного слова, ни малейшего события.

...Когда после инспирированного эсэсовской бандой «польского налета» на радиостанцию Глейвиц Гитлер обрушился на Польшу, Стефанский взялся за оружие. Но вскоре трагическая судьба страны была решена. И вот в те дни под Сокалем, что на Львовщине, в расположение советских войск вышло четыре польских солдата. Они бежали из немецкого плена. Когда в штабе нашей части капрала Стефанского спросили, что он намерен дальше делать, Мечислав не колеблясь ответил:

– Сражаться с фашизмом!

В тот трудный час Мечислав Стефанский стал бойцом тайного фронта.

Не раз среди ночи к берегу реки, за которой проходили немецкие окопы, подъезжала выдавшая виды «эмка». Из машины выходили люди в военном и напряженно вглядывались в ночную мглу. Они были обеспокоены возней гитлеровцев по ту сторону границы. Советскому командованию важно было знать о замыслах врага. А то, что гитлеровцы затевают что-то недоброе, было очевидным. К границе тайно стягивались войска.

И Стефанский уходил в глубь оккупированной гитлеровцами Польши. Из города в город, из дома в дом он шел по заранее известным адресам на встречу с

патриотами, верными людьми. Передавал шифровки, держал в своей цепкой памяти номера воинских соединений, направление их движения, считал стволы орудий, танки, самолеты.

– Это были самые разные люди, – рассказывал Мечислав, – мастеровые и юристы, врачи и железнодорожники. Были среди них и наши товарищи, которые по заданию советской разведки работали в варшавском гестапо. Всех нас объединила одна цель: ненависть к фашизму, к войне.

Восемь раз уходил Мечислав на связь, восемь раз, рискуя жизнью, переходил границу. Последний раз он переплыл Буг с наступлением сумерек 21 июня. Вслед ему свистели пули – шла погоня. Обессиленный, он упал на руки подхвативших его советских пограничников и смог только прохрипеть им одно страшное слово: война!

Ему, разведчику, приказали отправиться в Ровно, где находилась его семья и многочисленная родня, бежавшая из оккупированной Гитлером Польши, и ждать, когда подадут сигнал «Привет из Варшавы». Привыкший к дисциплине, Стефанский ждал, но не думал, что продлится это так долго. Ожидал, что к нему придут, когда шли бои на подступах к Ровно, ждал, когда улицы города уже заполнили фашисты. Ждал в томительно долго тянувшиеся дни, месяцы оккупации. Но о нем словно забыли.

И тут случилось непредвиденное. Полицейский вручил ему повестку о мобилизации на работу в Германию. Стефанский понял, что ждать дальше становится опасным. При более тщательном знакомстве гитлеровцы могли докопаться до его прошлого, но солдатский долг повелевал не покидать город, оставаться на посту. Тогда с помощью верных друзей Мечислав устроился истопником в гебитс-комиссариате, а Чеслава, его жена, чернорабочей на колбасной фабрике.

Однажды вечером у дома остановился черный «опель», и из машины не спеша вышел обер-лейтенант.

– Хайль Гитлер! – гаркнул светловолосый обер, едва переступив порог, и по всей форме щеголевато пристукнул каблуками. Снял перчатку и подал руку. Мечислав волновался. Видимо, почувствовав это, Пауль Зиберт (так гость представился) даже не подал вида, его лицо застыло в непроницаемой маске безразличия и высокомерия немецкого офицера. Удобно усевшись на стуле, не снимая фуражки с высокой тульей, Зиберт стал расспрашивать на ломаном польском языке о житейских мелочах. Стефанский отвечал, а сам все думал, к чему бы это. Однако долго строить догадки не пришлось. Гость вдруг будто весь преобразился, глаза его потеплели, и он дружески обратился к Стефанскому:

– Дорогой Мечислав, мы свои. Привет вам из Вар-

шавы. Не надо бояться. Я советский разведчик. Называйте меня Грачев. В Москве вас помнят. Центр рекомендует привлечь вас к работе.

Под именем Николая Васильевича Грачева в составе оперативной группы отряда специального назначения «Победители» действовал советский разведчик-чекист, впоследствии удостоенный звания Героя Советского Союза, Николай Иванович Кузнецов. Выдавая себя за немецкого офицера Пауля Зиберта, владея в совершенстве немецким языком, Кузнецов проникал во вражеские штабы и учреждения, добывал ценную разведывательную информацию, осуществил ряд актов возмездия над высшими чинами фашистской администрации в Ровно, Луцке и Львове.

Мечислав Стефанский и Николай Кузнецов в тот ноябрьский вечер 1943 года долго сидели, уединившись за зашторенными окнами, и вели вполголоса неторопливую беседу. Кузнецова интересовали связи Мечислава, его наблюдения, положение в городском комиссариате, люди, на которых можно положиться. Стефанский отвечал односложно. Он никак не мог преодолеть растерянность, так и не поверив в тот вечер, что Пауль Зиберт – советский разведчик или хотя бы связан с подпольным движением: уж слишком все в нем – от внешнего облика до манеры поведения – было немецким, арийским.

Ночью в доме Стефанских не спали. Всех терзала

одна страшная мысль: а что, если это провокация? К новому визиту Грачева-Зиберта Мечислав отнесся также сдержанно и осторожно.

Через некоторое время Мечислава переправили в отряд. Стефанский видел партизанский лагерь, имел долгий разговор с Дмитрием Николаевичем Медведевым и его помощником по разведке А. А. Лукиным. Из этих бесед Мечислав понял, что перед ним действительно люди с Большой земли. По радио Стефанского связали с его прежним руководством. Он получил приказ отныне выполнять все указания Медведева.

Домой Мечислав ехал в приподнятом настроении. Наконец настало долгожданное время действовать. А навстречу выбежала с красными от слез глазами испуганная Чеслава. Приходили из комиссариата и ругались, почему он так долго не является на работу. Объяснила: мол, стряслось несчастье у родственников и надо было срочно помочь им. Но весь ужас в другом. На фабрике неожиданно появился тот высокий офицер, который приходил к ним домой. Зашел на территорию и приказал охраннику найти ему красивую польскую пани Чеславу. Хозяин смертельно перепугался визиту такого важного гостя, а Зиберт вел себя независимо. Галантно и сдержанно поклонился Чеславе, как старому знакомому, взяв под руку, прошелся по двору. За это время он успел сказать, что в столе хозяина хранятся очень ценные проездные документы, и попросил

достать для него несколько бланков.

Помня об опасениях мужа, она не дала определенного ответа. Но хозяин как бы невольно сам помог ей в выполнении поручения Зиберта. Он был в восторге от близкого знакомства его работницы с таким важным немцем и пригласил Чеславу заходить к нему в кабинет. На другой день, воспользовавшись приглашением, она зашла к хозяину, а когда его позвали на минуту из кабинета, взяла нужные бланки.

Стефанские оказались в гуще борьбы. Мечислав собирал различные сведения, связывал партизан с военнопленными, работавшими в городе, и как зеницу ока оберегал явочную квартиру, куда в особых случаях приходил Кузнецов.

Помогала подполью и Чеслава.

– Николай Кузнецов – вроде бы крестный отец Чеславы, – говорит Стефанский. – Он дал ей партизанское имя Мура, под которым Чеслава была известна разведчикам.

В то время Николай Кузнецов и его боевые товарищи готовились к одной из самых дерзких и смелых операций нашей разведки в глубоком тылу врага.

В состав оккупационных войск на Украине, кроме немецких соединений, входили и так называемые «остентруппен». Они включали в себя части РОА («Русской освободительной армии», так пышно именovali себя предатели-власовцы), украинских нацио-

налистов и разных легионеров, набранных из уроженцев Кавказа и Средней Азии. Командовал ими генерал Ильген. Основной контингент «остентруппен» состоял из бывших белогвардейцев, вернувшихся из-за кордона вместе с оккупантами, предателей Родины, изменивших воинской присяге, уголовников, а также всякого рода антисоветских элементов, выжидавших своего часа. Достаточно сказать, что одним из заместителей Ильгена был петлюровский генерал Омелянович-Павленко, сменивший теперь смушковую папаху на немецкую генеральскую фуражку. Его преступления в годы гражданской войны еще не забыла Украина.

План настоящей операции был тщательно разработан и утвержден в Центре. Небольшой группе разведчиков во главе с Кузнецовым поручалось уничтожить генерала-карателя Ингеля. Учитывалось при этом то обстоятельство, что в его доме – длинном одноэтажном особняке на Млынарской, 3, – работала экономкой Лидия Ивановна Лисовская, советская разведчица.

Нападение Германии на Польшу сразу же принесло ей горькую весть – пропал без вести ее муж, офицер польской армии. В ту пору Лисовской было тридцать лет. Осенью 1941 года Лида возвратилась в родное Ровно из Львова. Ей удалось устроиться помощницей повара на кухне офицерской столовой в лагере для советских военнопленных.

Здесь Лида познакомилась с военнопленным Вла-

димиром Грязных. Вместе они устраивали побеги пленных к партизанам. С одной из групп беглецов пришел в отряд «Победители» и Грязных. От него здесь, а затем и в Центре узнали о Лисовской. После тщательной проверки было решено привлечь Лидию Лисовскую к подпольной работе.

К этому времени «пани Леля», как называли Лисовскую в кругу ее знакомых, уже стала старшей официанткой ресторана «Дойчегоф». Ей удалось завести знакомство с высшими гитлеровскими чинами, среди которых у молодой, обаятельной женщины было немало поклонников. Ведь в тридцатые годы Лида была «мисс Полония» – победительницей конкурса красоты в Варшаве. Она увлекалась музыкой, живописью, училась в балетной школе и даже приглашалась на работу в Голливуд. Именно от своих «поклонников» разведчица Лисовская добывала много ценной информации. В частности, от знакомого летчика она узнала о том, что спецшколу, находившуюся под Ленинградом, в 30 километрах от Ораниенбаума, собираются перебросить в Иран для проведения террористических актов против англичан. От него же Лисовская получила сведения о разрабатываемом и утвержденном плане химической войны против СССР. Естественно, вся информация немедленно передавалась советскому командованию.

Вместе со своей кузиной Майей Макаровной Микотой, которую Лисовская привлекла к разведыватель-

ной работе, они помогли Н. И. Кузнецову нейтрализовать сотрудника рейхскомиссариата «Украина» Геттеля, заподозрившего в Кузнецове разведчика.

Большая заслуга Лидии Ивановны и Майи Микоты в создании условий для похищения генерала Ильгена. Дело в том, что генерал сам предложил Лисовской сменить сомнительное для молодой женщины положение официантки на вполне респектабельную и более выгодную материально должность экономки.

«Это был, должно быть, единственный случай, – пишет в книге „Николай Кузнецов“ заместитель командира отряда „Победители“ по разведке А. А. Лукин, – за всю войну, когда полностью совпадали интересы гитлеровского генерала, фашистской службы безопасности и советской разведки!».

И вот день «акции Ильген» настал. Это было 15 ноября 1943 года.

– В этот день Николай Кузнецов подъехал к нашему дому и зашел, в квартиру, неся с собой офицерский вещмешок и чемоданчик. Он был какой-то замкнутый, сосредоточенный. Сразу после приветствия перешел к делу, – вспоминает Стефанский.

– Мечислав, мы предлагаем принять участие в одной операции. Должен предупредить: дело весьма опасное и может случиться, что не выйдем из него живыми. Так что прежде чем дать ответ, хорошенько подумайте.

Стефанский не раздумывал – он готов был выполнить любое задание. Беспокоила только судьба сыновей и жены. Что случится, если он попадет в лапы немцев? Тогда они, установив его личность, расправятся и с четырьмя его мальчиками, и с Чеславой, и со всей многочисленной родней, проживающей в Ровно. Эта мысль тревожила его. Но вместе с тем он понимал: раз к нему обратились, значит, верят, значит, он нужен.

– Я прежде всего солдат. И долг для меня превышает всего.

– Тогда быстро переодевайся. – С этими словами Кузнецов открыл чемодан и выложил из него мундир лейтенанта, а из вещмешка – ботинки.

– И все как на меня шито, даже ботинки пришлись по ноге. Это тоже, если хотите, своего рода разведка, – улыбаясь, вспоминает Мечислав. – Куда и зачем мы едем, я еще не знал. Только в машине, когда мы въехали в ту часть города, где жили немцы, Николай Иванович спросил:

– Мечислав, вам приходилось когда-нибудь красть?

– Нет, не приходилось.

– А мне вспомнилось, как в школе я подрался с мальчишкой, который утащил из класса чернильницу. Ох и драчка была тогда... – Он обвел смеющимися глазами всех сидящих в машине. – А сейчас мы с вами будем не чернильницу... генерала красть. Ну да ничего, не робейте, друзья. Думаю, все обойдется как надо.

...Улица Млынарская, 3. Особняк генерала, обнесенный двумя рядами колючей проволоки, напоминал крепость. У ворот – часовая. Мимо особняка промчался раз, другой, с небольшими промежутками серый «адлер». Рядом с шофером непринужденно полулежал на сидении Пауль Зиберт. Заднее сидение занимали Мечислав Стефанский и Ян Каминский. Оба также в немецкой форме.

– Ян Каминский, по профессии пекарь, был богатырского сложения. Когда он вошел в дом, я подумал: настоящий медведь из зоопарка, – смеется Стефанский.

Каминский состоял в действовавшей в Ровно подпольной антифашистской организации и, когда ему представилась возможность, начал с готовностью помогать медведевцам. Кузнецов привлек этого смелого, самоотверженного человека к разведывательной работе, брал на самые опасные операции.

– Его дома нет, – невозмутимо сказал Кузнецов. – Штора опущена.

Поднять штору должна была Лидия Лисовская. Это сигнал к началу операции. К тому времени очаровательная «пани Леля» уже прочно обосновалась в генеральском особняке.

Обеспечивая себе алиби, экономка генерала сходила на базар. Здесь можно было встретить многих знакомых, перекинуться с ними словом, о чем они, конечно, запомнят. Запомнить их «встречу» должен и ману-

фактурщик, которого красивая пани ненароком толкнула и, брезгливо поморщившись, стала журить за плохое мыло:

– Фи! Что, пан делает его из навоза? Такой мерзкий запах. Обратила на себя внимание в мясной лавке и у зеленщика, отбирая для генерала лучшие продукты.

– Ну, кажется, ничего не забыла. Скорее отнесу покупки и домой, – бросила она повстречавшейся знакомой. – Что? У пани болен ребенок? Я постараюсь достать для него лекарства. Сегодня генерал дал мне выходной. Вчера у него было много гостей. Страшно устала. Надо отдохнуть. Сходить в кино. Говорят, идет прекрасный фильм с участием Марики Рокк. Там такие песенки! – беззаботно болтала Лида с приятельницей по гимназии.

Из особняка она позвонила Ильгену:

– Простите, господин генерал. Когда вас ждать к обеду? Я готовлю сегодня ваши любимые картофельные блинчики, а их надо подавать к столу прямо со сковородки.

– Надеюсь, управлюсь со всеми делами к четырем. Правда, у меня небольшое совещание, но я постараюсь не задерживаться, – услышала в ответ.

Не забыла Лисовская еще об одном звонке. Связалась со своим знакомым из СД и сообщила, что она свободна и можно вместе скоротать сегодняшний вечер.

И вот на часах – четыре, а Ильгена все нет. Лисовская стоит у окна, нервно теревит конец занавески.

– Дальше маячить на глазах у охраны рискованно! – сказал Кузнецов совсем спокойно, словно собирался в гости к приятелю.

Машина плавно подкатила к особняку. Из нее вышел стройный, подтянутый обер-лейтенант с Железным крестом. Уверенным шагом кадрового служаки направился в дом.

– Герр генераль ист цу хаузе?¹² – небрежно бросил Зиберт часовому.

– Господин офицер, я из РОА, по-немецки не понимаю...

– Я из Житомира, у меня срочный пакет генералу Ильгену.

Обер-лейтенант направился к двери мимо опешившего власовца. Следом за ним – два офицера и солдат. Через несколько минут денщик и казак, охранявший особняк, были обезоружены. Гости терпеливо ожидали генерала, но все же зря не теряли. С помощью Лисовской тщательно обследовали все места, где генерал хранил документы, фотографии, карты, извлекли парадный мундир при всех регалиях.

– Во сколько нахал! А ведь на каждом этом кресте – кровь и слезы людей, – со злостью молвил Стефан-

¹² Господин генерал дома? (Нем.).

ский, заталкивая мундир в мешок вместе с другими вещами.

Раздался телефонный звонок. Лисовская взяла трубку. Ильген предупреждал, что задерживается, но скоро будет.

– Обед давно готов, я жду вас.

Все заняли места согласно разработанному плану. Стефанский – за шкафом, Каминский – за буфетом, Кузнецов стал за дверью, открывающейся в комнату.

Денщик и часовой испуганно посматривали на прибывших, они уже, видимо, сообразили что к чему.

– Мы советские разведчики! Поможете – будете жить, а иначе... – обер-лейтенант сделал выразительный жест рукой.

– Нас насильно мобилизовали... Мы рады бы податься к партизанам. Приказывайте – сделаем все, что надо.

Казак сразу предложил:

– Генерал знает меня в лицо. Дозвольте мне снова стать на пост.

Кузнецов разрешил. Это был риск, но другого выхода не было.

В начале шестого черный «мерседес» остановился у крыльца. Как только Ильген переступил порог, «пани Леля» точно разыграла роль, отведенную ей в этом «спектакле». Она бросилась к генералу, помогая ему снять шинель, и в то же мгновение его руки оказались

связанными за спиной.

– Привет, генерал, – из-за двери вышел Кузнецов, – вы, кажется, желали повидаться с Медведевым. Прошу в машину...

– Изменник! – рявкнул ошарашенный генерал и стал бросаться, пытаясь высвободить руки из пут. Здоровенный детина лет сорока пяти с бычьей шеей борца, он навалился на Кузнецова. С пленником пришлось повозиться. Взбешенный, он яростно сопротивлялся.

На «помощь» генералу поспешил его денщик Мясников, и, наконец, Ильгена скрутили.

– Мы партизаны, советские разведчики, – объявил поверженному генералу Кузнецов. Генерал в ответ замычал и зло посмотрел на Кузнецова. – Будешь молчать, – продолжал Николай Иванович, извлекая из заднего кармана генеральских брюк «вальтер», о котором заранее предупредила Лисовская, – через два дня приземлишься в Москве. Небось мечтал прошагать с парадом по ее улицам. А нет, – Кузнецов поднес к лицу Ильгена зажатый в руке пистолет, – пристрелю!

Генерал перевел взгляд на молоденького солдата в немецкой форме и прочел в суровых глазах парня приговор...

Первыми вышли из особняка Стефанский и Каминский с портфелем, в который сложили особо важные документы. Перед этим денщик оставил в кабинете написанную под диктовку Кузнецова записку: «Спасибо

за кашу. Ухожу к партизанам и забираю с собой генерала».

Вот появился в дверях генерал. Обер-лейтенант его крепко поддерживал под руку. Нужно еще одно мгновение – несколько шагов до машины. Только бы не появился кто на улице...

– Скорее, смена идет! – крикнул часовой.

Это словно подстегнуло Ильгена. Сделав резкое движение, он сумел освободить одну руку, вырвал кляп изо рта и завопил:

– Хильфе! Хильфе!...¹³

Руки у генерала теперь развязаны. Он остервенело нанес удар кулаком в лицо Кузнецову, да так, что сбил его с ног. Каминского сильно пнул ногой. Сбил с ног Стефанского. Вскочив на ноги, Кузнецов вместе с денщиком навалились на генерала. Но тот все еще яростно сопротивлялся. Стефанский ткнул ему в рот кляп. Немец озверело схватил Мечислава за палец... Пришлось Кузнецову рукояткой пистолета «утихомирить» генерала. К месту происшествия, привлеченные криками, стали сбегаться офицеры. Выручили присущие Кузнецову самообладание и умение выходить победителем из любого положения.

– Прошу остановиться, господа! – крикнул обер-лейтенант. – Я из СД. – В подтверждение в его руках блес-

¹³ Помогите! (Нем.).

нул жетон, предоставляющий владельцу широкие полномочия. – Нами задержан советский бандит, который пытался проникнуть в особняк генерала Ильгена. Вы также находитесь в зоне преступления. Прошу предъявить документы.

Быстро пробежав глазами офицерские удостоверения и убедившись, что перед ним в основном мелкая рыбешка, Кузнецов остановил свой выбор на гауптмане Гранау – личном шофере рейхскомиссара.

– Господин гауптман, вы поедете с нами. Остальных прошу, не задерживаясь, проходить.

Вначале, как и предполагалось, поехали на Пекарскую к Стефанским, где намеревались спрятать Ильгена до отправки в отряд. Но, увидев, что генерал не пришел в себя, развернулись и поехали на Новый Двор. Машина остановилась на хуторе у дома Валентина Тайхмана. Огромный сад закрывал дом от дороги. Когда генерала развязали, то увидели, что он мертв.

А тем временем в восемь вечера к Ильгену пришла по обыкновению его землячка и приятельница Эттхен, работавшая секретаршей в фельджандармерии. Не застав никого дома, она повторила визит в десять, а затем в двенадцать. Эттхен подняла панику.

Гестапо, СД, фельджандармерия подняли на ноги всю агентуру, пытаясь разыскать следы похищенного генерала. Службам государственной безопасности было передано срочное сообщение: «Следует иметь в

виду, что похищенный бандитами в Ровно 15.11.43 г. генерал войск оккупированных территорий „Ост“ генерал-майор Ильген увезен далее, по всей вероятности, в автомашине. Необходимо немедленно установить контроль над автотранспортом во всем районе дислокации армии. Комендантам населенных пунктов следует дать указания о проведении контроля в их участках с помощью местной охраны».

Сразу после похищения Ильгена Стефанский скрылся в отряде. Но через две недели возвратился в город. На службе объяснил, что ездил в Варшаву искать родственников. В городском комиссариате поругали, однако к работе допустили. И снова потянулись полные опасности будни разведчика. Когда же гитлеровцы напали на след Пауля Зиберта, Кузнецов первым делом позаботился, чтобы Стефанские ушли в лес к партизанам. Мечислав вошел в группу разведчиков, потом командовал автоматчиками, ходил на боевые операции.

17 ноября в 23 часа гитлеровцы вломились в комнату Лисовской. Подняли женщину с постели в ночной сорочке и, даже не разрешив одеться (Лида едва успела набросить шубку на плечи), увезли на допрос. Лида стояла на своем: ее не было дома, она была в гостях у приятеля. Он сотрудник СД и может это подтвердить. Алиби сработало. Лисовскую отпустили домой.

Буквально на другой день после исчезновения Ильгена город всколыхнула новая сенсация: в здании вер-

ховного суда застрелен Альфред Функ. На смерть одного из ближайших сподвижников фюрера некрологом «Судебный президент страны убит» откликнулся сам Кох. На похоронах обер-палача выступал Даргель. Сам чудом избежавший возмездия, штатс-президент курил фимиам Функу. Прикрепив к подушке орден, которым посмертно его удостоил Гитлер, Даргель расточал угрозы против тех, кто «посмел» поднять руку на такого «доброго человека», каким был верховный судья.

До нас дошел рассказ самого Кузнецова в том виде, в каком его сохранила память В. Ступина, присутствовавшего на «маяке» – секретном посту партизан в лесу – в то время, когда Кузнецов, возвратившись из Ровно, делился с боевыми товарищами подробностями «акции Функ».

Расправа с фаворитом Гитлера, обер-фюрером СА Альфредом Функом, как рассказывал Николай Кузнецов, готовилась долго и тщательно. Изучали подходы к расположенной напротив суда парикмахерской, в которой Функ по утрам брился, Янек Каминский подружился с личным парикмахером генерала, бывшим польским офицером Анчаком и посвятил его в замысел Кузнецова. Сам же Николай Иванович, следуя пословице: «Прежде чем войти, подумай, как выйти», – пытался проникнуть в здание суда, чтобы загодя изучить его внутреннюю планировку.

По вечерам разведчики разрабатывали варианты плана действий, чертили схемы, спорили. Темпераментный Янек торопил события и предлагал пристрелить палача польского и украинского народов в парикмахерской. Это был самый простой из возможных вариантов. Думали повторить летнее удачное нападение на генерала Геля и ликвидировать Функа прямо на улице.

Но от обоих вариантов Кузнецов отказался. План Янека таил в себе опасность для жизни парикмахера Анчака, его жены и малюток-близнецов. Словом, решили уничтожить Функа в его служебном помещении.

Дня за два до операции Кузнецову наконец удалось с помощью гестаповского жетона пройти в здание суда и побродить по всем его трем этажам. Он запоминал входы, выходы, лестницы и коридоры.

Утром, в половине девятого, 16 ноября «адлер» остановился в ближайшем к зданию суда переулке. Янек занял наблюдательный пост у парикмахерской, а Кузнецов в форме гитлеровского офицера стал прохаживаться перед парадным подъездом суда.

– Скажите, а что вы чувствовали, что думали в эти минуты? – спросил находившийся в тот день на «маяке» врач Цессарский, которого особенно занимали вопросы психологии подвига.

– Чувствовал я почти то же, что и толстовский Пьер Безухов, когда с пистолетом под полый кафтана бро-

дил по улицам горящей Москвы с намерением убить Наполеона: потребность личной мести при сознании общего несчастья. Вспомните это место из «Войны и мира»: «Да, один за всех, я должен совершить или погибнуть!». Но Пьеру акт возмездия представлялся неотделимым от акта самопожертвования: дескать, ну что же, берите, казните меня. Отсюда слабость в решительную минуту...

Тут Кузнецов смущенно оговорился, что, пожалуй, увлекся в своем сопоставлении. Исторические параллели, как известно, рискованны. Слишком уж различны были у толстовского Пьера и у него, Кузнецова, объекты возмездия. Ведь Наполеон, хотя и был оккупантом, все же представлялся русской дворянской молодежи в ореоле романтического героя, овеянного мировой славой. А Гитлер и его приближенные вроде этого Функа — какая уж тут, к черту, романтика!.. Не-ет! Выслеживая Функа, мы и не собирались жертвовать собой.

— А дальше? Дальше-то что было там, в суде?

И Кузнецов рассказал. Парикмахер, заканчивая брить генерала, поднял угол занавески на окне, Каминский на улице снял фуражку, давая понять этим сигналом Кузнецову, что Функ вот-вот выйдет. Не спеша, с достоинством офицера Николай Иванович открыл тяжелую дверь парадного входа судебной палаты, взбежал по лестнице на второй этаж. Тут он, опять уже чинно, прошел в приемную «верховного судьи Украины»,

осведомился у секретарши, у себя ли генерал. Это на тот случай, чтобы не обознаться, как раньше получилось, когда он вместо генерала Даргеля пристрелил генерала Геля.

Одновременно с ответом секретарши Кузнецов услышал, как ухнула тяжелая дверь вниз. Выйдя из приемной, он устремился вниз по лестнице. На последней площадке чуть не налетел на генерала, поднимавшегося медленно, с одышкой. Кузнецов подобострастно отпрянул в сторону – проходите, мол, – и нажал на спуск. Перепрыгнув через рухнувшую тушу палача, он в три прыжка миновал нижний марш лестницы, на мгновение задержался у дверей и спокойно вышел.

У подъезда стояла тюремная машина, из которой эсэсовцы выволакивали подсудимых – разжалованных, в мундирах без погон «изменников фатерланда». Позади разгружалась машина охраны. На пути у Кузнецова стояли три или четыре офицера и в недоумении смотрели на окно второго этажа. Они спрашивали Кузнецова, слышал ли он выстрелы там, наверху. Николай Иванович вместе с ними поднял голову, потом пожал плечами, взглянул на часы и деловито зашагал вдоль фасада.

Вот и угол дома! Не оглядываясь, свернул на безлюдную Школьную и бросился бежать. Скорей бы через каменную ограду, а она, проклятая, около двух ме-

тров высотой... Не помнит, как перемахнул через нее пригибаясь, пробежал проходным двором, выскочил в переулок, где подрагивал на полуоборотах «адлер». Как только Кузнецов ввалился в распахнутую дверцу, машина рванула с места.

Когда «адлер» на бешеной скорости промчался через контрольный пункт на выезде из Ровно, часовые едва успели вскинуть в приветствии руки – в подобных лимузинах и на такой скорости ездило крупное фашистское начальство.

– А через какой-нибудь час, – весело заканчивал рассказ Кузнецов, – мы были уже на нашем оржевском «маяке», с которого нас, как высоких гостей, эскорт разведчиков препроводил в этот лесной санаторий.

– Ваше счастье, что вы опоздали в наш «санаторий» к празднику, – пошутил В. Ступин, показывая на свою перевязанную руку. – Восьмого ноября тут у нас было веселье!

– Слышал, слышал, как же! – подхватил Кузнецов. – И даже видел в городе остатки разбитого вами карательного полка эсэсовцев. А смертельно раненый их командир генерал Пиппер, именовавший себя «мастер тодт» («мастер смерти»), говорят, сам сыграл в ящик. Все ровенское подполье в неописуемом восторге от этой победы медведевцев. В городе только и разговору об этом.

Кузнецов, конечно, тоже поздравил ребят из отряда

с важной победой. Но они понимали, что их схватки с врагом не идут ни в какое сравнение с подвигом Николая Ивановича.

Однако даже не подвиги Кузнецова, не его буквально артистическое умение мгновенно перевоплощаться в надменного и холодного прусского офицера, а то, что оставалось за этим перевоплощением, что, видимо, составляло его душу, больше всего поражало людей, близко знавших Николая Ивановича. В отряде Кузнецов был постоянно сдержан, немногословен, сосредоточен. Складывалось впечатление, что его постоянно что-то тяготит. Поначалу друзья считали это чертой его характера. И только изредка прорывалось в нем нечто такое, что не вязалось с этим его обликом. Случалось, его видели на привалах читающим стихи.

Валентина Константиновна Довгер, почетный гражданин города Ровно, рассказывает:

— После напряженного дня, когда приходилось много раз смотреть в глаза смерти, Николай Иванович очень любил помечтать о будущем. Несмотря на сильное перенапряжение, мы могли просидеть всю ночь у печки, в которой теплился огонек, и говорить до зари. Да, жизнь в то время была сложной. И те несколько часов, когда мы могли сбросить маску, были для нас большим счастьем. Кузнецов не раз повторял: «Пусть даже не все будет так, как мы мечтаем, но как хорошо помечтать...»

Иногда у костра Николай Иванович вдруг затягивал

протяжную уральскую песню, внезапно обрывал, хмурился и после этого был особенно молчалив и замкнут.

Только однажды в доверительной беседе с А. В. Цесарским он дал выход обуревавшим его чувствам.

– Разведка – нечеловеческое дело, она калечит душу...

«И только тогда понял я главный подвиг этого человека, – пишет Альберт Вениаминович. – Два года на наших глазах он сдавливал себе горло, а мы не догадывались. Рожденный любить, петь, смеяться, сажать лес, он изо дня в день подавлял в себе все человеческие побуждения, всю нежность, которая светлой бурей бушевала у него в груди».

...Из своих новых знакомых в Ровно Кузнецов особенно заинтересовался фон Ортелем. Никто не знал, что делает в городе этот внешне невозмутимый, незаурядного ума эсэсовец. Не занимая вроде бы никакого высокого поста, Ульрих Ортель пользовался огромным влиянием. Известно было лишь, что Ортель числился шефом какой-то лечебницы или лаборатории, находившейся на Дойче-штрассе.

Центр ставил задачу: найти ключ к разгадке тайны матерого разведчика. А что Ортель был именно таким, свидетельствовало и его звание – штурмбанфюрер СС, соответствующее чину майора в армии. В двадцать восемь лет так высоко подняться в СС можно было исключительно за какие-то особые заслуги.

Впервые они встретились у знакомой «пани Лели». Он вошел в комнату, стройный, в черном мундире, на котором тускло поблескивало серебряное шитье эс-эсовских знаков. Галантно раскланявшись с присутствующими, гость представился:

— Ульрих Ортель.

Зиберт на правах хозяина дома вышел навстречу и с приветливой улыбкой протянул ему сильную руку. Их взгляды встретились. Небольшие серые глаза Ортеля смотрели умно и настороженно.

«Так вот ты какой, загадочный штурмбанфюрер», — подумал Кузнецов и, громко приветствуя гостя, пригласил его к столу.

За годы чекистской работы Кузнецов научился довольно быстро разбираться в людях, нащупывая слабые стороны каждого. Но на этот раз случай был исключительный, и разведчик чувствовал, что игра будет не из легких. Надо мобилизовать всю свою волю, действовать предельно осторожно, чтобы разгадать настоящего лицо врага. Кузнецов понимал, что опытный разведчик Ортель не оставит без внимания ни одного неверного жеста или слова. За этим вечером последовали другие, и вскоре Кузнецов почувствовал, что и он сам чем-то заинтересовал штурмбанфюрера.

Ортель стал приглашать Зиберта в компании. Казалось бы, все шло нормально. В их беседах не затрагивалось никаких служебных тайн, равно как и не бы-

ло нескромных вопросов – ничего такого, что могло бы насторожить опытного, выдавшего виды эсэсовца. Это были ни к чему не обязывающие разговоры о жизни, о женщинах, даже об искусстве, и все же какое-то чувство настороженности, словно идешь по краю крутого обрыва, все время не оставляло Кузнецова.

Однажды в ресторане Ортель подозвал к себе какого-то человека и заговорил с ним на чистейшем... русском языке. Говорили они недолго и о каких-то пустяках, но Кузнецов, весь внутренне напрягшись, боялся пропустить хотя бы одно слово.

– Вы знаете русский? – задавая этот первый за все время их знакомства вопрос, Кузнецов ничем не рисковал. Его любопытство было естественным в создавшейся ситуации.

– Давно им занимаюсь, дорогой Зиберт. А вы что-нибудь поняли?

– Так, пару слов. Я знаю всего лишь несколько фраз по военному разговорнику.

– Могу похвастаться, что говорю по-русски совершенно свободно. Имел возможность не раз убедиться, что ни один Иван не отличит меня от своего соседа. Разумеется, если на мне не будет этой формы...

Ортель расхохотался, но в его смехе слышалось застенчивое злорадство.

– Пауль, вы производите впечатление человека, который умеет хранить чужие тайны, – внезапно став се-

рьезным, продолжал Ортель, – так знайте, перед войной я какое-то время жил в Москве.

– Что же занесло вас туда? – небрежно бросил Зиберт.

– О, не подумайте, что желание помогать большевикам строить коммунизм, – улыбнулся эсэсовец...

Так первая завеса над тайной «лечебницы» доктора Ортеля была приоткрыта. Москва требовала не спускать глаз с «лечебницы на Дойчештрассе» и ее хозяйна.

С каждым днем Кузнецов все больше убеждался, что внешне невозмутимый фон Ортель – очень коварный и хитрый враг. С откровенным цинизмом говорил Ортель за рюмкой коньяка о верховодах рейха. Подслушай кто-нибудь из соглядатаев, которыми кишело все вокруг, этот разговор – обоим не миновать петли.

Это, конечно, было проявлением расположения эсэсовца к несколько наивному и доверчивому офицеру-фронтовику. Но Кузнецов по-прежнему был очень осторожен с штурмбанфюрером. Он чувствовал, что если Ортель действительно заинтересован в привлечении боевого офицера к каким-то своим темным делам, то он первым должен как-то проявить свое расположение. И не ошибся.

На одной из встреч Ортель обратил внимание Зиберта на то, что его невесту Валентину подозрительно «обхаживает» майор Геттель. При этом Ортель дове-

рительно сказал Зиберту:

– Я встречал этого парня в «доме Гиммлера» на Принц-Альбрехтштрассе. Видимо, вам не нужны дальнейшие разъяснения.

О том, что Зибертом заинтересовался «рыжий майор» (так называли за глаза Геттеля сослуживцы), сообщила и Лидия Лисовская. Майор учинил ей форменный допрос. При этом он интересовался, не употребляет ли Зиберт английских слов.

Кузнецов стал догадываться: «Видимо, Геттель заподозрил во мне английского шпиона».

Запросил Центр и получил приказ: «Пойти на встречу с Геттелем и попытаться использовать свидание на пользу советской разведке». Во время этого «рандеву» гестаповец был ликвидирован. Но до этого Кузнецову удалось выяснить, что Геттель, заподозрив в Зиберте агента «Интеллидженс сервис» (английской секретной службы), попытался «навести мосты», чтобы переметнуться с тонущего корабля к новым хозяевам. Он также «уточнил» настоящую роль

Ортеля, представляющего в Ровно высшие круги гитлеровской разведки. А Ортель вдруг исчез из Ровно. Исчез так же загадочно, как появился и как жил в этом городе, окутанный туманом неизвестности. Ходили слухи, что штурмбанфюрер застрелился, но трупа его никто не видел.

Позднее в одном из донесений Кузнецова командо-

ванию отряда появятся такие строки о фон Ортеле: «... Лик (Лисовская. — К. 3.) получила от него сведения, о достоверности которых судить не берусь. Фон Ортель рассказывал, что в Германии изобретена какая-то летающая бомба вроде самолета, которая будет с большой быстротой покрывать расстояние до четырехсот километров и производить огромные разрушения. Я хотел лично «поговорить» с ним, а при случае представить эту возможность и вам, но оказалось, что Ортель неожиданно исчез».

Эти сведения о самолетах-снарядах, которые гитлеровцы стали применять только несколько месяцев спустя, были срочно переданы в Центр.

Николай Иванович сообщал в этом донесении и о переброске штабов с востока на запад в связи с приближением Красной Армии, о минировании фашистами ряда крупных зданий в Ровно.

...Кузнецова неотступно преследовала мысль о загадочном исчезновении Ортеля. Но ничего вразумительного не могла сообщить на этот счет даже Майя Микота, которая ближе всех была к Ортелю.

— Да, он был очень доволен чем-то, говорил, что ему оказана большая честь, что дело очень крупное...

— Но куда, куда он поехал? — допытывался Николай Иванович. Майя пожала плечами:

— Не сказал...

— Майя, постарайтесь восстановить в памяти все

наименьшие подробности разговора, все детали, намеки. Поймите, это очень важно для нас!

Девушка и сама это понимала, но только качала головой:

– Я спрашивала, не говорит. Вот только разве что.. Нет, вряд ли это имеет значение: обещал мне, когда вернется, привезти персидские ковры.

– Персидские ковры?

Кузнецов встревожился не на шутку. Интуицией разведчика он чувствовал в этом какую-то разгадку внезапного исчезновения Ортеля. Персидские ковры? Вряд ли это случайно. И вдруг Николая Ивановича осенила догадка: значит, он собирается куда-то на Восток. О своих соображениях Кузнецов сообщил в Центр.

Потом из сообщения нашей агентуры в Швейцарии Центру стало известно о происках немецких разведчиков в Иране. Так факт за фактом вырисовывалась картина, истинный смысл которой стал понятным после того, как в Ровенских лесах получили запоздавшие московские газеты. Одна из них – «Правда» от 19 декабря

1943 года – попала к Кузнецову. С волнением читал Николай Иванович напечатанное в ней сообщение:

«Заявление Рузвельта на пресс-конференции. Лондон. 17 декабря (ТАСС). По сообщению вашингтонского корреспондента агентства Рейтер, президент Рузвельт на пресс-конференции сообщил, что он остановился в русском посольстве в Тегеране, а не в аме-

риканском, потому что Сталину стало известно о германском заговоре.

Маршал Сталин, добавил Рузвельт, сообщил, что, возможно, будет организован заговор на жизнь всех участников конференции. Он просил президента Рузвельта остановиться в советском посольстве, с тем чтобы избежать необходимости поездок по городу. Черчилль находился в британском посольстве, примыкающем к советскому посольству.

Президент заявил, что вокруг Тегерана находилась, возможно, сотня германских шпионов. Для немцев было бы довольно выгодным делом, добавил Рузвельт, если бы они могли разделаться с маршалом Сталиным, Черчиллем и со мной в то время, когда мы проезжали бы по улицам Тегерана. Советское и американское посольства отделены друг от друга расстоянием примерно в полтора километра...»

Лицо Кузнецова сияло счастливой улыбкой. Да, он имел право гордиться. Он стал одним из тех, кто разрушил планы гитлеровцев.

В 1964 году проживающий в Мадриде бывший начальник секретной службы СС Отто Скорцени в беседе с корреспондентом парижской газеты «Экспресс» заявил, в частности, следующее: «Из всех забавных (!) историй, которые рассказывают обо мне, самые забавные – это те, что написаны историками. Они утверждают, что я должен был со своей командой похитить

Рузвельта во время Ялтинской конференции. Это глупость: никогда мне Гитлер не приказывал этого. Сейчас я вам скажу правду по поводу этой истории: в действительности Гитлер приказал мне похитить Рузвельта во время предыдущей конференции – той, что проходила в Тегеране... Но бац! (смеется)... из-за ряда причин это дело не удалось обделать с достаточным успехом...»

Одной из этих «различных причин», сорвавших у Скорцени «Дальний прыжок» (таким было кодовое название покушения на «большую тройку»), стало, как рассказывает В. Н. Бережков, бывший на Тегеранской встрече личным переводчиком Сталина, предупреждение полученное из Ровенских лесов...

«В то время в Тегеране мало кто знал, – пишет Валентин Николаевич в книге „Тегеран, 1943“, – что важные сведения о готовящейся диверсии против глав трех держав поступили из далеких Ровенских лесов, где в тылу врага действовала специальная группа под командованием опытных чекистов Дмитрия Медведева и Александра Лукина. В эту группу входил и легендарный разведчик Николай Кузнецов, осуществивший немало смелых операций в районе оккупированного нацистами Ровно».

...В 1943 году у села Великие Телковичи, что во Владимирецком районе, в отряд прибыл секретарь Ровенского подпольного обкома Компартии Украины В. А. Бегма.

Радостной была встреча. Бегме был представлен разведчик, который действует в Ровно под видом гитлеровского офицера.

Василий Андреевич подошел к Кузнецову и обнял его.

– Бесконечно рад познакомиться. Как же, как же, слышал. О ваших подвигах в народе ходят настоящие легенды, – и к Медведеву: – Вот это сюрприз! Спасибо, Дмитрий Николаевич.

Кузнецов улыбнулся и смущенно ответил:

– Работаем, товарищ секретарь обкома, но до главного еще не добрались...

– Вы имеете в виду уничтожение Эриха Коха? – спросил Бегма.

– И Коха, и добычу таких разведывательных данных, которые бы особенногодились нашему командованию, Ставке...

– Кузнецов был приятным собеседником, – вспоминал Бегма. – Говорил он не торопясь, спокойно. Время от времени повторял: «А мы еще мало сделали, Василий Андреевич». И тогда его задумчивые серые глаза смотрели куда-то вдаль. О чем он думал в эти минуты? О той большой, еще не сделанной работе? Или, может, о семье, о родных, о жизни после войны?.. Мы все любили Кузнецовым. Высокий, стройный, в каждом движении его чувствовалась большая энергия, сила.

– Когда вы так прекрасно изучили немецкий язык? –

поинтересовался я.

– Еще в детстве... Я вообще люблю изучать языки. Вот уже неплохо владею украинским, пою украинские песни. В селах и хуторах считают меня своим, украинцем.

– И они не ошибаются, – говорили мы. – Вы действительно свой и русским, и украинцам, всем народам нашей страны.

– Да, все мы – за одно правое дело. Среди моих побратимов-разведчиков больше всего украинцев, есть и поляк. Крепко дружат у нас люди. С такими не пропадешь!..

...Из Центра пришла радиограмма. Москва сообщила, что Указом Президиума Верховного Совета СССР от 26 декабря 1943 года за образцовое выполнение специальных боевых заданий в тылу немецко-фашистских захватчиков и проявленные при этом отвагу и мужество Н. И. Кузнецов награжден орденом Ленина.

– Теперь я в еще большем долгу перед Родиной, – отвечал Николай Иванович Кузнецов на горячие поздравления товарищей.

Ким Закалюк

«ЧТО-ТО ЕСТЬ В НЕМ СОКОЛИНОЕ, СМЕЛОЕ»

Свирепствует вьюга – ни земли, ни неба. Один снежный вихрь в непроглядной тьме. Колючий ветер слепит глаза, обжигает морозом, наматывает на дорогах высокие рыхлые сугробы. Сквозь разбушевавшуюся круговерть идет человек. Поднял ворот пальто и натянул на глаза шапку – из боязни быть опознанным кем-нибудь.

Улица забита немецкими машинами, орудиями. Тяжело дышат лошади. К ним, прячась от шквального ветра, прижимаются солдаты в шинелях какого-то непривычного жабьего цвета.

– Заметив патруль, путник понял, что настал комендантский час. Мысли теснят друг друга: «Зачем было идти в город, когда чудом вырвался из когтей смерти? А разве у него был выбор? Каждого, кто пытался сойти с большака, заполненного непрерывным потоком беженцев, срезал пулеметчик. Что же делать? В кармане у него – удостоверение сотрудника органов государственной безопасности и пистолет. Живым он не дастся».

Решение пришло как бы само собой. Когда до патру-

ля оставались считанные шаги, открыл первую попавшуюся калитку и вошел во двор. На пороге хаты ему повстречался уже не молодой мужчина, по-видимому хозяин этого подворья. Ничего не спрашивая у неожиданного гостя, он доверительно прошептал:

– В доме полно солдат...

Переждал, пока патруль минует усадьбу, и выскользнул в ночную тьму. На глаза попался маленький домишко, прятанный в глубине сада. Постучался. Едва успел приоткрыть дверь, как из сеней вышла женщина и в страхе всплеснула руками:

– Боже милосердный! Зачем вы здесь? В городе ведь полно немцев. С минуты на минуту придут и к нам за сеном. Что же мне делать с вами? – И она одним только взглядом указала на траншею, едва заметную в глубине сада. Только успел спрятаться в заснеженной яме, как во дворе послышался шум. Пришли гитлеровцы...

Так начался новый, наполненный волнениями и тревогами, период жизни чекиста Ивана Филипповича Федорова.

Детство его прошло на Кировоградщине – в селе Коробчино Ново-Миргородского района. С малых лет познал горькую батрацкую долю. Восемнадцатилетним пареньком стал комсомольцем, а в 1939 – коммунистом. В годы коллективизации Иван Федоров активно участвовал в ликвидации кулацких банд. После

возвращения из Красной Армии по путевке комсомола пришел в органы государственной безопасности. Работал в центральном аппарате республики, а после воссоединения западноукраинских земель с Советской Украиной возглавил районное отделение НКГБ в Морочном Ровенской области.

Достался ему тогда самый отдаленный уголок Польска. Дел неспорно. Необходимо было прежде всего подобрать место для размещения райцентра. Маленькие полесские села и хутора совершенно не годились для того, чтобы стать административными центрами. Однако выхода не было, и пришлось остановиться на двух соседних – Большом и Малом Морочном. До железной дороги – семьдесят километров, а до областного центра и того больше – двести. В непогоду ни пройти ни проехать. Один лишь путь – по тряской лежневке – срубленным и поваленным деревьям. Правда, в первом советском году им несказанно повезло. Зима выдалась, на редкость для здешних мест, многоснежной и морозной. По замерзшим болотам можно было и на санях ездить, и пешком пробираться в глубинку. Федорову удалось хорошо изучить все вокруг. В старые времена в Большом Морочном органы власти представляла гмина¹⁴ с ее вийтом Шоломицким и секретарем Красовским. Да еще благочинный Навроцкий. На этих

¹⁴ Административная единица в буржуазно-помещичьей Польше.

трех «китах» и держалась вся местная власть.

Иван Филиппович вспоминает:

— Люди встретили нас настороженно. Редко кто вступал в разговор, а повстречавшись, по выработанной веками привычке низко и подобострастно кланялись:

— Добрый день, пане!

Вот в такой обстановке пришлось начинать. Однако на первую сходку, которую собрали в центре села, народу собралось немало. Пришли даже с хуторов. Собрание открыл первый секретарь райкома КП(б)У Иван Иванович Хищенко. Как и положено, представил всех присутствующих. Назвал и начальника НКГБ. Такая церемония вызвала удивление и одобрение у людей. Это было для здешних мест непривычным.

После речи партийного секретаря полищуки вначале робко, а затем смелее заговорили и стали задавать вопросы. Под конец даже высказали предложение разобрать на хуторах хаты сбежавших с приходом Красной Армии осадников и перевезти их в райцентр, как стали именовать Морочное.

— Посоветуемся в области и решим, — ответил Хищенко. Вскоре в центре села выросло несколько служебных построек. В одной из них разместилось отделение НКГБ.

Со временем Морочное озарилось электрическими огнями. Появилась типография, стала выходить газета «Червона зірка».

Открылась библиотека. Нашлось помещение и для клуба. В нем стали демонстрировать кинофильмы – и повалил народ, шли даже из самых отдаленных хуторов, ведь о таком раньше и не слыхали. Открыли школу, в ней зазвучала родная украинская речь.

Но не все было так гладко. Много забот появилось и у чекистов. Их будни были заполнены тревожными событиями. В лесах шастали банды. Немецкая разведка, ведя подготовку к войне, стала забрасывать группы диверсантов и шпионов. В те дни Федоров не ночевал дома – организовывал группы советско-партийного актива, которые давали отпор вражеским провокациям.

С начала 1941 года в селах Морочненского и соседнего с ним Камень-Каширского районов Волынской области участились наскоки вооруженных банд. Они жгли колхозные постройки, убивали сельских активистов. Приходилось преследовать врага и в густых дебрях полесских пущ. Как все это пригодилось ему потом на партизанских дорогах! До этого Ивана Филипповича, выросшего в степях, лес манил своей очаровывающей красотой и таинственностью, а теперь он стал местом жестоких боев.

В субботу 21 июня 1941 года в управлении НКГБ в Ровно закончилось совещание. Обсуждались меры борьбы с нарастающим в северных районах бандитизмом. Выступил и первый секретарь Ровенского обкома КП(б)У В. А. Бегма. Он призвал чекистов к бдительности.

сти, усилению борьбы с антисоветскими элементами.

Стоял тихий летний день. Совещание закончилось рано. Иван Филиппович зашел в магазины – купил подарки домашним, а вечером отправился в свое Морочное. На станции Сарны, где поезд почему-то задержался, прошел слух о войне. Люди в вагонах, вначале косясь на его форму, говорили шепотом, а потом, осмелев, прямо обратились к Федорову:

– Товарищ военный, это правда, что Германия готовится напасть на Советский Союз?..

В эту ночь пришел ответ на этот вопрос:

– Война!

Поезд дальше не пошел. Выручил коллега из Высоцка. На его подводе лесными, труднопроходимыми дорогами лишь к вечеру добрался до Морочного. Чем ближе подъезжали к райцентру, тем сильнее были слышны разрывы бомб, а потом стали видны и черные столбы дыма. В Пинске горели армейские склады.

– Мы вначале думали, что это какое-то недоразумение, – вспоминает Федоров, – но все явственнее убеждались в том, что началась война. Вскоре при помощи местных жителей удалось эвакуировать на восток семьи партийных и советских активистов.

После эвакуации Федоров получил назначение в Сумы, а оттуда – в Середина-Буду, где он тоже возглавил районный аппарат НКГБ. И вот теперь, не сумев вырваться из вражеского кольца, решил пробиваться

к партизанам.

При помощи подпольщиков Иван Филиппович сумел связаться с советскими партизанами и до конца 1941 года создать подпольную группу. В феврале 1942 года она уже имела все необходимое для развертывания подрывной и диверсионной борьбы на территории Середино-Будского района.

26 марта 1942 года группа И. Федорова превратилась в Середино-Будский партизанский отряд «За Родину».

Спокойного, всегда рассудительного И. Ф. Федорова дополнял зажигательный, темпераментный комиссар И. Д. Сень, работавший до войны директором Середино-Будской средней школы. Сообща они создавали отряды местной самообороны, вели политическую работу в массах, поднимали население на партизанскую войну с оккупантами. Через два месяца отряд вырос до 350 бойцов.

26 октября федоровцы влились в соединение А. Н. Сабурова и выступили в рейд на Правобережную Украину.

* * *

Сабуров, заложив по обыкновению руки за спину, возбужденно ходил по комнате и, словно отрубывая

слова, говорил:

– А помнишь, Ваня, как на Сумщине, после моего возвращения из Москвы, ты, колдуя над картой, дотянулся до отметки «Морочное» и размечтался: «Эх, командир, вот куда бы мне с хлопцами добратся. Там хоть сотню отрядов можно развернуть». Так вот, прибыли! – генерал как-то неопределенно махнул в сторону замерзшего окна, словно за ним действительно начиналась ровенская земля. – Говоришь, там у тебя сила-силенная надежных людей? Верю, не зря ты работал на Полесье, – Александр Николаевич засмеялся, но сразу же перешел на деловой тон: – Так вот, товарищ Федоров! Собирайся на встречу с земляками. Подбери с полсотни надежных ребят и отправляйся. Докажите врагам, что жива и несокрушима власть Советов.

Собираться долго не пришлось. Авангард отряда ехал на пятнадцати пароконных санях. На них установили пулеметы, минометы и усадили снайперские расчеты. Замыкала десантную колонну 45-миллиметровая пушка, тоже прилаженная на санях.

Сам Иван Филиппович ехал в шикарных санях, прикрытых коврами, и, посматривая на своих «казаков», вспоминал первые партизанские шаги в начале нынешнего года и их отряд «в одни сани» – отважную семерку, положившую начало теперь мощному соединению.

На второй день всадники, которые ехали вдоль железной дороги, на перегоне Рокитное-Клесов встретили лесовоз. Железнодорожники вначале не на шутку перепугались, увидев большую группу вооруженных людей, но, когда убедились, что перед ними советские партизаны, наперебой стали предлагать свою помощь. По их совету

Федоров принял решение в первую очередь нанести удар по Томаш-городу. Бойцы заняли «классные места» среди березовых колод, и «экспресс» на всех парах устремился вперед. Прибыли в Томаш-город ночью. Еще в пути, выяснив у железнодорожников, где размещаются гитлеровцы, партизанский десант с ходу ударил по ним.

Одновременно группа подрывников Андрея Чепурного блокировала железнодорожный путь, уничтожила все станционное хозяйство, а также эшелон, который стоял на подъездных путях. Так И. Ф. Федоров отметил возвращение в родные места. На обратном пути партизаны остановились в селе Сновидовичи. Радостно приветствовали народных мстителей полищуки. Они помогали партизанам в разгроме станции Остки, а также лесозавода. Его охрана перешла к партизанам.

Все более ярко разгоралось пламя партизанской борьбы на Полесье. Встречу 1943 года партизаны И. Ф. Федорова ознаменовали новыми боевыми действиями. Уже в первые дни января на перегон Сарны-Ро-

китное были посланы две роты. Боевой приказ: разгромить станцию Страшево! А в ночь на 14 января, в новогоднюю ночь по старому стилю, И. Ф. Федоров с двумя ротами и батареей 45-миллиметровых орудий выступил в рейд по северным районам области. Партизаны громили вражеские гарнизоны, взрывали коммуникации и линии связи.

На лютинских хуторах Иван Филиппович встретился с группой одного из зачинателей партизанской борьбы на Полесье Максимом Мисюрой, работавшим до войны участковым милиционером.

Федоров вошел в хату. Мужчина, которого только что партизаны подняли с постели, вскочил, словно его ударило током.

— Свои, значит, — аж засиял от радости незнакомец, увидев красные ленты на шапках. — А я-то думаю: неужели наши вот так пропустили в село полицаев или «сичовиков»...

— А ты сам кто такой будешь?

— Я? При Советской власти был старшим милиционером. А сейчас — командир партизанского отряда Максим Мисюра. С сорок первого воюем с немчурой...

— Да, мы свои, — вступил в разговор Федоров. — А могли быть и чужие. Разве можно так беспечно спать? Даже без охраны.

— Как — без? Люди стояли в патрулях. Зачем же другая охрана, хлопцы притомились.

– Ну ладно, давайте знакомиться. Федоров, командир партизанского отряда «За Родину».

– И не Иваном ли Филипповичем вас зовут? – спросил Мисюра.

– Вроде бы так. А вам откуда известно мое имя?

– Да я же Максим Мисюра. Максим Иосифович, милиционер участковый из Высоцкого района. Это до войны. А вы же начальником Морочненского НКГБ были.

– Да был.

– Голубе! Иван Филиппович! Смотрю, вроде бы похожий, да откуда, думаю, ему тут быть. Вы же выехали на восток.

– Выходит, не доехал, – хитровато прижмурился Федоров. Он не слышал об участковом милиционере Мисюре, но сказал: – Как же, как же! Ну кто не слыхал о Максиме Мисюре? И сейчас гремит о нем слава по всей северной Ровенщине.

Лицо Максима Иосифовича расплылось в довольной улыбке.

– А про бои за Высоцк слышали?

– Именно поэтому мы и пришли в эти места.

– Здорово мы долбанули там фрицев... Федоров обратился к своим:

– Возвратите товарищу Мисюре маузер...

Сели за стол. Разложили потертую карту. Иван Филиппович тщательно записывал сведения о том, что

происходит в окрестностях, делал какие-то пометки. Выяснилось, что вокруг действует множество мелких и довольно значительных партизанских отрядов и групп самообороны, в Большом Морочном, Сирниках и ряде других населенных пунктов имеется подполье.

– Сегодня у нас заболели несколько человек, – продолжал разговор с Мисюрой Федоров. – Наверное, тиф. Тут по селам вспыхнула эпидемия.

– Больных можете положить в нашу санчасть.

– У вас и санчасть есть! – оживился Иван Филиппович.

– А как же? Конечно, есть. Есть свои врачи, санитары. Старший у них – Борух Эрлих. Он уже выходил, спас от смерти около двухсот местных жителей. Нашего партизанского врача знает вся округа. Мы с ним две немецкие аптеки реквизировали, медикаментов хватает.

– Как оперативная обстановка на вашем участке, товарищ участковый? – полушутя-полусерьезно обратился Федоров к Мисюре.

– В Высоцке немцев нет. Около складов стоят наши сторожа. В Домбровице немцы и казаки. Там есть большая группа подпольщиков Алексея Крынько. С ними мы поддерживаем связь. Крынько прислан с Большой земли – спустился на парашюте. Боевой мужик. Воевал в Испании. Воробинский спиртзавод работает. Можно трахнуть по нему. Там есть и продовольствие, а

ведь у нас его не хватает. На заводе есть свой человек – дядя Сережа, его заслал туда дядя Петя.

– Кто эти «дяди»?

– Боевые хлопцы! Политруками были в Красной Армии.

– Мы завтра будем в Золотом. Найдите «дядю Сережу» и устройте встречу с ним, – попросил Мисюру Федоров.

– Это можно.

Получив разведывательные данные и условившись с Максимом

Мисюрой о встрече, Федоров с отрядом ушел дальше. На рассвете они остановились в селе Золотое.

Утром кто-то постучал в окно. Хозяйка, стройная, хорошенькая девушка, выглянула в окно:

– Свои...

На пороге стоял плотный, приземистый молодец. Сказал, что он от Мисюры и назвался дядей Сергеем.

– Так вот ты какой, дядя Сергей! Совсем еще молодой. Ну, поскольку для племянников мы уже годами не те, – пошутил Федоров, – так давайте познакомимся ближе.

Незнакомец, впрочем, не спешил называть свою фамилию. Допытывался, кто да откуда прибыли. Федоров, не скрывая, рассказал, что его отряд входит в соединение генерала Сабурова...

– Значит, он тоже на Ровенщине! – воскликнул «дядя»

дя».

На Полесье уже к тому времени ходили слухи о том, что сабуровское соединение движется на запад. Много мелких партизанских групп искали встречи с ним, чтобы влиться в его ряды.

— Корчев я, Михаил Сергеевич, — только теперь представился прибывший. — Был политруком. В первые дни войны попал в окружение. Прятался по селам... А теперь вот под началом «дяди Петра».

— Опять-таки «дяди», — усмехнулся Федоров.

— Да нет, — поправился Корчев. — Для вас — Антон Петрович Бринский. Тоже из военных... полковник.

Разговор И. Ф. Федорова с М. С. Корчевым продолжался долго. Становились известными все новые и новые имена патриотов, самоотверженно борющихся с оккупантами. Некоторые из этих людей со временем стали командирами партизанских отрядов и соединений.

Во время этой беседы Корчев предложил:

— Здесь рядом — Воробинский спиртзавод. Быть может, вместе ударим на него, так сказать, для закрепления знакомства?

— Обстановку выяснили?

— Да. Все подходы изучены. Имеем и своих людей на заводе.

Поздним вечером группа автоматчиков подошла к главным воротам завода. Проводником с ними пошел

врач Эрлих.

— Стой! Кто идет?

— Свои, свои, — привычно ответил Сергей Санков, ведущий группу захвата.

Блеск партизанских автоматов, красные ленты на шапках стали лучшим пропуском. Ни одного выстрела не было сделано в ту ночь. С трофеями возвратилась группа Санкова на базу.

Рейдовый отряд все ближе подходил к Большому Морочному.

Федоров был из тех командиров, которые не идут опрометчиво на боевые операции, прежде всего берег он людей, малыми потерями или и совсем без них добывал победу. Перед каждым боем тщательно разведывал оперативную обстановку, выбирал оптимальный вариант атаки. Так было во время разгрома гитлеровцев в Городном, Жолкино. Так было и во время подготовки наступления на Морочное. Повстречался с давним знакомым Г. М. Мельниковичем, назначенным немцами старостой в Вовчице. Но не предал своих земляков пожилой селянин. Все знали, что служит Григорий Михайлович не оккупантам, а Советской власти.

— Солдатни там много, Иван Филиппович, может, сотня и наберется. А хозяйничает в Морочном Адам Тарасюк, который встречал фашистов хлебом-солью и теперь лижет им...

— Слушай, Михайлович, а что, если нам как-то напу-

гать этого подлеца. Письмо ему что ли послать...

Эта мысль так захватила Федорова, что он тут же сел сочинять «послание» гитлеровскому холую. Иван Филиппович весело напевал свою любимую песенку и старательно выводил «письмо турецкому султану», как шутя назвал его:

«Председателю районной управы в Морочном – предателю Тарасюку. Советские люди сообщили мне о твоих кровавых злодеяниях, которые ты чинишь над нашим народом...»

Дальше, не особенно стесняясь в выражениях, партизанский командир изложил изменнику все, что о нем думает, а в конце написал: *«Сегодня ровно в 12 ночи буду в Морочном. Встречай. Иду с пехотой и артиллерией. Если после первого орудийного выстрела окажете сопротивление, Морочное будет взято с боем.*

*Командир партизанской бригады
И. Ф. Федоров».*

– Ну как? – спросил Федоров.

– Очень даже ничего, – смеясь ответил кто-то. – Прямо как стих звучит.

– Ну вот и ладно. Так из меня и поэт получится, – шуткой на шутку ответил командир. – Надо эту записку через местных людей передать Тарасюку. Пусть староста села Вовчицы отнесет ее.

Националист Тарасюк, верно служащий оккупантам,

прочитав партизанский ультиматум, оторопел. Потом, придя в себя, дрожащим от испуга голосом приказал старосте:

– Пошли к коменданту!

И уже через полчаса полицаи покинули Морочное.

Ровно в полночь в центре разорвался снаряд. Ответа не последовало. Отряд И. Ф. Федорова вошел в районный центр. Освободили из тюрьмы заключенных патриотов, захватили склады.

Рейд отряда «За Родину» имел большое значение для активизации местных партизанских групп. Во время похода Федоров связался с надежными товарищами, на которых была возложена задача создавать новые отряды. Были собраны ценные разведывательные сведения о противнике. Началось объединение разрозненного движения народных масс, которое в полной мере было осуществлено несколько позже Ровенским подпольным обкомом КП(б)У и областным штабом партизанского движения.

Как только в партизанском крае прошел слух о прибытии В. А. Бегмы, довоенного первого секретаря Ровенского обкома партии, Иван Филиппович сразу же загорелся желанием поскорее встретиться с ним. Известие о прибытии Василия Андреевича он воспринял как весточку о приезде кого-то очень родного и близкого.

За В. А. Бегмой снарядили самых надежных хлоп-

цев. И вот он в отряде. Депутат Верховного Совета СССР В. А. Бегма приехал вручить партизанам награды.

– Служу Советскому Союзу! – над затаившим дыхание строем звучит голос командира. На груди у И. Ф. Федорова засверкала высшая награда Родины – орден Ленина. Бойцы рассматривают новенькие, еще не виданные ими награды.

Примостившись на колодах сруба, Василий Андреевич ведет неторопливый разговор с Федоровым. Вспоминает, как приезжал секретарь до войны к ним в Морочное на тяжелой машине «ЗИМ» и как пришлось всем селом Млынок перетаскивать огромный лимузин через полотно узкоколейки. Эти воспоминания как-то сразу сблизили их.

Иван Филиппович рассказал Бегме о своем нелегком партизанском житье-бытье.

– Жаль, что раньше, там, в Москве, не знал, что вы тот самый Федоров из Морочного. Теперь непременно попрошу откомандировать вас в мое распоряжение. Ведь вы знаете и обстановку, и людей на Ровенщине.

Просьбу В. А. Бегмы в Москве уважили, и отряд «За Родину» стал ядром Ровенского соединения партизанских отрядов.

Партизанской столицей было названо село Озерск. Здесь Василий Андреевич Бегма 17 июня 1943 года издал свой первый приказ. В нем говорилось о сформир-

ровании областного штаба партизанского движения. Был образован и первый в западных областях Украины Ровенский подпольный обком КП(б)У.

Членом областного партизанского штаба и секретарем обкома партии был утвержден наряду с другими товарищами И. Ф. Федоров.

С созданием обкома партии и областного партизанского штаба уже не сотни – тысячи отважных бойцов встали под партизанские знамена.

Возникла необходимость изучить, обобщить и распространить опыт боевых действий народных мстителей. Для этого 25 марта 1943 года, в первую годовщину создания федоровского отряда «За Родину», в селе Дубровск обком партии созвал первую в истории Великой Отечественной войны партийную конференцию. Докладчиком был Иван Филиппович Федоров. Отважный чекист, которого война сделала одним из первых организаторов всенародного отпора гитлеровским оккупантам, рассказал собравшимся о становлении партизанского отряда «За Родину», о его пути.

Конференция послужила новым импульсом в подъеме партизанской борьбы на Ровенщине, которая, как говорил об этом легендарный С. А. Ковпак, стала на Украине центром сосредоточения соединений. Здесь начинались главные рейды партизан по тылам врага. И одним из тех, кто вел народных мстителей на священную войну, был И. Ф. Федоров.

Там, где начинается квартал нарядных застроек с фонтанами и газонами, возвышается красивое панно, увенчанное золотыми буквами: «Почетные граждане города Ровно». Маслом написаны портреты людей, которых «столица сильных духом» удостоила этой чести. Есть среди них и портрет Ивана Филипповича Федорова. Глядя на этот портрет, вспоминаю слова, сказанные о Федорове бывшим начальником Украинского штаба партизанского движения генерал-лейтенантом Т. А. Строкачем: «Умные карие глаза. Горбоносое лицо. Что-то есть в нем соколиное, смелое».

Руководимые легендарным командиром отряд «За Родину», а затем соединение партизанских отрядов Ровенской области громили оккупантов в Сумской, Орловской, Черниговской, Гомельской, Полесской, Пинской, Брестской, Житомирской, Волынской и Ровенской областях, прошли с боями более десяти тысяч километров огненных дорог. С 25 марта 1942 года по 20 апреля 1944 года федоровцы провели более 900 боевых и диверсионных операций, произвели крушение 203 эшелонов противника с живой силой, техникой, боеприпасами и продовольствием. Под руководством подпольного обкома КП(б)У и областного шта-

ба партизанского движения по Ровенской области, членом которых был И. Ф. Федоров, организовано 25 партизанских отрядов.

За образцовое выполнение боевых задач партии и правительства в тылу врага соединение партизанских отрядов Ровенской области награждено Почетным Красным знаменем Президиума Верховного Совета УССР, Совнаркома УССР и ЦК КП(б)У.

После войны И. Ф. Федоров до выхода на пенсию — вновь в органах государственной безопасности. Опытный чекист ведет борьбу с антисоветскими элементами и бандами украинских буржуазных националистов в Хмельницкой и Львовской областях. И сегодня, находясь на заслуженном отдыхе, он в гуще жизни, много сил и энергии отдает патриотическому воспитанию молодежи.

Виктор Мазаный

ПАМЯТЬ БЕЛОГО КВАДРАТА

«Важную работу по разоблачению вражеской агентуры провела контрразведка партизанских соединений Ровенщины. С апреля 1943 по январь 1944 года она обнаружила и уничтожила 95 шпионов и предателей».

(ПА ИИП при ЦК Компартии Украины, ф. 1, оп. 9-а, д. 157, л. 138).

Прильнув к иллюминатору, Виктор лбом почувствовал мерное дребезжание фюзеляжа. Самолет, казалось, никуда не летит, просто завис в этой крошечной тьме.

«А ведь, наверное, уже подходим к точке выброса, — подумал, напрягая зрение, пытаюсь хоть что-то разглядеть там, за стеклом. — Внизу скоро будет земля, где он проходил, проскакал верхом на коне не одну сотню километров за полтора года — с конца 1939-го, когда был в Ровно старшим оперуполномоченным НКГБ, по горький июнь сорок первого... А нынче уже март 1943-го. Почти два года войны».

— Март, — повторил вслух, представляя себе раскисшие дороги, промозглые неуютные леса, которые че-

рез несколько минут будут для него не пятнышком на карте-пятикилометровке, а местом его, капитана Тимофеева, обитания. «Причем постоянным», – пытался подбодриться.

Виктор опять поймал себя на движении, возникшем как-то самопроизвольно: пальцы зашарили по подкладке, нащупали под ней зашитый лоскуток парашютного шелка... «Все в порядке». С того времени, как небольшой квадратик ткани был вручен ему, такую «процедуру» он проделывал довольно часто. Что это, проверка себя? Да нет. Видимо, нервы сдают. Заволновался – вот и жест этот к сердцу.

В момент падения показалось: уже ничто не остановит это кувыркание. Но вот тело словно ударилось о препятствие – раскрылся купол парашюта. «Как непохожи прыжки тренировочные и такие», – подумал Тимофеев, подтягивая стропы в сторону квадрата, очерченного внизу огнями костров.

В одном из отрядов партизанского соединения А. Н. Сабурова человек с Большой земли впервые предъявил свой документ. Луч карманного фонарика упал на аккуратный белый лоскут, лежавший на ладони гостя. Проверявший сосредоточился: «Предъявитель сего т. Тимофеев Виктор Георгиевич действительно является членом областной оперативной группы по специальному заданию ЦК КП (б) Украины и Украинского штаба партизанского движения. Находится в распоряже-

нии члена ЦК КП (б) Украины тов. Бегмы В. А.». – Подпись, – прервал молчаливое чтение мандата проверяющий, – секретарь ЦК Корниец, начальник Украинского штаба партизанского движения Строкач.

* * *

«Вот так, капитан. Только сейчас, после слов Василия Андреевича Бегмы, ты представил себе всю сложность борьбы, к которой готовился. На первом заседании Ровенского подпольного обкома партии тебя избрали его членом. К тому же ты теперь помощник начальника областного штаба по руководству партизанским движением на Ровенщине и начальник его разведки. Начальник разведки. Уже сейчас не мешкая придется браться за дело. Вот перед тобой справка, из которой один вывод: только самонадеянная беспечность стала причиной гибели десятков бойцов и командиров партизанских отрядов. Как напакостили не раскрытые вовремя вражеские лазутчики, притворявшиеся то сиротами безродными, пострадавшими от фашистов, то мстителями-одиночками, понявшими, дескать, что одним своим автоматом не принесешь существенной пользы, то бывшими военнопленными, бежавшими из лагерей и ищущими спасительную пристань – отряд... Как же так, что всем побасенкам верили? А впрочем,

чего винить тех, кто доверчиво принимал пришельцев? Они чужую боль соизмеряли со своей, потом и становились доверчивыми. Этим и пользовались зачастую предатели. Вот и задача твоя: упредить действия вражеской разведки».

Упредить – значило не выжидать.

Вскоре Тимофееву стало известно, что в Пинске действует школа абвера, в которой проходят обучение разного рода отщепенцы. Пришлось послать туда своего верного хлопца. Как-то связные передали Тимофееву записку от него. В записке сообщалось, что в отряд имени Кармелюка должен прийти некто Миша, знавший командира Алексея Ниловича Шитова. Агент специально подготовлен в СД и направляется с тем, чтобы собрать сведения об отрядах, базирующихся на севере Ровенской области.

Когда капитан прибыл к Шитову и показал измятый клочок оберточной бумаги с сообщением своего разведчика, Алексей Нилович не поверил:

– Не может быть. Считаю, что тебе подбросили материал, дабы отвлечь внимание, а заодно бросить тень и на меня. Жди удара с другой стороны.

Тимофеев слушал, курил папиросу за папиросой. Оставить без внимания полученные сведения он не мог. Но ведь Шитов утверждает, что Миша, которого он спас в бою под Барановичами, не способен на предательство.

– И все же я приказываю тебе, старший лейтенант, принять все меры предосторожности, – встал капитан, приняв наконец твердое решение. – А я с группой пойду встречать этого Мишу.

Тимофеев знал: вокруг лагеря – непроходимые болота, только одна дорога, возле села Нобель, может привести гостя в отряд. На ней и решил капитан устроить засаду. Ждать, пока он, гость, окажется на партизанской стоянке, нельзя. Если это действительно вражеский лазутчик, то наверняка будет идти не с пустыми руками. Взять с поличным – вот залог успеха.

Бойцы залегли по обе стороны небольшого оврага. «Благо, луна показалась, и, видать, надолго», – Виктор посмотрел на небо, где еще час назад холодный апрельский ветер споро гонял тучи.

Приближалось утро. Миша не появлялся.

Тимофеев стал еще раз излагать перед самим собой свои же доводы. Значит так. Дорога эта в отряд в весеннюю распутицу – единственная. Днем ждать нечего, колья затемна не получилось. Засветло здесь сосредоточиваются гитлеровские кордоны, и появившись незнакомый днем на подступах к лагерю – сразу же возникнет подозрение: как мог пройти целым и невредимым, минуя вражеские патрули?

«Визитер» пришел лишь следующим вечером. Когда перед ним внезапно выросла мощная фигура партизана, он не оробел, словно был готов к нападению,

лишь быстро сунул руку во внутренний карман легкого пиджака. Но стоявшие рядом мгновенно перехватили ему запястья. Тимофееву показалось странным: при обыске у задержанного оружия не оказалось.

– Хорошо проверьте карманы, – приказал чекист, когда «посланца патриотов» (именно так он отрекомендовал себя) привели в расположение отряда.

Одна за другой легли на стол ампулы: шесть... двенадцать... Яд!

Теперь лазутчик уже не требовал командира, не говорил о том, что должен от верных людей передать важные сведения. Было и так ясно: попался.

Шитов, войдя в землянку и увидев на столе ампулы, казалось, окаменел. Их содержимое предназначалось для него...

Из воспоминаний В. Г. Тимофеева: «Весной 1943 года на севере Ровенской области создаются подпольные райкомы партии – Сарненский, Рокитновский, Степанский, Высоцкий, Дубровицкий и другие. Местные патриоты везде становились моими верными помощниками. Удачно справлялись с заданиями связные София Гладкая и Мария Кринко. Благодаря им нам удалось диктовать свою волю сарненскому гарнизону, состоявшему в основном из власовцев»

У Тимофеева накопилось достаточно данных о том, что из себя представляет, в частности, «Второй Донской лейб-гвардии казачий полк». (При упоминании

этого названия Виктор улыбался: ах, скажите на милость, какая помпезность, какой шик!). София и Мария, играя роль девушек, у которых можно красиво погулять такой «галантной» публике, хорошо изучили состав «гвардейцев». В основной массе это – бывшие белогвардейцы, рецидивисты. Есть и такие, которые перешли к врагу, ведомые трусостью. Заблудшим девушки сумели раскрыть глаза и указали путь в партизанские отряды.

Однажды Тимофеев передал записку командиру этого полка Яковлеву. В ней было предложение о встрече. Поступил ответ: «Согласен. В моей резиденции».

Опасность такого шага все хорошо представляли. Виктор тоже знал, что может не возвратиться к своим, хотя о мерах предосторожности партизаны позаботились.

Из воспоминаний В. Г. Тимофеева: «Я шел безоружным. В доме меня встретил адъютант. Заметил: в особняке много комнат – апартаменты под стать замашкам. Полковник оказался словоохотливым, начал разводить речи о патриотизме. Я предложил ему перейти на нашу сторону. Ушел я, не дождавшись удовлетворительного ответа. А вскоре Яковлев застрелился. Около 180 бывших его солдат потом стали партизанами. Случай не единичный. Наши разведчики-агитаторы успешно поработали и по разложению 104-го казачьего ба-

тальона, находившегося в Высоцке. Из бывших „казачков“ созданся отряд имени Чапаева, который возглавил опытный партизан Василий Кабанов».

* * *

Часто вспоминает Тимофеев и такой эпизод.

После длительного пребывания на хуторе Шугали вблизи партизанского аэродрома (Житомирская область) отряды должны были выйти в район боевых действий, преодолев Горынь. По предложению начальника штаба отряда «За Родину» Сергея Чинцова переправу начали готовить у Лютинских хуторов — здесь оказалось наиболее безопасное место, немцы сюда редко заглядывали.

В тот день все шло по плану. Под вечер начали наводить мосты, чтобы ночью быстро перейти на западный берег. Но еще не наступила темнота, как лагерь подняли по тревоге. Разведка донесла, что со стороны Столина к стоянке следует около двух десятков автомашин с гитлеровцами.

Партизаны приняли бой. В той схватке в плен захватили гитлеровского офицера. Его вели на допрос к Тимофееву. Капитан как раз шел навстречу. Увидел впереди себя партизанку Лидию Маляренко, которая, поровнявшись с пленным, приостановилась, как-

то странно посмотрела на гитлеровца.

На допросе пленного чекист услышал фамилию абверовского агента, внедренного в соединение, – Матильда Миллер.

Тимофеев долго не мог уснуть. «Как фашисты могли нас предупредить?» – мучился он. И не находил ответа – одни лишь предположения. «Если лазутчица действует у нас, – развивал мысль, – и успела сообщить в Столин о маневре, значит, она имеет связного. Но для встречи с ним нужно отлучаться из лагеря, а это невозможно, ибо сразу бы вызвало подозрение. Вероятнее всего, где-то здесь агент имеет тайник».

Через несколько дней в одном из отрядов случилась беда: отравилось пятеро бойцов – спасти их не удалось. Допросили повара. Тот отлучался на несколько минут от котлов, но присмотреть за ними поручил Лидии Маляренко – та оказалась рядом.

«Снова Маляренко», – мысленно произнес Тимофеев.

Стал сопоставлять факты. Замешательство Маляренко при случайной встрече с вражеским офицером, теперь вот история с кухней... Пока ничего здесь не увязывалось в стройную систему доказательств. Тем не менее теперь контролировался каждый шаг Маляренко.

И вот как-то привели к Тимофееву Лидию Маляренко в лохмотьях.

– Что за маскарад?

– Притворилась дремучей старухой и пыталась вложить в дупло старой вербы записку, – доложил один из бойцов, передавая чекисту клочок бумаги. – По-немецки пишет.

Схваченная с поличным, лазутчица призналась, что она никакая не Маляренко, а Матильда Миллер, прибалтийская немка, завербованная гитлеровской разведкой. Выяснилось, что одной из ее целей было уничтожение партизанских командиров.

Впрочем, этого добивались гитлеровцы не только через свою агентурную сеть.

Из воспоминаний В. Г. Тимофеева: «Летом 1943 года штаб нашего соединения расположился на одном из хуторов Дубровицкого района. Мы спокойно расквартировались по хатам – территория нами контролировалась полностью. И вдруг я узнаю, что в одном из сараев поселились три хлопца, вызвавших подозрение у хозяйки: на улицу не показываются, все переговариваются тихонько между собой. Дай, думаю, посмотрю».

– Кто такие будете? – крикнул Тимофеев, внезапно толкнув дверь сарая.

Незнакомцы были вооружены автоматами, у каждого на поясе болтались «лимонки».

– Да мы от своих отбились, – начал один. – Решили передохнуть маленько – и снова в путь. Мы действуем на Житомирщине.

Что-то не слыхал Тимофеев, чтобы здесь проходили житомирские партизаны. Подозрительных парней арестовали. Все последующие дни они провели врозь — их развели по разным местам. На допросах задержанные по-разному отвечали на вопрос, предполагавший один ответ. Наконец сознались: они — члены одной из оуновских банд. Главари поставили перед ними задачу — убить командира соединения «За Родину» Ивана Филипповича Федорова и комиссара Луку Егоровича Кизю...

* * *

В октябре 1943 года разведотдел Украинского штаба партизанского движения получил задание начальника штаба Т. А. Строкача, которое было доведено всем отрядам: «Организуйте разведку так, чтобы все мероприятия врага, и особенно передвижение войск, становились нам известными немедленно... Основное внимание обратить на военную разведку... Организуйте систематическое наблюдение за работой железнодорожных узлов Коростень, Житомир, Сарны, Ковель...»

Из воспоминаний В. Г. Тимофеева: «Как раз в то время наши люди, внедренные в состав ремонтных железнодорожных бригад Рафаловской и Владимирецкой управ, наладили надежные каналы передачи важ-

ной информации. А я взял под контроль Припятскую флотилию, состоящую из пятнадцати катеров разной мощности. Мы знали, что готовится отправка ее под Киев. Наконец стала известна дата начала рейда. За дело принялись наши минеры. Накануне ночью набросали в фарватер неразорвавшихся авиабомб (в округе их находили сотни), к которым были пристроены взрыватели, соединенные проводкой с берегом. Когда ударная группа каравана в составе пяти буксиров достигла одного из поворотов реки, грянули взрывы. Расколотые, покореженные суденышки затонули».

Подготовка любой операции опиралась на данные разведки. А поскольку они были точны, командование вовремя намечало точки, где следовало нанести удар по врагу.

Гитлеровский генерал Найманер, например, возвратившись из инспекционной поездки по участку Ковель – Сарны – Тетерев, писал: «Партизаны ведут постоянные наблюдения за железной дорогой. Их разведке доподлинно известно о времени прохождения патрулей. Даже тогда, когда патрули шли один за другим через 10–15 минут, под рельсы были подложены мины. Партизанская разведка знает о всех слабых местах опорных пунктов...»

* * *

...Слушаю рассказ Тимофеева. Виктор Георгиевич провел ладонью по белому квадратику шелка – его удостоверению тех военных лет. Всматривается в слова, словно читает повесть своей жизни. Жизни, отмеченной орденами Ленина, Отечественной войны, «Знак Почета», жизни, в которой он стал почетным чекистом.

Теодор Гладков ПРИШЕЛ С ВОЙНЫ ЛЕЙТЕНАНТ...

Затрудняюсь сказать, сколько раз довелось мне быть в этом городе. Сначала приезжал сюда только по делам: когда работал над книгами серии «Жизнь замечательных людей» – «Николай Кузнецов» и «Медведев». Потом по приглашению местных организаций в дни различных торжеств и юбилеев. В последние годы и все чаще – просто так, потому что полюбились и само Ровно, и его люди, среди которых насчитываю много уже не только добрых знакомых, но и настоящих друзей.

Небольшой украинский город, когда-то почитавшийся не без оснований глухим захолустьем, таковым и описанный в произведениях В. Г. Короленко и Джона Рида, ныне широко известен, в частности, подвигами ровенских партизан в годы Великой Отечественной войны. Память о героях хранится в сердцах ровенчан, их имена увековечены в названиях городских улиц... Вот мемориальная доска на здании, что напротив областного драмтеатра, – на этом месте были повешены гитлеровцами подпольщики... Еще одна ме-

мориальная доска на стене бывшей тюрьмы (здание давно перестроено под швейную фабрику) – в ней замучены и казнены сотни патриотов... Скорбный мемориал на улице Белой – здесь расстреляны десятки тысяч военнопленных и местных жителей, согнанных со всей округи... Величественный памятник победителям – на холме бывшего городского предместья Сосенки...

В годы оккупации, объявив Ровно центром рейхскомиссариата «Украина», гитлеровцами вместе с пособниками, по далеко не полным данным, уничтожено свыше 102 тысяч человек. Это в полтора раза больше, чем было в городе населения до войны. Еще многие тысячи были убиты в городах, селах, на хуторах Ровенщины, и не только в период оккупации, но и в послевоенные годы. Эти преступления – уже дело рук бывших прислужников оккупантов, буржуазных националистов – бандеровцев, мельниковцев, бульбовцев.

Мертвых не воскресить, но память о них требовала и требует покарать предателей, проливших на нашей земле море крови.

Решив написать о чекистских буднях на Ровенщине в первые годы после освобождения области от гитлеровцев, я понял что одними архивными данными не обойтись. Конечно, документы есть документы. Долгие часы изучал я старые, пожелтевшие от времени докладные записки, следственные и иные дела, просматривал конверты с фотографиями, собственноручные

показания самих обезвреженных преступников, бандеровскую литературу. И чем больше я узнавал, тем лучше понимал: нужно встретиться с человеком, для которого все это – не только история, но часть его собственного бытия.

Мне повезло: я познакомился в Ровно с человеком, который как никто другой знает историю многолетней борьбы местных чекистов, потому как сам вписал в нее не одну яркую страницу. Странное дело, но лучше всего беседа наша складывалась не за рабочим столом, а на вольном воздухе. Часами кружили мы по новому скверу с прудами, что раскинулся на огромном пространстве между Ленинской улицей, стадионом и зданием Краеведческого музея, и говорили, говорили, говорили...

Собеседника моего многие знали, да и сегодня знают в Ровно. Но мало кому ведома даже малая толика тех событий, в которых он лично участвовал или к которым в какой-то степени был причастен. Кое о чем сегодня уже можно, даже нужно рассказать людям.

Борис Ефимович Стекляр – человек уже немолодой, роста ниже среднего, худощав, в пепельных вьющихся волосах седина почти не заметна. Подвижен, движения не только быстры, но и точны, что характерно для старых спортсменов и старых солдат. Одевается щеголевато, что, прямо скажем, не часто встречается у людей, которые много лет носили военную форму. А

свою первую солдатскую гимнастерку полковник Стекляр надел 26 июня 1941 года, ровно через неделю после того, как получил на руки свидетельство об окончании средней школы.

Всю войну, за исключением короткого периода учебы в 1943 году в военном училище, прошел Стекляр в полковой разведке. Числился одно время при артиллерии, которая в ту пору в значительной части была еще на конной тяге, а потому и по сей день хранит в домашнем своем музее командирские... шпоры. Стекляр защищал Киев и Сталинград, воевал на тяжелейшем Калининском фронте (а потому лучшим произведением о войне считает стихотворение Твардовского «Я убит подо Ржевом»), освобождал Украину, форсировал Эльбу. Получил солдатскую медаль с гордой надписью «За отвагу», еще одну медаль – «За боевые заслуги», ордена Красной Звезды, Отечественной войны I и II степени, награду, о которой мечтал каждый офицер-фронтовик, – орден Красного Знамени. Третий орден – Отечественной войны I степени – ему вручили в год столетия Победы.

Ранило за войну Стекляра три раза. В строй возвращался быстро. Ранения, правда, считались по тогдашним меркам не тяжелыми. С одним так просто повезло – пуля разорвала мягкие ткани над правым глазом и ухом.

Возьми немецкий автоматчик на полсантиметра пра-

вее – свинец угодил бы точно в висок.

Намечался Стекляру, тогда лейтенанту, ещё один фронт – дальневосточный. Но эшелон, в котором следовала его часть, успел добраться лишь до Новосибирска. Боевые действия на Дальнем Востоке уже завершались разгромом Квантунской армии и капитуляцией Японии.

Когда-то Стекляр собирался поступить в один из ленинградских технических вузов. Не отказывался от этого намерения и на фронте, особенно когда дело пошло к окончанию войны. Но все планы изменились в один день. Лейтенанта Стекляра вызвали в штаб дивизии, и здесь незнакомый подполковник предложил лихому войсковому разведчику пойти учиться в специальное учебное заведение, где готовили сотрудников для работы в органах государственной безопасности.

По окончании училища Стекляру дали направление в центральный аппарат МГБ СССР. Он отказался. Ему не нравились ни большие города, ни многолюдные учреждения, не нравятся и по сей день. Сам попросил послать его на Ровенщину. Ехал сюда – думал, на несколько лет. Оказалось – на всю жизнь...

Так вот и вышло. Пришел лейтенант с войны. А попал – снова на фронт. Потому как Ровенщина была одной из трех западно-украинских областей, где с особым ожесточением развернулись бои с ушедшей в глухое подполье националистической нечистью. В те по-

слевоенные годы довелось офицеру-фронтовику распутать несколько сложных дел. Одним из таких было дело, которое можно условно назвать ИНИЦИАЛЫ ПОД ЛУПОЙ.

Борис Стекляр хорошо помнит майское утро 1951 года, когда получил он, должно быть, самое необычное для себя задание. Причем не от непосредственного начальника, а от одного из руководителей областного управления МГБ.

– Полюбуйся, – сказал полковник Судов и подвинул капитану стопку фотографий. Стекляр взял первый лист – крупными рисованными буквами на нем было выведено: «Волынь в борьбе».

– Что это? – он в недоумении поднял глаза на полковника.

– Смотри дальше!

Стекляр быстро просмотрел всю папку. То были фотокопии рисунков, собранных, судя по всему, в одном альбоме. По содержанию – злобная антисоветчина, изготовленная явно с провокационной целью. Вот три солдата Советской Армии отнимают у старой крестьянки мешок с зерном. Вот оуновцы, вышедшие из леса, срывают с сельсовета красный флаг и водружают свой – с трезубом. Вот стилизованные, беспардонно облагороженные портреты «лесовиков» в схронах, у костров. Вот какие-то люди в городской одежде (значит, приезжие, «москаля», не иначе) под охраной сол-

дат ломают сельскую церковь. На них угрюмо взирают крестьяне. Тут же – связанный священник.

Подобные картинки Стекляру уже попадались в бан-
дитских схронах и раньше. Иногда их сдавали местные
жители вместе с подброшенными националистически-
ми листовками. Видел он нечто подобное и на стра-
ницах оуновских газет, доставленных нелегально из-за
кордона.

– Это «добро» нам прислали из Москвы, – объяснил
полковник. – И не только нам, но всем управлениям
МГБ западных областей Украины. Суть дела заключа-
ется в том, что этот альбом с провокационными целями
сейчас широко распространяется на Западе. Его под-
кидывают в посольства, журналистам-международни-
кам, делегатам сессии Генеральной Ассамблеи ООН.
Замысел провокаторов понятен – убедить обществен-
ное мнение Запада, что на Украине, дескать, идет мас-
совая вооруженная борьба против Советской власти.
Нам поручено срочно разыскать автора альбома и пре-
сечь его антисоветскую деятельность. Для розыска со-
здана оперативная группа. Вы ее возглавите. Кроме
вас в нее включены капитаны Маркелов и Мудрицкий.
Утром доложите план мероприятий...

Сотрудника Клеванского райотдела госбезопасно-
сти Михаила Андреевича Маркелова Стекляр знал хо-
рошо. О капитане Мудрицком из управления МГБ по
Сумской области, находящемся на Ровенщине в ко-

мандировке, слышал как об опытном чекисте.

Вернувшись в свой кабинет, Борис Ефимович еще раз тщательно изучил рисунки. Первая мысль была – а не состряпаны ли они там, за океаном, или где-нибудь в Мюнхене? Но потом от этой мысли отказался. Стекляр достаточно хорошо знал Волынь и быстро понял – художник местный. В этом убеждало многое: чисто полесские пейзажи, детали одежды, построек, достоверность устройства схронов и т. п. Нет, так мог нарисовать только знающий человек. Мнение Стекляра, кстати, совпадало с предположением, высказанным в Центре (откуда и доставлены были рисунки), о том, что их оригиналы нелегально переправлены на Запад откуда-то из западных областей Украины.

В Ровно в то время жило всего несколько профессиональных художников. Одного из них Борис Ефимович немного знал – это был заслуженный фронтовик, орденноносец, в период Сталинградской битвы они даже служили в одной армии, правда, тогда не встречались. Вечером того же дня капитан отправился к художнику за консультацией.

Николай Александрович встретил чекиста приветливо. Что требуется от него – понял мгновенно, не понадобилось ему и разъяснять, что дело – сугубо конфиденциальное.

– Прежде всего мне нужно знать, кто это изготовил, – спросил Стекляр, – профессиональный художник или

самоучка?

Хозяин взял листы. Вначале внимательно просмотрел их невооруженным взглядом, потом достал из ящика стола тяжелую трофейную лупу в медной оправе. Стекляр терпеливо ждал. Через полчаса эксперт отложил в сторону рисунки и решительно заявил:

— Автор, безусловно, профессиональный художник-график, причем способный и достаточно высокой квалификации. Вот эти листы, — он выхватил из стопки несколько картинок, — гравюра по дереву, так называемая ксилография. Изображение вырезается на деревянной пластинке, пальмовой или самшитовой, в наших условиях сгодится и вишневая. Краска наносится тонким слоем на выпуклую поверхность рисунка, потом сверху плотно прижимается лист бумаги, и оттиск готов. А вот эти, — эксперт кивнул на вторую стопку, — выполнены тушью. Чтобы с них сделать репродукцию, нужно изготовить клише в цинкографии.

— Значит, профессионал, — задумчиво протянул Стекляр.

— Без сомнения, — живо откликнулся художник. — Тому есть еще одно подтверждение: подпись автора выполнена в чисто профессиональной манере художника-графика.

— Как, разве есть подпись?! — разволновался капитан.

— Есть, — подтвердил Николай Александрович. —

Взгляните, — он протянул Стекляру лупу и указал на крохотную звездочку, которую чекист и сам раньше заметил, но не придал ей значения.

— Живописцы обычно подписывают полотна фамилией, графики же чаще всего ставят только инициалы, причем нередко как бы маскируя их в рисунке. Видите — похоже на звездочку. На самом деле здесь положены друг на друга буквы «Н» и «Х».

— Значит, — протянул Стекляр, — нам нужно искать художника с инициалами «Н» и «Х».

— Или «Х» и «Н», — добавил Николай Александрович. В назначенный начальником срок Стекляр представил руководству план мероприятий, суть которых сводилась к установлению личности человека, который обладает способностями к рисованию, получил соответствующее образование и потому мог быть автором рисунков. Кроме того, были изложены соображения касательно того, где мог укрываться и работать неизвестный пока художник.

По распоряжению начальника УМГБ в опергруппу Стекляра были переданы все обнаруженные и захваченные ранее листовки, лозунги и другие печатные материалы националистов. Изучив их с лупой в руке, капитан в ряде случаев обнаружил уже знакомые ему инициалы «Н» и «Х». Он уже был убежден, что инициалы художника надо читать именно в таком, а не в обратном порядке. Дело в том, что, просмотрев цер-

ковный календарь, он нашел в нем лишь десять имен на «Х», из которых на Украине встречались лишь Харлампий, Харитон, Христофор и Хома. Между тем, на «Н» имен насчитывалось несколько десятков, половина из которых были весьма распространенными. Потом Стекляр изучил клишированные заголовки оуновских газет. И здесь авторство «НХ» не оставляло сомнений.

В июле капитан купил только что вышедшую книгу Героя Советского Союза Д. Медведева «Сильные духом». С особым интересом прочел страницы, относящиеся к атаману пресловутой «Полесской сечи» Тарасу Боровцу, известному среди оуновцев под псевдонимом Тарас Бульба. В одном месте Медведев упоминал об открытке с рисованным портретом Бульбы, попавшей в руки разведчиков отряда. С материалами о деятельности атамана Стекляру приходилось сталкиваться. Он вспомнил, что видел в них такую открытку, и немедленно затребовал ее из архива. И вот уже она лежит перед ним: на фоне символического задника, где фантазия художника объединила и пышные нивы, и заводские трубы, и какие-то аллегорические фигуры, изображен был атаман с грозно насупленными бровями, одетый в немецкую генеральскую форму. Рукой он опирался на саблю. В уголке – знакомые уже инициалы.

Стекляр разыскал фотографию Бульбы и сравнил с

открыткой. Если отвлечься от явной стилизации, сходство несомненное. Бульба написан с натуры или по памяти. Выходит, знал таинственный художник атамана «Полесской сечи». Не исключено, что знал он и других руководителей оуновцев на Волыни. И вот уже на столе Стеклера громоздятся пухлые тома. Тысячи страниц, рассказывающих о преступлениях националистов. Внимательно скользит взгляд чекиста по документам. Одни написаны на грязных клочках оберточной бумаги, другие отпечатаны на тончайшей рисовой бумаге, доставленной из-за границы.

Это бандитские грипсы – тайные записки.

И вдруг... Есть! Знакомые инициалы: Нил Хасевич, бандитская кличка или псевдо – Зот.

Несколько дней чекисты изучали старые и новые дела и ни разу не встретили больше даже упоминания о другом человеке с теми же инициалами. Между тем Зот обрастал, так сказать, плотью и кровью. Не сразу, не вдруг, но удалось собрать достаточное количество информации, чтобы целенаправленно приступить к его розыску.

Из обнаруженных документов, а также показаний некоторых захваченных бандитов было установлено, что Нил Антонович Хасевич родился в 1905 году в селе Дюксин бывшего Деражнянского района Ровенской области в семье дьякона. Закончил ровенскую гимназию. В возрасте тринадцати лет на Оржевском переез-

де попал по неосторожности под поезд и потерял ногу. Это очень важная примета, к тому же она позволяет сделать важные выводы об образе жизни оуновца в подполье.

Что еще известно о нем? Другие приметы: полный, лицо круглое, одутловатое, черты лица мелкие, носит пышные усы. Что ж, вкупе с главной приметой – отсутствием ноги (ходит на деревяшке или резиновом протезе) Зота уже ни с кем не спутаешь. Но тот ли это человек, которого необходимо разыскать в кратчайший срок?

Тот! В этом Стекляр перестал сомневаться, когда, изучив множество документов, сделав кучу запросов, получив и проанализировав соответствующее количество ответов, допросив не одного уже обезвреженного оуновца, установил абсолютно достоверно следующее. После окончания гимназии Нил Хасевич учился в Варшаве в Академии изобразительных искусств. Входил там в так называемую «Украинскую громаду» – националистическую студенческую организацию. Был хорошо знаком с лидером варшавских оуновцев Степаном Бандерой и его женой Ярославой Опаровской. Принимал активное участие во всех акциях нового предводителя националистов, кроме того, как художник уже тогда оформлял бандеровскую пропагандистскую продукцию.

Стекляр отправился в Деражнянский район и здесь

установил, что в этих местах Зота, вернее Нила Хасевича, очень хорошо помнят и до сих пор с содроганием произносят его имя. Еще бы! В период оккупации этот «щырый украинец» был назначен гитлеровцами... судьей в селе Деражно (ныне Костопольского района) и выполнял свои обязанности как их преданный холуй. Эта деятельность Хасевича принесла его землякам много горя и страданий. По приговорам судьи карали местных жителей за невыполнение поставок продовольствия немецко-фашистской армии, невыход на принудительные работы, укрывательство бежавших из плена красноармейцев, окруженцев и евреев, за помощь партизанам. Случалось, судья лично участвовал в экзекуциях, а если только присутствовал на них, то обязательно делал зарисовки, когда, скажем, полицаи пороли крестьян плетью и шомполами-цепочками немецкого производства.

Дальнейшие следы Хасевича терялись. Так, в 1944 году, уже после изгнания гитлеровцев, его видели на хуторе Пеньки, встречали и в других местах. Местные жители, с которыми беседовали в разных селах и хуторах чекисты, рассказали, что в том же 1944 году Зот принимал личное участие в убийстве многих поляков и уцелевший от немецких расправ евреев.

Но куда же все-таки девался Зот после освобождения территории Западной Украины от немецко-фашистских захватчиков? Дело стало проясняться, когда

чекисты установили еще несколько кличек, под которыми известен был Хасевич в среде националистов: Старый, Бей и цифровая – 333. Выяснилось, что Нил Хасевич был близким человеком самому командующему отрядами УПА края и руководителю провода ОУН пресловутому Климу Савуру и его заместителю Горбенко. Но Клим Савур (настоящее имя Дмитрий Клячковский) был убит на Ровенщине 12 февраля 1945 года в ходе чекистско-войсковой операции... После ликвидации Савура Хасевич некоторое время находился в рефентуре пропаганды одного из самых страшных бандеровских убийц на «северо-западных украинских землях» (ПЗУЗ) Богдана Козака по кличке Смок. В годы оккупации Смок также сотрудничал с оккупантами – служил в Виннице в так называемом Украинском полицейско-охранном батальоне, которым командовал бывший петлюровский генерал Омелянович-Павленко. Смок был также ликвидирован в феврале 1949 года.

Тогда чекисты пошли по следам Горбенко. Под этой фамилией укрывался некий Ростислав Волошин-Березюк, который в годы оккупации работал в ровенском гебитскомиссариате, оставаясь одновременно активным оуновцем. Националисткой была и его жена, состоявшая при немцах в руководстве ровенской женской организации ОУН.

Волошин также был убит в ходе очередной опера-

ции, а его жена Нина Волошина по кличке Домаха арестована. На допросах она показала, что хорошо знала Бея-Хасевича, который в период фашистской оккупации одно время сотрудничал в Ровно как художник в издаваемом на немецкие деньги листке «Волынь». Домаха показала также, что Бей был направлен ее мужем в подполье уже в качестве одного из главарей краевого провода. Она, Волошина, выполняла долгое время при нем обязанности связной.

Выявляя шаг за шагом связи Зота, Стекляр и его группа установили, что Хасевич скрывается на территории, где остались недобитые осколки бандгруппы Буйного, Орлана, Черного, Ореста, Острого. Из укрытия в укрытие Зота, которым очень дорожат, перевозят на велосипеде. Из одного перехваченного донесения стало ясно, что Зот не только основной изготовитель националистической литературы и документов, руководитель технического звена центрального и краевого проводов ОУН, но и единственный в Ровенской области член так называемой УГВР (Украинской головной вызвольной рады).

Установив, на какие бандгруппы опирался Зот, Стекляр, Маркелов и Мудрицкий в который раз обратились за поддержкой к местным жителям. Затем в ходе розыска чекисты ликвидировали остатки бандгрупп Буйного и Ореста в Клеванском районе, Бориса и Тараса — в Острожском.

В бункере, где укрывался Буйный, Стекляр обнаружил много зашифрованных документов и грипсов. Однако долгое время не удавалось подобрать к шифру ключи, пока капитан не обратил внимание на одну антисоветскую брошюру. Вернее, не на саму брошюру, а ее четырнадцатую страницу. Рассматривая ее в отраженном свете, он разглядел, что над некоторыми буквами видны следы легких уколов тонкой иглой. Брошюра и оказалась, как выяснилось, шифровальной книгой для переписки краевого провода ОУН.

В последующие дни чекисты расшифровали всю захваченную документацию. Значительная ее часть была передана другим сотрудникам, поскольку имела прямое касательство к делам, им порученным. Но один из грипсов словно специально предназначался для группы Стекляра: «Заготовили для вас 5 килограммов бумаги, вишневое дерево».

— Это для Зота, — убежденно сказал капитан Маркелову. — Вишневая древесина может требоваться только ему для изготовления клише.

Адрес, по которому не успел переправить грипс Буйный, удалось установить: замаскированный бункер на хуторе в километре от села Суховцы. Но на хуторе было шесть домов; под каким именно скрывается Зот, чекисты не знали. Начинать решили с той усадьбы, что располагалась ближе к лесу.

Операцию по захвату Зота капитан Стекляр назна-

чил на 4 марта 1952 года. По опыту знал – готовить ее завершающий этап нужно тщательно, соблюдая все меры предосторожности. Вечером 3 марта Стекляр, Маркелов и Мудрицкий выехали на лошадях в село Радуховка, расположенное в трех километрах от Суховцев. Солдат с собой не взяли, оставили их в Клевани обсушиться после дальней дороги. Сигнал о немедленном выезде к хутору капитан должен был передать им по телефону.

Действительно, прибытие чекистов в Радуховку ничего внимания не привлекло. Остановились они на ночлег в помещении сельсовета, где имелся телефон. По устоявшемуся обычаю, о предстоящей операции между собой не говорили – все уже было оговорено, каждый знал свои обязанности.

Едва чекисты задремали на столах, как их разбудил отчаянный стук. Стекляр отворил дверь. В комнату даже не вошел, а ввалился человек. На запорошенном снегом полушубке расплывалось темное мокрое пятно. Кровь... Кто такой? Откуда взялся? Что случилось?

Незнакомец оказался местным уполномоченным по заготовкам Николаем Радзиловцем. Он был у кого-то в Суховцах, засиделся в гостях и уже в темноте пошел в Радуховку. Проходя мимо крайней хаты хутора, принадлежавшей некоему Лаврину Стасиву, он буквально нос к носу столкнулся с человеком, державшим в руках автомат.

– Ты кто? – воскликнул неизвестный (впоследствии Стекляр установил, что это был бандит Назар).

– А ты кто? – оторопев от неожиданности, спросил в ответ заготовитель.

Видимо, испугавшись, бандит нажал на спусковой крючок. Пуля ударила Николая в правый бок. Второго выстрела, к счастью, не последовало – у Назара заклинило патрон. Выругавшись, бандит метнулся куда-то в темноту, а Николай, зажав рукой кровоточащую рану, побежал в Радуховку.

Выслушав заготовителя и оказав ему первую помощь, Стекляр сказал Маркелову:

– Меняем план, Михаил Радзиловец мог нагнать на Зота панику. Придется приступить к захвату немедленно, а тут, глянь в окно, еще снег как нарочно повалил. Уйдут бандиты из схрона – ищи ветра в поле.

Капитан подошел к телефону, позвонил в Клевань и приказал находящимся там солдатам немедленно выступать, взяв с собой служебно-розыскную собаку. Не дожидаясь прибытия солдат, выехавших в Радуховку на санях, Стекляр встретился с председателем колхоза, секретарем парторганизации, председателем сельсовета и секретарем комсомольской организации. Коротко объяснил, что на хуторе скрывается в бункере бандит, которого необходимо захватить.

– Оружие есть?

У колхозников нашлись охотничьи ружья, у предсе-

дателя колхоза еще и старенький наган. Вместе с ними чекисты направились к усадьбе Стасива. Часы показывали пять утра, но было еще совсем темно. По команде капитана хату и дворовые постройки окружили, взяли под прицел двери и окна. Стекляр постучал. Отворил хозяин. Опытный чекист мгновенно отметил, что Стасив открыл ему слишком быстро для такого раннего часа, словно ждал кого-то. Почувствовал и волнение в голосе хуторянина, хотя тот пытался держать себя в руках. Быстро оглядев хату, Стекляр спросил:

— Кто есть в доме?

— Никого, один я.

— А хозяйка где ж? — очень естественно удивился капитан.

— С вечера ушла к родственникам... В Новоселки.

Стекляр знал это место — километрах в пяти от хутора. Капитан вышел во двор, попытался найти следы крови на земле, но, если они и были, их начисто замел так некстати поваливший с ночи густой, совсем не мартовский снег. Он вернулся в хату и объявил о начале обыска. Два часа чекисты в присутствии понятых обстукивали каждую дощечку, прощупывали каждую щель. Ничего подозрительного, ничего компрометирующего. Нашли несколько писем из Сталинграда от сына, служившего в городе-герое в армии. Стекляр быстро просмотрел — хорошие письма, видно, настоящий советский парень, вот с гордостью пишет, что

служит не где-нибудь, а в городе, который знает весь мир. Неужто родители такого хлопца – пособники бандитов?

Капитан отправился в Новоселки за хозяйкой. Когда вошел в хату, тоже сразу отметил для себя – приходу его хотя и удивились, но уж очень неестественно, словно играли в удивление. Отметил и то, что жена Стасива почему-то пряла – явно не ко времени занятие, да и не ходят для этого к родственникам в гости.

– Давно вы здесь? – спросил он женщину.

– Два дня, – с простодушным видом ответила она. Стоп! Хозяин говорил, что жена его пошла к родне лишь вчера вечером. Явное и несогласованное вранье могло означать только одно – его пытаются сбить с толку, бандиты укрываются где-то в усадьбе Стасивов, но где их искать? Без помощи хозяев придется перекапывать черт-те сколько, только случай поможет найти схрон наугад, но на случай рассчитывать не стоит. Нужно убедить хозяев, что для их же блага будет лучше, если они укажут бункер.

Капитан предложил женщине одеться, сесть в сани. Вместе они вернулись на хутор. В кухне, усадив растерянную хозяйку за стол против себя, капитан напористо сказал:

– И не стыдно вам, мамаша? Сын в Советской Армии служит, да еще в Сталинграде. Я, между прочим, в этом городе воевал. И не только за Сталинград, но

и за Украину нашу. Ранен там был... Ну, скажите мне, что вам плохого сделала Советская власть?

Женщина потупилась:

– Ничего... Я ей тоже ничего плохого не сделала... – В голосе ее сквозило отчаяние. Стекляр был хорошим психологом. По множеству деталей, по тому, как нервно перебирала женщина фартук, как смотрела горестно на фотографию сына, приколотую к стене, как беспомощно озиралась на молчавшего мужа, чекист понял: эти люди просто запуганы.

В лоб, без подготовки спросил, как выстрелил:

– Сколько у тебя сидит?

Женщина молча подняла три пальца. Не давая хозяйке опомниться, передумать, капитан продолжал задавать быстрые вопросы:

– Где?

– В дровяном сарае.

– Безногий?

– Да...

– Кто приходил?

Женщина описала. По приметам выходило – Назар. Тяжело вздохнув, встал с лавки хозяин. Похоже, что и он стряхнул с себя страх.

– Пошли к схрону...

В сарае хозяин указал рукой на место, где был вход в бункер. Капитан только присвистнул: сарай чуть не в два человеческих роста был завален дровами. К то-

му времени добрались, наконец, из Клевани на лоша-
дях солдаты. Двенадцать километров они преодолели
за три часа – так завалил дорогу снег. Осторожно, под
прикрытием направленных на место возможного лаза
автоматов, трое солдат стали сноровисто разбирать
поленицу. Когда отлетели в сторону последние чурба-
ны, обнаружился и лаз, точнее – затыкавший его сноп
соломы, обмазанный засохшей глиной.

Каждому из участников операции ранее не раз и не
два доводилось брать с боем бандитские схроны, ка-
ждый знал, чего можно ожидать от их обитателей. Они
знали также, что теперь, когда дровяное укрытие ра-
зобрано, оуновцы слышат каждое их слово. И капитан
громко крикнул:

– Зот! Вы обложены со всех сторон. Предлагаю
сдаться без боя. От имени Советской власти обещаю,
что в этом случае вам будет оказано снисхождение...

Глаза всех были прикованы к входу в бункер. Сноп
даже не шелохнулся. Не слышно было и голосов. Вы-
ходит, бандиты пренебрегли возможностью избежать
кровапролития.

Капитан поднял глаза – взгляд его остановился на
балке, проходившей почти точно над лазом. Его осени-
ла мысль: по указанию чекиста солдаты принесли ко-
лодезную цепь, перебросили ее через балку, и свобод-
ный конец закрепили за проволоку, стягивающую сноп
вместо веревки. Взмах руки – и, дернув за другой ко-

нец цепи, солдаты вырвали сноп из лаза. В то же мгновение из мрачной дыры загремели автоматные очереди. Солдаты тут же опустили сноп-затычку. Выстрелы оборвались.

– Выходите! Иначе забросаем гранатами! – крикнул Стекляр. Ответом было молчание. Значит, переговоры не состоялись. Чекист вынул из сумки гранату РГД и шепнул командиру отделения:

– По моему сигналу выдерни затычку на секунду и сразу опусти... – Так же шепотом сказал Маркелову и Мудрицкому: – После взрыва смотрите во двор, откуда потянет дымом, и бейте туда дымовыми ракетами...

Объяснять что к чему не потребовалось – офицеры мгновенно поняли его замысел. Снова взмах руки. Сержант точно на полметра, не выше, поднял тяжелую затычку и тут же опустил цепь. Этого хватило, чтобы метнуть в лаз гранату. Глухо грохнул под ногами взрыв, и вот уже донесся со двора крик Маркелова:

– Вижу дымы!

В трех местах из-под снега пробивались чуть дрожащие под утренним солнцем едва приметные дымки – значит, здесь скрыты выходы отдушин хитроумной системы воздухообеспечения бункера. В каждую отдушину выстрелили дымовой ракетой, чтобы вынудить бандеровцев покинуть убежище. Выждав немного, капитан дал сигнал солдатам поднять затычку и снова повелительно крикнул:

— Кто жив — выходите! Иначе пустим гранаты в ход!
Никто не вышел. Это могло означать только одно — бандиты мертвы или тяжело ранены и самостоятельно подняться не в силах. Но это не означало, что они не станут стрелять по тому, кто первым рискнет спуститься в схрон. По всему получалось, что надо ему самому лезть в черную дыру, В который раз...

Живых в бункере не оказалось. При свете аккумуляторного фонаря Стекляр увидел три трупа. У одного отсутствовала нога — это был Зот. В руке бандит сжимал автомат. Последнюю очередь — видно было по позе — он выпустил не в лаз, а в одного из своих охранников — Павла, должно быть, сделавшего попытку сдаться. Павло, как потом установило следствие, сам умел рисовать и резать по дереву. Видимо, он помогал Зоту изготавливать клише. Второй охранник, Богдан, был убит разрывом гранаты.

В трех помещениях бункера Зота было обнаружено шесть стволов оружия, ручные гранаты, запас продовольствия, патронов и свечей на несколько месяцев, тысячи антисоветских листовок, матрицы прокламаций, приспособления для графических работ. В личном архиве Нила Хасевича Стекляр нашел страшные рисунки: карандаш художника-убийцы профессионально точно зафиксировал предсмертные муки советских людей, казнимых фашистами и их пособниками. Некоторые документы удостоверяли связь одного из руко-

водителей националистических банд на Волыни с иностранными разведками.

Ликвидация Зота-Хасевича – лишь один из множества эпизодов в многолетней боевой работе полковника Стеклера, ныне – председателя совета ветеранов-чекистов Ровенщины.

Андрей Сытай

СЧАСТЛИВЫЙ ЧЕЛОВЕК

Из Ровно выехали утром. Старенькая полуторка, глухо урча, осторожно пробиралась среди еще не разобранных развалин домов на северо-западную окраину города.

Младший лейтенант Алексей Чернов сидел в кузове. Погода была сырая, зябкая. И все же в воздухе чувствовалась какая-то особенная свежесть. Она вызывала светлую легкость в душе. Это было вполне объяснимо: город очищен от врага. Город, в котором фашисты хозяйничали около трех лет, освобожден. Он был измученным и неудобным. Однако был он уже и обновленным – безопасным, надежным. И это не мог не почувствовать каждый, кто переживал с ним первые дни возрождения.

Февральские снегопады не укрыли ран земли, нанесенных недавними боями. У самой дороги и вдали от нее стояли подбитые или брошенные второпях вражеские орудия, автомашины, танки. Прошло десять дней, как прогремел последний снаряд. Но покоя в этих вот деревеньках нет. Продолжается борьба с бандами ОУН.

Несколько дней, прожитые Черновым в Ровно, на-

полнили его гневом и ненавистью. Порой даже не верилось, что факты, о которых он, оперуполномоченный Министерства государственной безопасности, узнавал из документов, могут быть в действительности. Но Чернов понимал, что чувства – это не главное в его новой службе. Он должен бороться с бандитизмом хладнокровно. Возможности, цели, тактика врага – вот что необходимо знать для успеха в чекистской работе.

Машины резко подбросило. Из кабины послышалась ругань водителя. Чернов с улыбкой подумал: «Не нервничай, брат. Какая ни есть, но все-таки дорога. А вот мне предстоит топтать по целине».

К прибытию Чернова в поселок Острожец здесь уже разместился почти весь состав райотдела МГБ. Помещением для него служила одна из опустевших в войну хат. Начальник, капитан Балакин, окинув взглядом могучую фигуру Чернова, сказал:

– Ты же настоящий богатырь, лейтенант. Такого молодца не ожидал.

Он сел рядом с Черновым на старую темно-серую скамейку и заметил:

– Хотя, как сам понимаешь, главным образом умом врага брать будем.

Первое совещание в райотделе длилось до полуночи. Несколько часов капитан и представители местных районных организаций знакомили с оперативной обстановкой в районе. Многие из услышанного Чер-

нов знал до приезда в Острожец, но – в общих чертах. Здесь же он получил информацию, так сказать, из первых рук. Из нее следовало, что в районе банды ОУН хорошо вооружены и замаскированы. Предчувствуя свой конец, действуют жестоко и нагло. Население запугано...

На ночлег расположились в райотделе.

* * *

– Угощайся, угощайся, Трофим. Курочку для тебя не пожалела. И горилочка на славу выдалась – чистая, как вода из криницы.

Мария не отходила от гостя ни на шаг, все приговаривала, подливала да подкладывала. Гость чувствовал, что уже сыт, но не мог оторваться от стола – так ему случается есть далеко не каждый день. Наконец, шатаясь, поднялся.

– Пойду полежу в холодочке, – пробормотал он, направляясь к двери.

– Да, конечно, я и соломку тебе подстелила вот там, около клуни. Ты отдыхай, а мы с Ганной тем временем овцу стричь будем.

Гость хорошо знал этих молодых женщин, они его выручали в трудную минуту. Жили в удобном месте – на отдаленном хуторе села Невирков. Мужья их в са-

мом начале войны ушли на фронт. Как ему известно, уже три года вестей от них нет. Видать, погибли. Это тоже было кстати.

Одетый в женское платье, он дремал в сторонке, а женщины, обсуждая то да се, стригли овцу. Вдруг Мария пристально поглядела на дорогу и озабоченно молвила:

– Не к нам ли какие-то люди идут?

Гость настороженно поднял голову и неторопливо сел.

Людей он заметил сразу. Они были совсем близко. Все мужчины, одеты в лохмотья, с пустыми котомками за плечами. Гость повернулся на бок, подперев голову левой рукой. Он успокоился. Таких людей ему уже приходилось встречать, но тем не менее он тщательно укутал лицо платком. Да, так оно и есть, это ходоки с востока Украины. Говорят, здесь, в западных областях, можно подзаработать.

Неизвестные остановились за огорожей.

– Добрый день, люди добрые! Чи не дозволите на-
пытись – обратился один из них.

– Просим, – Мария, открыв калитку, пошла им на-
встречу. Напившись воды, ходоки присели на колоду. Тот, который здоровался, видимо старший среди них, снова заговорил:

– Спасибо велике. С Киевщины мы. Шукаємо добру роботу.

Лежавшую в тени «женщину» как-будто никто и не замечал. Мария предложила ходокам отдохнуть. Вот постригут овцу, угостят чем богаты. Работы осталось совсем мало. Разговорчивый ходок не соглашался, мол, угощение заработать надо. Они мужики здоровые. Не найдется ли в хозяйстве какого срочного дела? Да и овец стричь умеют – дело крестьянское, знакомое. Мария протянула старшему ходоку ножницы. Он подошел к ней, снял котомку и сделал несколько шагов, чтобы поставить ее в сторону. Через мгновение ходок подмял под собой Трофима.

– Не крути, болит! – хрипел бандит. – Твоя взяла, чекист...

Все детали операции Чернов рассчитал очень тщательно. Бандглаварь Черноморец совершил на своем веку множество злодеяний. Жену убил только за то, что она предложила ему явиться с повинной, угрожал расправой отцу и братьям. Люди ненавидели и боялись его. Много пришлось поработать с Марией и Ганной – обойтись без них чекисты не могли, потому что бандит имел прямую связь только с ними.

Группа во главе с Черновым выжидала бандеровца около хутора, где жили Мария и Ганна, почти две недели. Наконец в условленное время над хатами этих женщин одновременно показались дымки – это означало, что «гость» явился. Дальше все пошло строго по сценарию: угощение, овца, ходоки.

– Учитывали каждое движение, каждое слово, – вспоминает Алексей Павлович. – Именно поэтому сработали четко. Подобных случаев было немало. Только не думайте, что все операции кончались для нас блестяще. Гибли наши товарищи, удавалось уходить бандитам, которые, казалось, были уже в наших руках.

Как-то группа, в состав которой входил Чернов, преследовала крупную, хорошо вооруженную банду недалеко от поселка Межи-ричи. Оуновцы яростно сопротивлялись. Схватка затянулась, бандиты почувствовали, что у чекистов иссякают боеприпасы. Положение сложилось критическое. Бандиты предприняли отчаянную попытку окружить чекистов. И кто знает, чем бы все кончилось, если бы на поддержку не подоспел отряд из райцентра, состоящий из совпартактивистов.

Кто прислал помощь?

Как было установлено позже, в райотдел милиции прибежал взволнованный паренек и сообщил, что в таком-то месте наших бойцов окружили бандеровцы. Он не назвал себя.

– Просчет наш состоял в том, – поясняет Алексей Павлович, – что мы имели недостаточные сведения о банде, недооценили ее возможности. А случай с парнем... Люди ненавидели бандитов. Но и опасались – оуновцы жестоко расправлялись с теми, кого хотя бы подозревали в связях с органами власти. И все же страх у честных людей отступал перед чувством гра-

жданского долга.

* * *

Тихий пешеходный участок улицы имени Гагарина в Ровно. А вот и проходная завода имени 60-летия Октября – большого современного предприятия, хорошо известного в области. Его заботами и живет сегодня Алексей Павлович Чернов.

В 1978 году полковник Чернов ушел в отставку. Не отдыхал ни дня. Должность предложили самую что ни на есть скромную, однако он доволен. А. П. Чернов – председатель совета по атеистической работе при парткоме завода и руководитель народного университета по атеизму. Это его партийные поручения.

О своих делах рассказывает охотно, но при этом сам остается будто в тени. Очень правильно заметил в разговоре со мной бывший непосредственный начальник Алексея Павловича Борис Ефимович Стекляр: «О нем узнаете из того, как он рассказывает о других».

Чернов много трудится, своей работой по-юношески увлечен. Но в разговоре то и дело возвращается в тревожные годы молодости, вспоминает то, чему отдал лучшую и большую часть жизни. Он изъездил, исходил почти все пути-дороги Ровенщины. Работал Чернов в 26 районах из тогдашних тридцати. Он все прекрасно

помнит – называет даты, имена, клички, населенные пункты, будто речь идет не о событиях сорокалетней давности, а о вчерашнем дне.

– Алексей Павлович, вы говорите так, словно книгу читаете.

– Знаете, если бы пришлось об этом писать, мне кажется, я бы управился быстро. Нет, не потому, что я такой способный, а потому, что уж очень глубоко вошли дела службы в душу. И уже ничто и никогда ее с ними не разъединит.

Алексей Павлович задумчиво смотрит в окно. За стеклом на фоне потемневшего вечернего неба сверкают легко летящие снежинки.

– Когда анализируешь и оцениваешь события, так сказать, на расстоянии, кажется, четче видишь отраженные в них закономерности, – продолжает, глядя в окно, Алексей Павлович. – Вот, к примеру, такой эпизод. В сельсовет пришла взволнованная женщина и со слезами обращается к председателю: «Помогите, нету больше моих сил – десять лет терплю. Лучше бы он убил меня, чем такая пытка». И она рассказывает о том, что ее муж, бывший бандеровец, скрываясь от возмездия, вырыл в хате, прямо под печью, bunker и многие годы там существовал. Вылезал из норы только по ночам. Но вот уже несколько суток не подает голоса. Пошли в дом. Вытащили бандита из ямы. Он оказался живым, но очень слабым. Ведут его к сельсовету, лю-

ди с ужасом смотрят. Прошел он немного, свалился да так на улице и испустил дух. По заключению специалистов, не выдержал яркого дневного света.

...Искрится и звонко скрипит под ногами свежий снежок. Небо освободилось от туч, усиливается морозец. Дышится сладко и легко.

— Не все нравится мне в большом городе, я привык жить в райцентрах, — откровенничает Алексей Павлович. — Люблю смотреть на звезды, а над огнями большого города они светят тускло. Смотреть на звезды — значит любоваться красотой. Это в какой-то мере помогает отходить от суетливости. Когда мне представляются такие минуты, всегда думаю: «Счастливый ты человек, Чернов. Вот ходишь себе по земле, созерцаешь ее прелести. А помнишь, пули не раз пробивали на тебе шинель. Но ты все же есть. И счастлив ты не потому, что живешь, а потому, что всегда был нужен людям».

Он внимательно смотрит мне в глаза и повторяет:

— Да, это правда, я — счастливый человек.

Владимир Комаровский НАГРАДИТЬ ИМЕННЫМ ОРУЖИЕМ

НОВОЕ НАЗНАЧЕНИЕ

Начальник Заречненского райотдела МГБ старший лейтенант Лубенников, как обычно, лег спать далеко за полночь. За окнами, замурованными кружевной изморозью, успокоилась метель; степенно плыли куда-то грязновато-белые, точь в точь как льдины или сугробы лежалого снега, тучи, и когда в образовавшуюся между ними полынью попадала луна, синий свет искрящегося снега, казалось, поднимал выше потолок, раздвигал стены. Старший лейтенант, засыпая, усмехнулся неожиданной мысли: братцы, а ведь через несколько дней новый, 1950 год! И что ни говори, есть основания полагать, что будет он чуточку легче. Нет, серьезно. Ведь район полностью очищен от оуновских бандитов, остались Сокол и эта девка-красавица, его зазноба. Вот Сокола надо поскорее обезвредить – и тогда полный порядок, можно будет дух перевести...

Он уснул, даже не подозревая, что все выйдет по-

другому, что год грядущий навалится глыбой опаснейших дел, каждое из которых предъявит к нему требования по самому суровому счету.

Через два дня, на исходе декабря, Лубенников отправился в Ровно по вызову начальника управления МГБ области гвардии полковника В. Г. Шевченко. Старший лейтенант не раз встречался с Владимиром Григорьевичем и знал, что по пустякам Шевченко не вызывает. Гвардии полковник так строил работу управления, чтобы каждого приучить к самостоятельности, инициативе.

Не изменяя своей привычке встречать подчиненных у себя в кабинете почти у самой двери, Шевченко с искренним радушием пожал Лубенникову руку, жестом указал на стул. Сев рядом, поинтересовался:

– Не замерзли? Зима нынче на славу, а дорога из Заречья в Ровно, считай, почти что чумацкая.

– Никак нет, товарищ гвардии полковник! Дело привычное.

– Вот и хорошо, что привычное. Привычка, говорят, второй характер. – Шевченко встал, прошелся по кабинету, с видимым одобрением посмотрел на ладно сбитую фигуру старшего лейтенанта. – Вот о чем я хотел с вами потолковать... В Заречненском районе вы хорошо сработали, обстановка там нормальная. Но в южных районах области положение с ликвидацией вооруженного бандитизма, к сожалению, продолжает

оставаться неудовлетворительным. Особенно плохо обстоят дела в Тучинском районе. Бандиты грабят население и магазины потребительской кооперации, убивают районный и сельский актив, всячески противодействуют коллективизации.

Шевченко умолк, то ли подчеркивая паузой важность сказанного, то ли давая старшему лейтенанту некоторое время для самостоятельных выводов. Снова сел – теперь, для удобства разговора, напротив Лубенникова – и продолжал:

– Позади у вас восемь лет работы в органах госбезопасности. Это более чем хорошая школа. Есть и знания, и опыт, а знания и опыт надо использовать по назначению, так ведь? У меня сложилось твердое убеждение, что вы, товарищ старший лейтенант, осилите новый участок работы. Непременно осилите! В общем, руководство управления и обком партии приняли решение рекомендовать вас начальником Тучинского райотдела. Думаю, с вашей стороны возражений не будет?

27 января Лубенников возвратился из Киева, куда ездил на утверждение в новой должности. По дороге еще прикидывал, какие дела надо решить в Заречье, но... Уже 1 февраля криптограмма из области предлагала ему в течение суток передать дела майору Цыганову и прибыть в Ровно для получения нового назначения.

– Вы, товарищ старший лейтенант, наверное, тоже далеки от мысли, что чекист действует по принципу «пришел, увидел, победил»? – неожиданно спросил после приветствия гвардии полковник Шевченко. Остановившись у стены, где висела большая карта Ровенской области с обозначенными на ней действующими бандами ОУН, он пытливо посмотрел на Лубенникова.

– Я думаю, товарищ гвардии полковник, что в нашем деле везет тем, кто много работает. И притом действует не один, а с помощью населения, – чуть помедлив, твердо ответил Петр Филиппович.

– Вы так ответили, будто ожидали именно такой вопрос, – широко улыбнулся хозяин кабинета. – Впрочем, это хорошо: чекист должен правильно отвечать на любые вопросы. Кстати, и правильно действовать тоже в любой обстановке. Но я о другом хотел... Давайте сейчас вместе выделим главные моменты оперативной обстановки в Тучинском районе.

Американская разведка, – начал он обстоятельно, – установила тесный контакт с центральным проводом ОУН с целью совместного проведения подрывной и разведывательной деятельности против СССР. В частности, украинских националистов активно используют как резерв для вербовки агентуры. Для подготовки квалифицированных разведчиков-радистов американские разведорганы в январе 1947 года в Штамберге, который находится в американской зоне Германии,

открыли специальную школу. Ее слушатели комплектовались из числа оуновцев. По данным, которыми располагает управление, в 1948 году в Тучинский район из-за границы прибыли эмиссары центрального провода ОУН и агенты американской и английской разведок: Мороз, он же Птах, Белый, он же Буква, а также член центрального провода ОУН Орлан.

Нам также известно, – продолжал Владимир Григорьевич, – что Орлан оставил Птаха руководить подпольем на территории Межиричского, Сосновского и прилегающих сел Тучинского районов. Прибывшего из Мюнхена Букву он назначил руководителем оуновского подполья в Костопольском, Березновском и частично Тучинском районах. И Птаха, и Букву Орлан связал с референтом СБ краевого провода ОУН Кнопкой.

Вот здесь, на хуторе, недалеко от села Матиевка Тучинского района, – Шевченко энергичным жестом обозначил место на карте, – 20 марта прошлого года чекистская группа обнаружила схрон и ликвидировала Птаха и еще трех бандитов из его окружения. Таким образом, сейчас в Тучинском районе действуют два эмиссара центрального провода ОУН – Буква и Орлан. И мы в управлении рассматриваем их визит из-за кордона главным образом как попытку активизировать разведывательную и диверсионно-террористическую деятельность на территории всей области...

Стоя у карты, Владимир Григорьевич давал характе-

ристику наиболее матерых бандитов, воспроизводил события давние и совсем близкие, подчеркивал детали, выделял отдельные эпизоды, устанавливал их причинно-следственную связь, не прибегая к записям, без каких-либо усилий припоминал фамилии бандитских пособников, анализировал содержание захваченных в разное время оуновских документов.

Окончив анализ, Шевченко снова подошел к Лубенникову и неожиданно поинтересовался:

– Начинать-то с чего думаете?

– Если я правильно понял обстановку, товарищ гвардии полковник, то начинать надо с Кнопки...

– Я же говорил, что вы справитесь! – воскликнул Владимир Григорьевич. Его красивое лицо при этом просияло такой искренней убежденностью, что старший лейтенант готов был тотчас, сию минуту ехать, лететь в Тучин и немедленно приступить к делу. – Совершенно правильно. Кнопка обеспечивает деятельность закордонных эмиссаров, без него они как без рук и глаз. Следовательно, в первую очередь надо разыскать, захватить или ликвидировать Кнопку и его банду. Лучше захватить живыми, тогда будут получены выходы на места укрытия Буквы, Орлана и других главарей...

ПО СЛЕДУ КНОПКИ

В Тучин Лубенникова отправил своей машиной ГАЗ-67 заместитель начальника отдела УМГБ области майор Н. А. Журавлев. Зная о новом назначении Лубенникова, Николай Андреевич не только успел дать ему несколько дельных советов по поводу работы в Тучинском районе, но и представил в своем кабинете незнакомого молодого человека.

– Тихон Иванович Табор. Бежал к нам из банды. Ты, Петр Филиппович, послушай его историю, тебе это только поможет...

Но все это – и рассказ-исповедь Табора, и напутственные слова в управлении – позади. Машина с разбега врывается в занесенную сугробами дорогу, медленно одолевает километр за километром, а Лубенников, кутаясь в тулуп Журавлева, скользит невидящим взглядом по перебинтованным снегом деревьям, белым колпакам холмов, нахохлившимся крышам домов. Он уже целиком поглощен будущей схваткой с Кнопкой и, чтобы не терять времени, обстоятельно, факт за фактом анализирует полученные в Ровно первые исходные данные о референте службы безопасности краевого провода ОУН. И когда машина наконец остановилась у здания районного отдела МГБ, что-то

похожее на план действий, пускай очень общий, уже вызрело в голове.

Здесь его ждали. Это было видно хотя бы по тому, что в кабинете начальника Лубенников увидел койку с заправленной солдатской постелью. «Все правильно, – мысленно согласился он, – здесь мне и работать, и первое время жить». Посмотрел на часы: 19.00 – кончается время отдыха.¹⁵ Значит, через час все будут в сборе. Очень хорошо, сразу и познакомимся. Еще по дороге в Тучин он решил отступить от формальности принятия дел у своего заместителя, который временно исполнял обязанности начальника райотдела. Конечно, по инструкции он должен был прежде принять дела, но ведь на это уйдет пропасть времени. А время теперь существовало для Лубенникова только для задачи, четко определявшейся одним-единственным словом – Кнопка.

Он всегда дорожил временем. Так же, как людьми. Не по книжкам, не по чужим рассказам – по своему опыту знал, что люди и время решают все. Личного состава, за исключением лейтенанта Лупандина, еще не было; чтобы скорее вникнуть в курс дел на местах, Лубенников сразу же встретился со вторым секретарем

¹⁵ В те годы чекисты западных областей Украины рабочий день начинали в 10 утра и только в 17.00 делали трехчасовой перерыв на обед и отдых. С 20.00 рабочий день начинался снова, продолжаясь далеко за полночь.

райкома партии Н. И. Шкуратовским (первый был на партийной учебе в Ровно).

Знакомство с личным составом райотдела заняло не более получаса. В 21.00 – первое рабочее совещание. Лубенников пригласил на него Н. И. Шкуратовского, старшего лейтенанта Г. П. Рассихина и его офицеров, а также весь оперативный состав райотдела: своего заместителя старшего лейтенанта Ф. Н. Пичугина, старших оперативных уполномоченных капитана М. П. Павлова и старших лейтенантов И. Ф. Полозова и Е. М. Шийко, оперативных уполномоченных старшего лейтенанта Н. И. Гарбузова, лейтенанта П. С. Лупандина, младшего лейтенанта Г. Ф. Балеева и следователя старшего лейтенанта А. Д. Рыжакова.

– Итак, картина проясняется, – в конце подытожил доклады оперативных уполномоченных работников и командиров Лубенников. – Наша первоочередная задача заключается в следующем. Первое: всемерно активизировать работу по розыску и ликвидации банд. Шире практиковать засады, секреты, инсценированный уход из населенных пунктов, с тем, чтобы блокировать места укрытий бандитов и ликвидировать их. Второе: особое внимание обратить на близкие связи бандитов, больше опираться на помощь местного актива и патриотически настроенного населения. Эти люди могут и должны нам помочь в выявлении мест укрытий бандитов и их пособников. Третье: в целях доведения

до широких масс постановления Президиума Верховного Совета УССР и Совета Народных Комиссаров республики о прекращении борьбы и явке с повинной во всех населенных пунктах района провести собрания крестьян и местной интеллигенции, разъяснить его положения. Текст постановления и письма от имени райотдела с предложением явки с повинной направить через родственников и другие связи нелегалам и участникам бандитского подполья. Вот вкратце все. Теперь — за работу. Все свободны, за исключением старших лейтенантов Пичугина и Рассихина.

Да, он почти наверняка знал, с чего надо начинать, приступая к ликвидации банды Кнопки. То, о чем они больше четырех часов вели обстоятельный разговор на совещании, касалось все-таки общей программы, если хотите, стратегии борьбы с националистическим подпольем во всем районе. Теперь, когда остались в кабинете вдвоем, Лубенников хотел обсудить тактику действий, высказать вслух свои соображения и услышать оценку тех, кто должен был наряду с ним претворять в жизнь план поиска и ликвидации Кнопки и его боевиков.

— Ну что, прозаседавшиеся? — устало пошутил Петр Филиппович, пытливо глядя на своих собеседников. — Наверное, голову не мешало бы освежить. До утра времени достаточно, всласть наговоримся...

Во дворе струился тихий, как музыка, снег. Ровный,

удивительно спокойный свет луны, прозрачные от инея деревья, серебрянные кусты, выкрашенные в белый, чистый цвет шапки сонных домов – все дышало таким миром, таким знакомым и дорогим, но войной и притаившимся врагом поставленным в разряд чего-то невероятного покоем, такой удивительно сладкой, но, увы, недозволенной роскошью, что все трое, не сговариваясь, заторопились обратно к себе в кабинет.

Там, в кабинете, застал их рассвет. Пичугин и Расихин полностью поддерживали Лубенникова, который предлагал какое-то время отказаться от поисковых мероприятий именно в тех населенных пунктах, где, предположительно, укрывались бандиты. Нужно было заставить, вернее, подтолкнуть оуновцев выйти из своих схронов. А тогда...

Утром 4 февраля все группы выехали на автомашинах из Тучина и в течение трех суток создавали видимость поиска бандитов именно там, где они не могли быть. Лубенников предполагал, что Кнопка мог держать под контролем выезда личного состава гарнизона оперативных войск в села района. Узнав от своих информаторов в Тучине, что силы райотдела находятся вдалеке от его схрона, он наверняка направит боевиков по нужным ему связям. И дальнейшие события показали, что Петр Филиппович не ошибся в расчетах.

Те трое суток он почти не спал. Напряженное выжидание до предела обострило все чувства, каждый

нerv. Он снова и снова прорабатывал возможные ходы врага и свои ответные действия, стараясь исключить любую случайность.

7 февраля Лубенников отдал приказ: с наступлением темноты группы перебросить в населенные пункты, где в последнее время фиксировалось появление бандитов, и с ходу начать активные поисковые мероприятия. И уже около 22.00 поступил сигнал: группа старшего лейтенанта Полозова около церкви села Дроздов заметила неизвестного в белом маскхалате, который при попытке бежать был ранен в ногу и схвачен. Изъято вооружение: карабин, револьвер и патроны.

Это был человек Кнопки из Дроздова – Павло. Но, доставленный в Тучинский райотдел, он категорически отрицал свою причастность к банде ОУН. Нет, упорно твердил Павло на допросе Лубенникову и старшему лейтенанту Шийко, вина моя только в том, что уклонился от мобилизации на фронт после освобождения района и с тех пор укрываюсь, но никакого вреда Советской власти я не причинил.

Они понимали, что Павло – это реальный выход на Кнопку. И еще понимали, что, если не сумеют доказать в ближайшие часы принадлежность Павла к бандгруппе Кнопки, весь замысел тщательно спланированной операции будет сведен к нулю: к утру, узнав о задержании Павла, все известные ему бандиты покинут схроны, укроются в других местах. Промедление воистину

равно было поражению...

Но под давлением неопровержимых улик Павло вынужден был сказать правду. Да, он действительно участник бандгруппы Кнопки. Где сейчас ее главарь? Кнопка, а также районный проводник ОУН Мусий и его боевики Гриць и Мыша укрываются в Шубкове. Схрон устроен в надворной постройке. Фамилия хозяина? Нет, он только смутно припоминает, что в этой усадьбе живут три сестры, одну из которых, кажется, зовут Надей...

Павло хитрил: он точно знал не только фамилию сестер, но и кратчайшую дорогу к схрону, его устройство, потому что в этом схроне длительное время укрывался сам. И в Шубкове, куда немедленно отправилась группа, возглавляемая Лубенниковым, начал путать и менять показания, тянул время, чтобы дать возможность бандитам уйти от возмездия. Но их судьба была уже predetermined.

Вот она, усадьба сестер Ольги, Надежды и Анны Галузий. А вот и сарай, в котором устроен схрон. Чекисты окружают его с трех сторон.

Вот-вот загорится рассвет 8 февраля.

Нет, бандиты не думают сдаваться. Еще темно, еще только брезжит утро, и они предпринимают последнюю отчаянную попытку прорваться: из сарая летит граната, и тотчас за ней выбегает бандит Мыша, прокладывая дорогу автоматным огнем. Ожесточенная пере-

стрелка. Предсмертный крик убитого бандита. Треск
пламени на загоревшемся сарае. Это – конец. Пони-
мая безвыходность своего положения, Кнопка, Мусий
и Гриць кончают жизнь самоубийством.

– Потери есть? – После горячки боя голос у Лубен-
никова еще звенящий, прерывистый.

– Никак нет, все целы!

Только теперь, услышав о полном успехе операции,
Лубенников почувствовал, как усталость вдруг разом
навалилась такой тяжестью, что он едва удержался,
чтобы не сесть прямо на снег или хотя бы прислонить-
ся к стене дома. Но он тут же жестко скомандовал се-
бе: «Не расслабляться!» – и направился к схрону.

– Вот это да-а-а!..

Резко повернулся на чей-то испуганно-восхищенный
возглас. Несколько солдат стояли за спиной старше-
го лейтенанта Пичугина и рассматривали его фуфайку.
Петр Филиппович подошел тоже. Фуфайка сзади была
продырявлена наискось автоматной очередью банди-
та Мыши.

– Сам не понимаю... – удивленно развел руками Фе-
дор Николаевич. – Как он меня полоснул? Может, когда
мы залегли? А на теле ни царапины. Чудо какое-то...

– Чаше бы нам такие чудеса, – впервые за послед-
ние дни улыбнулся Лубенников и, чтобы снять общее
напряжение, полушутя воскликнул: – Да ты, видать, не
в рубашке, а даже в фуфайке родился! Не то что пуля

— очередь не берет.

Вот она внутри, бандитская нора: три метра в длину, почти столько же в ширину и полтора в высоту. Стены и потолок обиты досками. Шесть больших ниш, на них шестнадцать стволов стрелкового оружия, двенадцать гранат, патроны, листовки и различная националистическая литература, целый ворох инструкций, гектографы, пишущие машинки, радиоприемник, переписка... Ближе к узкому лазу, выпучив остекленевшие глаза, лежал невысокий лысый бандит в грязном немецком френче.

— Кнопка. С него и начнем, — деловито констатировал старший лейтенант Шийко и приступил к фотографированию бандитов и схрона.

В ПОИСКАХ БЕЛОГО-БУКВЫ

Да, это был, без преувеличения, большой успех – наконец перестала существовать самая крупная в то время на Ровенщине бандгруппа. Кнопка принимал непосредственное участие в повсеместном уничтожении польского населения и отдавал приказы о полном истреблении местного советского актива и семей тех, кто служил в Красной Армии. Даже бандиты боялись его, потому что знали: Кнопка – это прежде всего жестокость, причем жестокость изуверская, чудовищная. Чистка в рядах УПА – тоже его рук дело. Страшная участь ожидала тех, кто высказывал сомнение по поводу авантур националистов. Кнопка зверствовал и над живыми, и над мертвыми. Это он подстроил семейный праздник у одного из жителей Тучина, куда был приглашен бывший главарь сотни Дубчак, явившийся в органы Советской власти с повинной. Дубчака убили выстрелом через окно бандиты, посланные Кнопкой. Но и этого показалось мало палачу: спустя некоторое время могила убитого была разрыта, гроб разбит, а труп расчленен и разбросан по кладбищу. Там же на куске фанеры было написано: «Так будет всем, кто изменит ОУН...»

И все-таки даже теперь, после столь блестяще про-

веденной операции, Лубенникова ожидало столько работы, что он не имел права ни на слабость, ни на усталость, ни тем более на промедление. Даже не день, да что там день, хотя бы одну-единственную, но от зари до зари, ночь отдыха. Теперь надо было всеми силами навалиться на Белого-Букву.

Кстати, в схроне Кнопки было обнаружено любопытное письмо этого эмиссара закордонного провода ОУН и – по совместительству – агента английской разведки. Оценивая состояние оуновского подполья и его перспективы, он писал своим хозяевам: «Желание принимать участие в нашей борьбе как со стороны взрослого населения, так и молодежи с каждым днем все больше падает. Наше движение ограничено, общение с населением незначительное. Состав руководящих органов ОУН очень слабый». И далее следовал такой же трезвый вывод: «Нам не спасти ОУН от окончательного разложения».

Оценка, что и говорить, правильная. Другое дело, что сам Белый-Буква далек был от мысли сложить оружие.

Через несколько дней, 15 февраля, Лубенников еще раз убедился, какой жестокий враг противостоит чекистам. После операции в Шубкове убитые бандиты Кнопка, Мусий, Мыша и Гриць были выставлены у забора райотдела МГБ для показа населению. Десятки людей приходили удостовериться, что действительно

ликвидирован оуновский палач, который долго терроризировал весь район. Так вот в этот день, 15 февраля, Лубенников получил письмо с пометкой: «Лично начальнику райотдела МГБ».

«9 февраля около здания райотдела в большой толпе людей, смотревших на убитых бандитов, – начал читать Лубенников, – находился переодетый в женскую одежду главарь банды Явор. Он имел при себе две гранаты и пистолет. Когда увидел машину с начальством, заехавшую во двор райотдела, Явор хотел забросать ее гранатами. Но тут подошла группа вооруженных солдат с офицером, взяла под охрану здание райотдела и двор. Явор от своих намерений отказался и ушел. Будьте осторожны!» И далее подпись: «Ваш друг».

Дочитав письмо до конца, Лубенников почувствовал за спиной неприятный холодок. Машина, о которой писал неизвестный благодетель, была «Победой», а начальством – приехавшие из Ровно в тот день первый секретарь обкома партии В. Д. Чучукало, В. Г. Шевченко и начальник УМВД области И. А. Антонюк. Нетрудно было представить, что могло произойти, если бы интуиция, профессиональное чутье не подсказали Лубенникову взять под охрану двор и здание райотдела. Бедда прошла совсем-совсем рядом, и то, что она в последний момент отступила, что не разразилась непростительными жертвами, лишний раз напоминало, как

важно не расслабляться, сохранять бдительность.

А может, письмо – дезинформация врага? Но нет, Лубенников не сомневался в достоверности его содержания, точно так же, как не сомневался, что писал человек, близкий к связям Явора, но честный. Впрочем, в тот же день старший лейтенант Гарбузов получил информацию, которая полностью подтвердила изложенные в письме факты: Явор действительно приходил к райотделу, действительно прятался в женской одежде, действительно хотел отомстить за своих дружков...

Да, письмо утвердило Лубенникова в мысли, что на Белого-Букву надо выходить через Явора. Правильность такого решения подтверждалась и изучением изъятых из бункера Кнопки записей, из которых следовало, что Явор регулярно встречался с Белым-Буквой на стыке Тучинского и Костопольского районов. Во время таких встреч закордонного эмиссара всегда сопровождали его боевики Омелько и Микола, иногда – бандгруппа Явора. Райотдел располагал точными данными, что эта чрезвычайно опасная банда состоит из Явора, его подручного Мухи, районного проводника ОУН Нечая и легальной группы из четырех головорезов. 14 июня 1947 года Явор и его хлопцы во время прорыва из окружения в сарае села Речица очередью из автомата убили тогдашнего заместителя начальника Тучинского райотдела МГБ гвардии майора С. Г. Житникова. Наконец, Лубенников знал, что Явор

поставил в известность родственников о намерении уходить за границу и с этой целью, чтобы обеспечить себя материально, активно распространял так называемые облигации «Фонд УПА».

Сведений, казалось бы, более чем достаточно. Но все они, увы, касались преимущественно прошедших событий. Нужно было действовать на опережение, нужно было узнать, где укрывается Явор, где места его стоянок, где и какими маршрутами он передвигается. Но хотя непрерывно велись поисковые мероприятия, а из Ровно для оказания практической помощи прибыл опытный чекист начальник отделения УМГБ майор И. А. Мариняка, дело продвигалось очень трудно.

И все-таки кто ищет, тот находит. День 23 февраля стал вдвойне праздничным для чекистов: группа, возглавляемая майором Маринякой и младшим лейтенантом Балеевым, вышла на след Белого-Буквы, установив его пункт связи невдалеке от села Малое Селище Костопольского района. Оставалось ускорить приход к нему оуновского главаря.

Легко сказать – ускорить! Ускорить – означало усилить поисковые мероприятия в северной части Тучинского района – только таким образом можно было заставить Белого-Букву укрыться в его «надежное место» неподалеку от Малого Селища. Ускорить – означало перехитрить опытного, матерого врага, иначе, почуввав опасность западни, он ускользнет. Переиграть,

иначе не обойтись без жертв. А люди от неимоверной усталости буквально падали с ног.

Еще одно – которое за последнее время! – совещание оперативного состава. Лубенников смотрел в глаза ставших уже родными сотрудников райотдела – красивые, воспаленные, в их исхудавшие, одинаково суровые, хотя такие молодые еще лица, и вдруг понял, что сейчас будет говорить не так, как говорил ранее, потому что все они, отдавшие недавней войне, быть может, свои лучшие годы, самых верных и дорогих друзей, не знавшие в жизни толком ни любви, ни настоящего отдыха, вот уже который год вновь и вновь подставляли себя опасности, не требуя взамен ничего.

– Товарищи офицеры! Друзья!.. – Голос у Лубенникова странно вздрогнул; он, прокашлявшись, с усилием выровнял его и продолжал: – Мы все здесь, в Тучинском районе, не так давно. Кто-то дольше, кто-то, как я, например, совсем недавно. Но каждый из нас пробудет ровно столько, сколько будет нужно. Что оставим мы после себя? Оставить после себя мы должны – так велит совесть и долг чекиста – землю, очищенную от оуновского отребья. Сделаем так – останется о нас добрая память. Ради этой памяти можно сделать даже больше сил человеческих. Вот что хотел я вам сказать перед тем, как огласить следующий приказ...

Еще почти месяц неимоверного, нечеловеческого напряжения. Скупые, будто ворованные, часы беспо-

койного сна. обстоятельный анализ поступающих данных. Напряженно работающая мысль. Быстрая и точная оценка каждой отдельной ситуации. Прикидка различных вариантов. Перегруппировка сил. Изменение ритма и направления поиска... Все это так напоминало военную обстановку, что в те дни им, чекистам, казалось, будто война и впрямь продолжается, будто она и не кончалась. И в стремлении своем опередить врага, не упустить инициативу они совсем не заметили, как потихоньку с крыш упала первая звонкая капель, как начал подтаивать к обеду ноздреватый снег, как, хмельные от радости, голосистой заборной песней приветствуют приближение весны воробьи...

В первых числах марта старший лейтенант Рыжаков порадовал еще одним успехом: выявлены все четыре члена легальной диверсионно-террористической группы националистов. Они оказались... членами группы охраны общественного порядка села Речица. Вот почему этим бандитам удавалось долго действовать безнаказанно: делая вид, что разыскивают оуновских боевиков, на самом деле они постоянно поддерживали с ними связь, информировали о маршрутах движения войсковых групп, более того, время от времени подбрасывали ложные сведения о том, где искать оуновских не-легалов, а также принимали участие в убийствах и грабежах. В ходе следствия было установлено, что главарь этой группы Гончарук И. Р. с 1942 года был связ-

ным ОУН, после освобождения Тучинского района мобилизован в Красную Армию, но оттуда дезертировал, задержан и осужден к семи годам лишения свободы. В связи с Победой был амнистирован, однако по возвращении домой установил связь с бандитами Явором и Мухой, принимал с ними участие в ограблении магазина сельпо, где продавцом работал его сообщник, в поджоге сельсовета, разоружении группы охраны общественного порядка. Он же привлек к враждебной деятельности сначала Михальчука Н. С. и Демьянюка Б. П., а потом и жителя Шубкова Вовчика В. Т., участвовал в убийстве председателя Речицкого сельсовета З. Е. Винничука и его жены, секретаря этого же сельсовета Л. П. Коваля, систематически передавал бандитам похищенные в группе охраны общественного порядка боевые патроны...

И все же еще более крупный успех был впереди: 22 марта жена руководителя пункта связи Белого-Буквы сообщила наконец то, чего так ожидали чекисты.

В этот день тройка бандитов расположилась на отдых в лесном массиве неподалеку от Малого Селища. Лубенников знал: таких голыми руками не возьмешь, они будут искать любой шанс, чтобы уйти.

Засада, устроенная Лубенниковым в каких-нибудь трехстах метрах от места привала оуновцев, отрезала им единственный путь к отступлению. В это время с противоположной стороны к бандитам осторожно, ед-

ва ли не ползком приближалась группа старшего лейтенанта Рассихина.

Петр Филиппович, не шевелясь, следил за минутной стрелкой часов. «Кажется, подошли», – подумал он. И вот теперь начинается, собственно, то, что вместилось в полторы строчки жесткой формулировки приказа: захватить живыми, в случае оказания сопротивления – ликвидировать. Но почему еще тихо?

И тотчас, будто отвечая на его мысленный вопрос, тишину вспорола захлебнувшаяся автоматная очередь: та-та-та...

– Приготовиться! – вполголоса скомандовал Лубенников.

Автоматы впереди заговорили разом, не приближаясь и не удаляясь; бой, усиленный многократно повторяемым эхом, грохотал рядом и вдруг оборвался на высокой ноте. «Приготовиться», – уже себе прошептал Лубенников, заметив две мечущиеся от дерева к дереву чужие фигуры.

Ровно забасил пулемет из засады, и через несколько минут все было кончено: Микола, первым открывший огонь, был убит еще на месте привала, а пытавшиеся скрыться Белый-Буква и Омелько нашли смерть почти у самой линии засады.

НАГРАДИТЬ ИМЕННЫМ ОРУЖИЕМ

Да, весна 1950 года выдалась для чекистов Тучинского района горячей.

После ликвидации банды Белого-Буквы Лубенникову позвонил гвардии полковник В. Г. Шевченко.

– А вы, товарищ старший лейтенант, – поздравил его с новым успехом Владимир Григорьевич, – работаете, как по графику! Если так дальше пойдет, а я в это верю, к лету в Тучинском районе не останется ни одного бандита.

– Перемещение начальников, товарищ гвардии полковник, всегда имеет не только причину, но и следствие! – в тон ему ответил Петр Филиппович, зная, что эту фразу Шевченко уже однажды слышал: так говорил в его присутствии Лубенникову первый секретарь обкома партии В. Д. Чучукало, когда было покончено с бандой Кнопки.

На другом конце провода послышался такой заразительный смех, что Лубенников тоже не удержался, чтобы не расхохотаться. Впрочем, Шевченко даже не подозревал, насколько точно он предугадал события: уже в конце июня в Тучинском районе действительно установится нормальная жизнь, начнут спокойно работать учреждения и предприятия, практически завер-

шится коллективизация. Но все это будет через три месяца. А пока...

В начале апреля старший лейтенант Шийко доложил Лубенникову, что вблизи церкви села Дроздов, на том самом месте, где 7 февраля был задержан боевик Кнопки под кличкой Павло, появляется неизвестный человек, одетый в форму артиллериста. Кто он? Почему вооружен? Что заставляет его передвигаться только в ночное время?

«Артиллеристом» оказался житель Дроздова Марчук И. Я., он же Ананий – боевик Кнопки. При попытке скрыться из окруженного дома на хуторе Рудка он был убит в ночь на 19 апреля. А несколько дней спустя в кустах на торфоразработке был найден тайник главы банды Данько, через который он поддерживал связь со своим доверенным лицом. Успехи чекистов заставили Данько всерьез подумать о том, чтобы запастись надежными документами и уйти куда-нибудь на восток страны. Именно вопрос о документах и заставил Данько назначить ночью встречу с этим доверенным лицом на отдаленном хуторе села Матиевка. Чекисты, проверяя тайник каждые сутки, были в курсе даты и места назначенной встречи. Казалось, иммитация поисков другой банды – Богдана и инсценированный уход чекистов из Матиевки в Тучин должны были придать Данько уверенности. Но Лубенникову и Рассихину, которые устроили засаду на чердаке хаты одинокого де-

да (его сарай был выбран бандитами местом встречи), было видно, как время от времени на хутор приходят «случайные» люди и наблюдают, все ли здесь спокойно.

— А ты, дед, богато живешь! — подозрительно посмотрела на старика одна из таких «случайных» женщин. — Нечто к девчатам собрался: одеколоном за версту пахнет от твоего дома!

Лубенников, отчетливо слыша каждое слово, обомлел: все пропало! Это же он накануне стригся в парикмахерской! И надо же чтобы это чертова баба учуяла запах одеколона!

— Что ты, дочка, какие в моих годах девчата? — спокойно, даже с нотками обиды отвечал внизу дед. — Зуб меня мучит, вот я его одеколоном задабриваю...

Лубенников готов был расцеловать расторопного деда.

Наконец вечером 23 апреля Данько в сопровождении боевика Грубого явился на встречу. И только в последний момент сильный щелчок затвора автомата одного из чекистов помешал захватить бандитов живыми. Они открыли огонь, и в короткой, но яростной перестрелке были убиты.

А через неделю покончили с правой рукой Явора — Мухой. Этот верзила был ранен в плечо засевшими чекистами вблизи отдаленного хутора села Речица, но даже после этого оказывал отчаянное сопротивление.

В ночной перестрелке снова – в который раз! – удалось скрыться Явору. Почти целый год он не давал о себе знать, перебравшись в Гощанский район, и только на рассвете 12 апреля 1951 года его удалось ликвидировать возле Ючина, на хуторе Голин.

Но все это будет потом. А тогда после Мухи Лубенников уже готовил чекистов к схватке с районным проводником ОУН Нечаем. Его бункер оказался устроенным неподалеку от сел Бугрин-Майдан, в хозяйстве многодетной семьи сектанта Свидницкого С. И. Когда схрон был оцеплен, Нечай в ответ на предложение сдаться отказался – страшно было отвечать за содеянные преступления...

2 июня 1950 года за успешную ликвидацию оуновского подполья в Тучинском районе Министерство государственной безопасности СССР наградило старшего лейтенанта П. Ф. Лубенникова именным боевым оружием. Эта награда – самая дорогая среди многих других, которыми отмечен его долгий и нелегкий путь чекиста. Тот путь, которому он верен и сегодня.

Евгений Шепитько

ЕГО НАЗЫВАЛИ БЕССМЕРТНЫМ

Пришел солдат Михаил Тетеря к своему дому в Берестье, а дома нет. Гуляет лишь ветер на пустыре. Горка обожженного кирпича – там была печка, покарженный штакетник, заросли полыни да яблони, посаженные Михаилом в пору его юности.

Сел солдат у дороги и горечью обкипело его сердце.

Подошел мальчик:

– Дядя, ты почему тут сидишь?

– Мать моя здесь жила...

– А-а, тогда пойдем со мной, вот сюда...

Под ногами солдата хрустнула ветка сухой лебеды.

– Вот, дядя, в этой ямке лежала убитая тетя Наталка. Ее бандиты завалили камнями. Я видел, как она там лежала – было немного видно руку, да еще косы ее были в крови...

Мама, мама... Не дождалась ты сына, родная. Сквозь огонь войны шел он к тебе, нес в вещевом мешке подарок – теплый платок, и вот...

– Дядя, не плачьте, вы же большой...

– Не буду, милый...

Погоревал солдат, вдоволь наговорился с двоюродным братом Андреем Тетерей, зашел в сельсовет, но

председателя Карпа Подоляка не застал и утром уехал в Ровно, в обком партии.

И вот он волнуется, ожидает, когда позовут его, выслушают.

Воспоминания о недавнем посещении родного села прервал голос порученца первого секретаря обкома:

– Михаил Семенович Тетеря? Товарищ Бегма вас ждет.

В просторном кабинете Михаила Семеновича встретил плотный человек в военном мундире без погон – первый секретарь обкома партии Василий Андреевич Бегма.

– Садитесь, слушаю вас.

– Тетеря я, из-под Дубровицы...

– Знакомая фамилия. У вас были братья? Знавал я одного – партизанил со мной вместе. Кажется, Андреем звали. Вот эти добротные сапоги мне сшил.

– Да, этот мой двоюродный брат.

– Расскажите о себе, – сказал Бегма.

– Была у меня большая родня. Была... Отца белополяки убили в гражданскую, дядю Максима расстреляли фашисты. Брат Петр пал в неравном бою с карателями. Многих друзей убили бандеровцы. Матери тоже не стало – зарубили топорами те же бандеровцы.

– Успокойтесь, – Василий Андреевич налил из графина воды.

– Я в обморок не упаду. У меня теперь вместо серд-

ца — камень. Дайте мне и моим сельским товарищам оружие.

— Собираетесь мстить?

— Да, надо уничтожать кровопийц.

— Ненависть зовет вас, как говорится, к решительным действиям, — твердым шагом прошелся по кабинету секретарь. — Кому будете мстить? Нужно разобраться в обстановке. Ведь в оуновские банды втянуты молодые парни, которых одурманили «самостийническими» идеями, запугали кулаки. И стоит ли начинать нам нашу советскую жизнь с мести?

Нелегко было Михаилу Семеновичу разобраться в сложнейшей послевоенной обстановке в западных областях Украины.

Василий Андреевич сел рядом, по-отечески обнял Тетерю за плечи:

— Советчиком в таких делах должна быть совесть коммуниста. Уверен, вы быстро все поймете. Разобраться во всем вам помогут честные труженики села, их большинство. Помните: не только у вас одного большое горе. Нет в нашей области села, где бы оуновцы не вырезали десятки семей.

Бегма замолчал, потом продолжил:

— Бандиты пытаются запугать селян. Наша задача — пробудить в людях уверенность в том, что в новой жизни не будет места чело́веконенавистничеству, бан- дитским действиям мы положим конец в ближайшем

будущем. Агитация и еще раз агитация за Советскую власть. Безусловно, нужны решительные действия по отношению к явным классовым врагам. Создавайте в селе отряд самообороны, это очень действенное мероприятие на современном этапе.

Провожая Тетерю, Бегма пожал ему руку:

– Желаю успеха. Сумейте удержать в себе злобу, проникнитесь болью и радостями сельчан.

Выйдя из обкома, Михаил Семенович подумал о том, что такая уж у него доля – забывать о своих душевных ранах и лечить словом людские. Людям нужна большая надежда на счастье. Надо в первую очередь оборвать паутину страха, которой оплели оуновские убийцы полищук.

В тот же день он приехал поездом в Дубровицу, а оттуда пешком пришел в село.

...Отряд ястребков, в состав которого входил лейтенант районного отдела НКГБ Осокин, уже вторые сутки шел сквозь метель, почти без остановки преследуя банду. Оуновцы то уходили в лесные чащи, то волчьими тропами выползали к хуторам или селам. И тогда сырое небо обагралось пожарами.

Лейтенанту Осокину привелось много смертей увидеть на фронте, хоронил друзей, видел повешенных карателями патриотов, но здесь он не мог смотреть на обугленные трупы детей, их матерей. Часто перед его глазами всплывали замученные оуновцами сельчане.

Сожженный на костре Кондратий Мелещук... На берегах разорвали Антона Пинчука, зарубили Никона Дащука и его маленькую дочь. Около села Нивецк, в лесу, Тетеря обнаружил обугленные трупы своей тетки Кристины Романовны и ее дочери Ольги. Их сжигали живыми...

Снег идет и идет, сечет по лицам, ноги отказываются идти. Но идти надо во что бы то ни стало, иначе бандиты снова исчезнут и снова запылают крестьянские хаты, заголосят в хатах по убитым.

В полночь метель стихла.

Отряд ястребков вышел на поляну. Неподалеку виднелась куча валежника. Была она чересчур большой.

– Не нравится мне, Осокин, вон та берлога, – остановил отряд Тетеря. – Видишь, Джульбарс скалит зубы.

– Надо проверить...

И вдруг из-под валежника раздались выстрелы. Пули просвистели рядом, несколько их прошли шинель Михаила.

Ястребки ответили дружным огнем.

Ответных выстрелов не последовало. Послышался глухой топот копыт – бандиты уходили. Бойцы отряда цепью пошли на валежник. Разбросали сухие ветки и обнаружили схрон.

– Есть кто живой? – направил ствол автомата в черное отверстие Тетеря. – Стрелять буду!

Двое парней прыгнули в схрон.

– Поймали! Двоих! – кричали ребята из темной норы. – Ну-ка, сволота, вылезай, – подталкивал неизвестного человека пулеметчик Андрей Тетеря.

Вылез заросший смолистой бородой человек, а за ним – мальчик лет десяти – грязный, оборванный, испуганный.

– Вы кто такие? – встретил их Михаил Семенович.

– Большие страдальцы, пан начальник.

Потом отозвался мальчик:

– Дядя, дайте хлебца...

Осокин подошел к мальчику, открыл сумку и отдал ему последний кусок хлеба. У мальчика затряслись ручки, его воспаленные глаза прикипели к хлебу. Выхватил из рук лейтенанта ломоть и начал запихивать его в рот.

Тем временем бородач рассказывал:

– Это мой сынок. Завезли нас в эту нору давно, где-то еще летом. Начал забывать. Должно быть, с голодухи... Присматривали мы за их лошадьми. Бывало, как напьются бандиты, то и уворую какой харч. Да разве сам съешь? Сынку отдам. А один раз попался...

Бородач закатил свитку и показал спину. Тетеря опешил:

– Что же это?!

– Кочергой. Она заострена да загнута как бы крючком. А его, – бородач кивнул в сторону мальчика головой, – как ударил один гад, так с тех пор и кашляет...

сначала даже кровь шла изо рта.

Он взял протянутый Тетерей хлеб и осторожно откусил кусочек, подставил ладонь другой руки ко рту, чтобы на землю не упала и крошка.

– В вас стреляли двое, их оставили здесь для того, чтобы остановить вас, сбить с толку. Вы идите прямо. Далее будет хутор. Они там, уставшие. Не выпускайте их живыми, – попросил со слезами на глазах. – Среди них нет людей! Ироды! Проклятые выродки...

– Пора, – поднялся Тетеря. – Только бы сил хватило.

– Да, придется идти целую ночь, – отозвался Кузьма Будкевич.

И снова отряд в пути. Под утро вышли к одинокой хижине, которая пряталась в сосняке. Около небольшого сарайчика стояли две лошади.

Хижину окружили. Оуновцы открыли беспорядочный огонь. Тетеря лег за сосну, прицелился и нажал на спусковой крючок – автомат вздрогнул, и изрешеченные пулями стекла маленьких оконцев брызнули осколками в снег. Длинной очередью отозвался пулемет Андрея.

Напуганные лошади заржали, оборвали привязь и ускакали в лес.

Дверь распахнулась. Бандиты, видно, решили пробиться из окружения. На ходу стреляя, они бросились в молодой сосняк. По ним ударили очередями. Один упал. Трое продолжали бежать. Пулеметная очередь

Андрея настигла бандеровцев около мелколесья.

– Кажется, все, – поднялся Тетеря.

Отряд отдыхал в хижине. Здесь еще пахло пороховым дымом. Тетеря, закулив, штопал шинель.

– Сколько попало? – спросил Осокин.

– Две. Чуть бы правее – и вечная память...

– Дома некому штопать?

– Пока холостякую. Недавно получил письмо от жены. Моя Ефросинья за Одером. Санитарка. Пишет, скоро будет дома.

– Я тоже скоро демобилизуюсь и уеду в родной Псков. Люблю этот город. Юность там моя прошла...

Вскоре лейтенант уснул.

Михаил Семенович вышел из хижины. В соснах настаивалась тишина. Мирно светило солнце.

...Михаил Семенович Тетеря в те суровые годы не знал покоя – агитировал за колхозы, вместе с ястребками защищал село от непрошенных гостей – оуновских бандитов. Под ним убили троих лошадей, но смерть обходила его стороной. Самозванные атаманы обещали за его голову тысячу рублей. Но был М. С. Тетеря среди людей: они помогали ему, предупреждали об опасности. Его называли Бессмертным.

Александр Федрицкий

ЧИСТЫМИ РУКАМИ

Сорок лет – не сорок дней, и далеко не всегда подтверждается пословица о том, что лишь гора с горой не сходится. Но они все-таки встретились и узнали друг друга – двое немолодых, с густо посеребренными сединами висками.

– Ну, как живется, что нового с тех пор?

Прудко мог бы и не спрашивать об этом. Лучше всяких слов ему ответило крепкое рукопожатие. А еще взгляд – прямой и открытый, как у людей, которым нечего бояться и нечего стыдиться.

Когда прощались, он еще раз услышал благодарное:

– Спасибо вам, Матвеич! Спасибо за все...

А город продолжал шуметь вокруг гулом машин, многолюдным гомоном, и в утреннем оживлении осталась незамеченной эта встреча. Только им обоим еще долго будут припоминаться и теплое рукопожатие, и искренне, от души сказанные слова. Потому что путь к той встрече измерялся не просто десятком метров от троллейбусной остановки на ровенской улице.

...Пели соловьи. Ох, как пели тогда соловьи! Иссеченные осколками и пулями, перепаханые снарядами и бомбами сады возвращались к жизни, подерну-

лись робкой нежной дымкой первой зелени. И до самого рассвета доносились из лунного полумрака серебряные трели, тревожа восемнадцатилетние курсантские сердца.

Птицы умолкли лишь однажды – когда в небо взлетели ракеты и разноцветные снопы трассирующих пуль, а улицы наполнились криками и светом окон, казавшимся ослепительным после долгих лет затемнения. В ту майскую ночь были похожи на разгулявшихся мальчишек бывалые фронтовики, звеневшие орденами и медалями, степенные интенданты и даже обычно неприступно-строгие патрули. Они палили вверх из всего, что было под рукой, – винтовок и автоматов, пистолетов и ракетниц. Стреляли без усталы, приветствуя долгожданную Победу.

Нарушая все наставления и инструкции, повыхватывали из пирамиды карабины и они, курсанты. Из окон казармы выпускали пулю за пулей в темное небо, и казалось им тогда, что это уже последние выстрелы, после которых на земле навсегда наступят мир и тишина.

Так думали не только они, возмужавшие в суровую военную пору и лишь недавно надевшие курсантскую форму. Но судьба распорядилась иначе. Через несколько месяцев младший лейтенант Владимир Прудко лежал с четырьмя бойцами в засаде у Сапожинских хуторов и наблюдал, как на противоположном берегу заросшей камышом речушке спускается от ветряка

банда Деркача.

Он уже привык к ответственности, каждый раз ложившейся на плечи в подобных случаях. Привык к сосредоточенным, ожидающим взглядам товарищей: решай, командир! Решай быстро, за считанные секунды, а главное, безошибочно. Вот и сейчас: промедлишь с приказом, и этих мгновений хватит «провидныку», чтобы уйти со своими головорезами за поросший кустарником холм и ворваться в ближайшее село, где люди готовятся выйти в поле и провожают детей в школу. А на что способна банда, ты, командир, знаешь уже очень хорошо. Так что ни к чему подсчеты – их вон сколько, а нас всего пятеро...

– Огонь!

Дружно ударили оба пулемета оперативной группы, в их глуховатый стук вплелись резкие очереди ППШ. На той стороне пронзительно заржала раненая лошадь, над болотом послышались крики и стоны, несшиеся вперемешку с бранью.

Напрасно метался, размахивая «шмайсером» Деркач среди своих растерявшихся «друзив». Бандитам казалось, что огненные струи хлещут со всех сторон и против них действует крупное подразделение. Ненадолго хватило и самого «пана провидныка»: когда пули взбили облачко пыли у ног его коня, «отаман» припал к гриве и, не оглядываясь, драпанул к лесу, темневшему у горизонта.

Медленно таял в чистом утреннем воздухе горьковатый пороховой дым. Неярко поблескивала на осеннем солнце золотистая россыпь гильз. Задумчиво поглаживая нагревшийся кожух автомата, Прудко в который раз вспомнил майский вечер, расцвеченный победным салютом.

Нет, не стали для него те выстрелы последними. Уже не раз смотрел смерти в глаза здесь, на Ровенщине, где еще прятались по лесам головорезы, громко именовавшие себя «Украинской повстанческой армией». Не раз приходилось в гневе сжимать кулаки над телами павших товарищей, слышать прощальные залпы над свежими могилами.

Трудно привыкнуть к мысли, что тебя могут ранить, могут убить, когда закончилась война и твои одногодки шумной толпой идут на заводы и в институты, кружатся в вальсе на веселых вечерах. Но Прудко было известно то короткое и жесткое слово, которое отметало все сомнения и сожаления, оставляя в жизни место лишь для самого главного: «Надо!».

Если бы действительно существовала фантастическая машина времени, которая возвратила бы его в самое начало, в тревожный октябрь сорок четвертого, он бы снова не отступил от своего решения. Молодой рабочий-железнодорожник Владимир Прудко тогда стал чекистом – в органы госбезопасности его рекомендовал Синельниковский райком комсомола, что на Дне-

пропетровщине. Да и сейчас, уже зная, насколько трудна и опасна эта работа, он ответил бы точно так же:

— Согласен!

Ему пришлось немало хлебнуть из солдатской чаши. Короткие, но ожесточенные стычки с бандитами, сменялись долгими, изнуряющими часами в засадах — под знойным небом, в унылое ненастье или трескучий мороз. Не всегда чекистам сопутствовал успех, но они умели извлекать пользу и из неудач. Все эти напряженные дни и ночи в конце концов сплавлялись в зерна опыта, который помогал в каждом деле. А в том, которое навсегда врезалось в память Прудко, опыт требовался особенно.

В селе Лопавше создавали колхоз. На сход собрались в самой просторной хате, и все-таки в ней, как говорится, не было где яблоку упасть. Тусклый свет копилки и керосиновых ламп выхватывал из облака табачного дыма обветренные крестьянские лица, десятки глаз, обращенных к покрытому кумачовой скатертью столу.

Простые и понятные каждому слова представителя райкома партии были сказаны не впустую. Когда пришло время голосовать за создание колхоза, над рядами взметнулись мозолистые хлеборобские руки — одна, вторая, третья...

А через несколько дней в село ворвались «самостийники». Их злодеяния потрясли всю округу. Банди-

ты отрубили правую руку тем, кто первым проголосовал за новую жизнь и написал заявления в колхоз.

Чекисты поклялись мученикам и всем их односельчанам, что головорезы будут схвачены и получают по заслугам. Но для этого необходимо было решить задачу со многими неизвестными. Пока же не удалось еще заполучить особых примет ночных «гостей».

Вот тут-то он и пригодился, по крупицам собранный опыт. Тщательный анализ вели и здесь, на месте, и в районном и областном управлении госбезопасности.

Исключительная жестокость расправы наводила на мысль, что это скорее всего дело рук СБ – бандеровской службы безопасности, которая была создана и действовала по образу и подобию своей гитлеровской «тезки». Некоторые косвенные улики совпадали с почерком эсбистской боевки, которую возглавлял отпетый бандюга Щит. Недавно он поплатился головой за свои черные дела. Не исключено, что у него появился преемник. Придя в себя после потери вожака, боевка снова взялась за свое и может наделать еще немало бед. Так кто же теперь вместо Щита, сколько у него людей и где они прячутся? Над ответом на все эти вопросы кропотливо, проводя бессонные ночи, работали чекисты Демидовского райотдела во главе с опытным оперативным работником капитаном Степаном Григорьевичем Гненюком, чекистами из управления. С этой же задачей оперативная группа Прудко ушла в Хрен-

никовский лес.

Массив этот весьма обширный, а эсбистские боевки, как правило, намного меньше обычных банд и ведут себя с удвоенной осторожностью. Рассчитывать на пощаду мастерам заплечных дел не приходилось, слишком много преступлений было на их совести.

Словом, задание напоминало пресловутую поговорку об иголке в стоге сена. Но с существенной поправкой: искать эту иголку чекистам помогало много людей. Вначале это были местные активисты, бойцы отрядов самообороны. А затем, когда зона поиска сузилась, произошло неожиданное.

Над просекой сеялась надоедливая, по-осеннему холодная изморозь, с голых веток срывались и шлепали о землю тяжелые капли. Усталые, промокшие до нитки чекисты расположились на короткий привал. Вдруг из-за деревьев показалась сгорбленная фигура с натянутым на голову мешком – так местные сельчане прячутся от дождя.

Старик, который вел на веревке корову, нерешительно остановился на поляне и оглянулся. Гненюк понял его и отошел к густому орешнику, затененному могучими кронами деревьев. Здесь их трудно было заметить недоброму глазу. К тому же бойцы, разобрав оружие, быстро рассредоточились в охране.

Лишь после этого незнакомец заговорил:

– А я вас узнал, товарищ начальник, вы в нашем се-

ле в прошлую субботу были... Уже третий день за вами хожу. Хочу кое-что рассказать...

Он еще раз оглянулся и торопливо зашептал:

– Есть у меня одно соображение. Помните, вы обещали разыскать тех сокирников, что людей в Лопавше покалечили? Сдается мне, должен вас заинтересовать один пришелец – все к нашему селу стежку топчет. Чужой человек, я здешних знаю. Приходите вечером, покажу ту тропу, которой он крадется.

Гненюк крепко пожал мокрую, замерзшую руку старика:

– Спасибо, батько! И будьте осторожны – они тоже не дремлют. В случае чего можете на нас рассчитывать.

– Не про меня речь, я свое уже отжил, – отмахнулся тот. – Постарайтесь лучше, чтобы им сполна наши слезы отлились, чтобы не затуманивали выродки свет людям!

«Человечка» взяли в следующую же ночь, устроив засаду на его постоянном маршруте. Были приняты особые меры предосторожности. Если лесной пришелец связан с эсбистами, лишний шум поставит на грань провала всю операцию. Боевка затаится по лесным схронам.

Захват был проведен чисто, однако начало допроса сразу же озадачило чекистов. Еще не старый, но весь какой-то помятый и равнодушный человек и не думал запыраться, отрицать свою принадлежность к банде.

Он лишь устало бросил:

– Оттуда я... из леса. И кончайте скорее, мне теперь все равно.

– С концом успеется, – возразили проводившие с ним беседу чекисты Журавлев, Гненюк и Прудко. – А вот рассказать кое-что придется. Кстати, почему это вам «все равно»?

– Почему? А вы видели, как детей живьем в огонь бросают? Как штыками в живот беременной женщине? А я видел. Не первый день смерти ищу. Не хочу, да и не могу на то глядеть.

– Так что же мешает вам выйти из банды? Вон сколько ваших с повинной пришло, и Советская власть их простила. Вы тоже могли бы честным человеком стать, к настоящей жизни вернуться.

– Я, может, и стал бы. Только тогда вся моя семья трупами стала бы, это точно. Дунай шутить не любит, а у меня трое детей.

Вот это и была ниточка, показавшаяся из запутанного клубка. Догадки подтвердились: преступление в Лопавше, действительно, совершила боевка Щита, которую теперь возглавил его заместитель Дунай. Кроме него, в боевке было еще двое таких же жестоких и хладнокровных изуверов да еще этот селянин, которого бандиты держали возле себя для хозяйственных нужд – «господарчим», угрожая в случае побега «расчитаться» с его семьей.

Кончик был, но слишком уж тонкий и непрочный. Ведь если «господарчий» не вернется обратно в схрон, это чревато многими и многими осложнениями. Допустим, его семью удастся вывести из-под удара. Но тогда Дунай уже наверняка закопается в самую глубокую нору, и поиски затянутся еще не на один месяц. А что, если...

Возникшая у чекистов идея была заманчива, но полной уверенности в успехе не вселяла.

– Давайте говорить начистоту, – было предложено арестованному. – То, что вы сейчас проклинаете Дуная, ничего ровным счетом не меняет. Возможно, он где-нибудь сейчас убивает таких же детей, как ваши. Помогите нам делом – и если говорите правду, смоете черное пятно со своей совести. Только предупреждаем: торговаться не будем. Последнее слово остается за судом, он учтет вашу помощь. Не имеете на руках крови – сможете стать человеком. Если же... В общем, скрываться вместе с Дунаем не советуем – от народа не упрячетесь нигде. Да и от себя самого тоже.

Чекисты, безусловно, рисковали. Ведь пойманный мог просто умело прикидываться обманутым и запуганным, а на самом деле лишь выжидал момент, чтобы задать стрекача. Что ж, в таком случае он мог рассказать своему атаману немного. Допрос был устроен так, что «господарчий» не мог установить численность группы, да и вообще никого, кроме упомянутых чеки-

стов, не видел в лицо. Зато если он говорит искренне, его раскаяние выводило кратчайшим путем на схрон Дуная.

Все это были разумные и убедительные аргументы, только и они не облегчали тяжесть ответственности, которую брали на себя чекисты. Честно говоря, принимать такое решение оказалось ничуть не легче, чем, скажем, лежать на открытой местности под плотным вражеским огнем.

Увидев первую из отметин – царапину на сосновом стволе, Прудко ощутил, как с него спадает огромное напряжение. Конечно, главное было еще впереди, но и уже достигнутый результат не мог не радовать: «господарчий» старается оправдать доверие чекистов.

Только острый, наблюдательный глаз мог заметить эти редкие, не каждый день остававшиеся сигналы. И лишь посвященным был доступен смысл осторожно надломленных сучьев, пометок на глухих лесных тропах. На прямую связь с «господарчим» выходили лишь несколько раз, в случае необходимости и с чрезвычайными мерами предосторожности. Выручало то, что ему приходилось время от времени отлучаться в окрестные села на заготовку продуктов.

В одну из таких встреч он сообщил: готовясь к зиме, бандиты собираются оборудовать новый схрон. Тогда и был окончательно определен день их захвата.

...Дунай остался доволен местом будущего бунке-

ра. Оно было диким и безлюдным, удаленным от населенных пунктов и дорог. Подступы к нему прикрывал непролазный кустарник, и это обеспечивало дополнительные преимущества – подобраться сюда незамеченным практически было невозможно.

Не догадывались эсбисты лишь об одном – что эта лощина была выбрана «господарчим» по указанию поисково-разведывательной группы. Чекистов она также вполне устраивала. Кустарник был отличным местом засады, а если Дунаю с подручными каким-то образом и удастся ускользнуть, продираться сквозь колючие заросли будет очень непросто.

Лежа на прибитой заморозками жесткой траве, оперативная группа явственно слышала надсадное дыхание бандитов. Они орудовали лопатами буквально в нескольких шагах.

Работа Дунаю, Вуйку и Мильку – чекисты теперь уже знали их клички – выпала не из легких. Копали в темноте, постепенно расширяя ход от лаза во влажной и вязкой почве. Атаман торопил своих подчиненных: ведь до рассвета надо было еще унести и где-нибудь незаметно спрятать вынутую землю.

Шли часы, сквозь набухшую плащ-палатку все ощутимее проникал холод. Прудко мысленно посочувствовал товарищам, которые тоже затаились вокруг лощины. Все они, правда, люди выносливые и закаленные, побывавшие во всяких переделках. Да и ему самому

редко выпадал в жизни хотя бы относительный комфорт – даже на «гражданке». К примеру, в эвакуации, в Атбасарском депо, куда пятнадцати лет пришел учеником слесаря. Металл там примерзал так, что греться приходилось в еще не остывших топках паровозов. В них же нередко и ночевали. И на паровозе работа не была раем. Перекидаешь за рейс не одну тонну угля, в лицо из топки жар, а в мокрую спину из окошка – ледяной степной ветер...

Нить воспоминаний прервал хриплый голос Дуная в предрассветной тишине:

– Кончай, хлопцы, на сегодня хватит. Нам еще для активистов надо силы сберечь. Слишком уж они что-то в последнее время разактивничались. Не мешало бы им крылышки снова подрезать, хе-хе-хе!

И сразу же напомнил о себе «господарчий»:

– Я тут первачка доброго раздобыл, с холоду в самый раз на душу пойдет.

– Ужин с музыкой – это дело! Ты, друже, не тужи, завтра одну лавочку в селе тряхнем. Тогда найдется у тебя к первачку и еще кое-что!

«Ужин с музыкой» был также предусмотрен планом операции. Вскоре из лощины донесся дружный храп.

То ли после щедрой выпивки, то ли из-за усталости Дунай даже не выставил часового. Но пожалел об этом слишком поздно. На бандитов навалились крепкие люди, заломили им за спину руки. Вместе с резким светом

фонариков, ударившим в глаза, прозвучало властное:

– Встать

Налитым кровью взглядом Дунай покосился на «господарчего», молча стоявшего в стороне, и все понял...

...Почетному чекисту подполковнику в отставке Владимиру Матвеевичу Прудко часто приходится выступать перед молодыми работниками органов госбезопасности. Возвращаясь мыслями к тем далеким годам, к нелегкой своей юности, он вспоминает не только за-сады, погони и перестрелки, хоть и этого щедро отме-рила ему судьба. Есть и иной итог прожитого и прой-денного – радость от того, что удалось многим таким, как «господарчий», помочь вернуться к родным оча-гам, оградить невидимым щитом тех людей, на кото-рых расставляли свои сети лесные вовкулаки и их при-служники.

Вот и эта встреча на утренней ровенской улице...

Николай Каминский

РАЗГАДАННЫЙ ШИФР

– Товарищ майор! Прибыл нарочный из Ковеля. Срочный пакет, – доложил Журавлеву дежурный.

Столь раннему визиту посыльного из соседней области Николай Андреевич не удивился, ибо не впервые обменивались оперативной информацией ровенские и волынские чекисты. На этот раз донесение касалось лично его. Пробежав глазами исписанный лист бумаги, Николай Андреевич узнал, что в одном из бандеровских бункеров найдены документы, и среди них – список «акций», запланированных на ближайшее время. В числе самых важных – убийство его, майора Журавлева, начальника Клеванского райотдела МГБ, «опаснейшего противника ОУН».

Эти последние слова должны были внушить понимание особой важности задания организатору его исполнения некому Стэлу, состоявшему во главе надрайонного провода националистов. Их ярости не было предела, ибо это он, Журавлев, неведь как разгадывал и упреждал замыслы бандеровцев. Вот и на днях взял на месте, без единого выстрела, всех боевиков, пробравшихся в сельсовет на встречу избирателей Грабовских хуторов с кандидатом в депутаты Вер-

ховного Совета УССР, секретарем обкома партии Дмитрием Гавриловичем Гапием...

Николай Андреевич положил сообщение в сейф и впервые за несколько дней как-то расслабился, улыбнулся самому себе. Еще бы! Ведь пока бандиты будут охотиться за ним, меньше будет других жертв, меньше прольется крови. Сколько раз он ловил себя на мысли – если нужно было бы отдать свою жизнь, чтобы в одно мгновение исчезло с лица земли оуновское отродье, он сделал бы это не задумываясь.

Эти раздумья начальника райотдела прервал легкий скрип двери. Она отворилась, и кабинет наполнился запахами прелых листьев и пороховой гари. Татаркин, догадался Журавлев. А догадаться было нетрудно: парторг райотдела старший лейтенант Иван Татаркин чаще других ходил в засаду.

– Какие новости, Иван Евдокимович? – не отворачиваясь от окна, спросил Журавлев.

– Есть, Николай Андреевич, интересные сведения. Из Белева. Филимон Якимчук – я вам о нем докладывал, это тот самый, который в прошлый раз нам помог, – заметил, что из его колодца какие-то люди носили воду в Диковский лес. Николай Гаврильчук увидел следы своей повозки, тоже ведущие в этот лес. Кстати, повозку у него отобрали ночью те преступники, которые ограбили мельницу...

– А как он узнал, что это следы его повозки?

– Я интересовался. «У мэна, – говорит, – букса в ливому колэси розбыта, и колэсо йдэ з выхылясом...» Татаркин, совсем еще недавно, год назад, уточнявший значение малопонятных украинских слов, теперь не только объяснялся в селах по-украински, но и с каким-то наслаждением, слово в слово, передавал услышанное от крестьян Николаю Андреевичу. А тот слушал внимательно, выстраивал в цепочку факты, искал связь между ними.

– Значит, весь помол отвезли в Диковский лес? Так это же на зиму хлеба на полтора десятка человек. Выходит, там решила обосноваться какая-то банда, – произнес вслух Николай Андреевич, а сам подумал: «Не Стэля ли это?»

– Похоже, что не решила, а уже обосновалась, – уверенно ответил Татаркин.

У него давно был на подозрении священник Сибиковский, имевший приход в тех местах. Уж очень он заискивал перед чекистами. А как-то даже шепнул, что ему одна женщина на исповеди призналась, будто у нее во дворе укрывается бандит. Проверили. Точно – скрывается. Но он сам ушел из банды и никак не мог решиться выйти с повинной. Его-то и надумали бандеровцы убрать руками чекистов, а заодно и расположить Татаркина к Сибиковскому. Видно, не случайно на прошлой неделе Сибиковский показал сорванную антисоветскую листовку: «Вот видите, гражданин лейте-

нант, что против власти расклеивают...»

— А о Диковском лесе он не сказал ни слова. Значит, банда там, а Сибиковский — ее глаза и уши...

Но где ее искать? Лесной массив занимает несколько десятков квадратных километров. Чтобы ощупать каждый метр и обнаружить схроны — нечего и думать. Помогла удача: возле Клевани удалось обнаружить бункер и взять засевших в нем бандитов. Здесь, в бункере, была найдена отпечатанная на машинке информация о том, как ведется наблюдение за поисковыми группами чекистов. Бандеровские пособники указывали своим «зверхнякам» точное время выхода группы из райцентра, во главе с кем и в каком направлении они движутся.

Находка ценная. Майор Журавлев обрадовался: значит, главное сейчас — обвести вокруг пальца бандеровских связных. Принял решение посылать группы прежними маршрутами во главе с известными бандитам сотрудниками райотдела. А на противоположной стороне леса собрать усиленную боевую группу. Заметят? Замаскировать бойцов под лесорубов. Снабдить их пилами и топорами, оружие припрятать. Пусть неделю поработают в лесу. Руководство группой поручить следователю Шалаеву — он работник новый, его никто в лицо еще не знает. Главное, если не удастся обнаружить всю банду сразу или взять кого-либо живым, нужно позволить хоть одному из бандитов уйти, чтобы со-

бака по его следу привела в логово...

Таков был план операции Журавлева. Началась она с наступлением темноты. Группа Татаркина скрытно расположилась на восточной окраине изрытой глубокими пропастями оврагов густой чащобы сосняка и граба, а «лесозаготовители» Шалаева пошли в обход хуторов, прилегающих к лесу с юга. Осенние сумерки быстро окутали все вокруг. И вдруг возле хаты, испуганно жавшейся к темной стене леса, послышался какой-то шум, треск кустарника и топот убежавших людей. Идущие впереди с Шалаевым «лесорубы» мгновенно бросились туда и возле скамеечки под деревом увидели несколько испуганных девушек. Рядом со скамейкой – какие-то мешки, с чем-то, видать, тяжелым, потому что убежавшие не успели их оттащить. Из короткого разговора Шалаев узнал, что здесь только-что были двое бандеровцев – агитировали хуторских девчат за «самостийну Украину», но, почувяв приближение группы людей, бросили все и побежали через вспаханное поле в лес. Шалаев вынул ракетницу. Зашипела ракета, озаряя все вокруг. По лохматой зяби спотыкались два силуэта. Посланные вдогонку пули сразили одного беглеца, второго проглотила густая темень леса...

– Всем отдыхать, – распорядился подоспевший со своей группой Татаркин. Ведь впереди предстояла трудная работа. Татаркин, не теряя времени, осмотрел следы, оставленные сбежавшим бандеровцем.

— Фуражка, — вдруг воскликнул он. — Давайте собаку! Обнюхав запятнанную кровью находку, серая овчарка быстро взяла след. За ней устремились проводник собаки и Татаркин. Пробежав километра три, с трудом спустившись вниз по крутому склону оврага, начали карабкаться вверх. Вдруг что-то блеснуло зеленым перламутром. Татаркин нагнулся. Ножик. Новенький, без следов ржавчины. Наверно, потерял его убежавший бандит. Значит, идут по верному следу. Ищейка тянула вверх. Тяжело дыша, цепляясь за кусты, защищая глаза от сучьев, торчащих сухих веток, взобрались они по крутому, высотой с пятиэтажный дом, склону оврага. Овчарка остановилась, обнюхала замаскированные травой объедки яблок, картофельную кожуру. По стволу стоявшей рядом сосны тянулся провод и уходил между корнями в землю. Стало ясно, что они находятся над схроном. Что делать?

— Лети за группой. А я жду вас здесь, — прошептал Татаркин проводнику собаки.

Иван Евдокимович отошел немного в сторону, стал за стволом дерева, выглянул и увидел, как медленно поднимается крышка люка...

— Первое отделение — стоять на месте! Второе отделение — обходи справа! — громким и уверенным голосом скомандовал Татаркин, а сам подумал: «А что, если из бункера есть запасной выход?» Люк закрылся, и Татаркин, имитируя передвижение группы людей,

перебежал из одного места в другое, сильно и часто топая ногами, а потом тихонько вернулся на прежнее место и снова начал командовать:

– Приготовить гранаты. Пулемет ко мне!

И снова, отбежав в сторону, затопал сапогами, не спуская глаз с места, где был расположен люк бункера. Вот он приоткрылся, и из образовавшейся щели вылетела граната. Татаркин дал очередь из автомата по люку и крикнул:

– Не стрелять! Брать живыми!

Но бандиты сдаваться не собирались и все выбрасывали и выбрасывали гранаты из уже совсем открытого люка. Татаркин же продолжал командовать своим несуществующим взводом, пока не подоспели товарищи... Но бандеровцы наверх не вышли, понимали – на их руках столько крови, что прощения им не будет. Внизу слышались выстрелы...

Прибывший с резервной группой Журавлев тут же допросил Черта – единственного из оставшихся в живых, не добитого своими же боевиками, которому Стэля – вон тот, с выпученными, словно стеклянными, глазами – поручил убить его, Журавлева.

– Я Журавлев. Ты хотел убить меня, а я вот спасаю тебе жизнь. Тебя будут лечить врачи, – он говорил спокойным и ровным голосом. – А где остальные? Где схроны? Ведь найдем, рано или поздно. Но зачем же лишние жертвы? Подумай...

– Хлеб он там, – показал Черт на противоположный склон оврага и потерял сознание. «Галя... Христя», – зашептал. Очнулся Черт после того, как плеснули ему в лицо принесенной из хуторского колодца воды.

– Где Христя? – сразу же спросил Журавлев.

– Так вона ж з Галею була...

Больше Черт не смог сказать ни слова, как ни старались привести его в сознание. Приказав отправить раненого в госпиталь, Журавлев распорядился внимательно осмотреть местность. Бункер с провизией, с мешками недавно украденной на мельнице муки нашли быстро. Но где же остальная банда? Ведь запаса харчей на зиму – на человек пятнадцать, а было в схроне восемь.

Участники операции расходились от бункера кругом, тщательно осматривая все на каждом шагу.

И вот удача – один из чекистов заметил куст, покрытый вроде бы испариной, тогда как все вокруг было сухое. Журавлев догадался – это от пара, застывшего в холодное октябрьское утро. А тепло ясно откуда – снизу, из-под земли...

В бункере было еще шесть оуновцев во главе с районным проводником. Не желая попасть в руки правосудия и оставлять живыми свидетелей, он расстрелял своих сообщниц – упомянутых Чертом Галю и Христю. Здесь, в этом бункере, изготовлялись и листовки. Точно такие же прокламации были и в мешках, брошенных

вчера бандеровскими «агитаторами». Их же расклеивали прихожанки Сибиковского.

Шурша упавшими, еще свежими листьями, участники операции пересекли лес, вышли на его северную окраину и, сделав несколько спусков в долины и подъемов на взгорья, подошли к Сморжевским хуторам. На холмах и склонах ютились убогие срубы под соломой, почерневшей от древности и от высохшего мха, обильно росшего на крышах. А кое-где – пепелища, следы кровавого разгула бандеровцев. Отсюда в Клевань рукой подать – километра два...

Недавно Николай Андреевич опять побывал здесь, на земле, которую сорок лет назад всю исходил и изъездил вдоль и поперек, ночью и днем. Нет больше нищенских хуторов. На их месте поднялось село Заря, известное в стране. Да и не только в нашей... На международной выставке в Монреале экспонировался генеральный план его застройки. Красавец Дворец культуры с школой искусств, современная школа с бассейном, асфальтированные улицы, многоэтажные, красиво облицованные дома. А в них газ и горячая вода. Вокруг парк и каскад прудов. За селом – заводские корпуса. Все – как и должно быть в большом, чистом, красивом современном городе. Но это не город – это одно из сел ордена Трудового Красного Знамени колхоза «Заря коммунизма».

А какое страшное будущее рисовали местным селя-

нам националисты, чем только не запугивали, лишь бы отвернуть их от Советской власти. Старались изо всех сил, ибо «работали» под рукой Клим Савура – того самого, который, присвоив себе чин полковника, командовал на Волыни подразделениями пресловутой УПА (Украинской повстанческой армии) и от имени ОУН в селе Деражное (это немного на север от Клевани) подписал в начале 1944 года вместе с полковником войск СС Шифельдом договор о совместной борьбе против советских партизан и наступающей Красной Армии. Правда, «войско» Савура, услышав приближающийся гул артиллерийской канонады, разбежалось кто куда, а вскоре молоденький чекист лейтенант Шатяев, еще не сильно разбираясь в бандеровских чинах, выволоч за шиворот и бездыханного пана командующего из «крывки» возле села Оржев. Но разных «зверхныкив» тогда осталось еще немало, а их нужно было вырывать из земли, как сорную траву.

И Журавлев вырывал. Прибыв в Клевани на должность начальника райотдела МГБ из армейской контрразведки «Смерш» («Смерть шпионам»), решительно взялся за дело. Человеком он оказался хватким, обладая большой проницательностью, интуицией и наблюдательностью, руководителем был смелым, решительным, настойчивым в достижении цели. «Это мудрый, твердый во взглядах и суждениях офицер» – так позже скажет о нем его боевой соратник П. Ф. Лубенников.

Но вначале всех сотрудников поразила его улыбка — стеснительная, мягкая, хотя по фигуре вроде суров и тяжел. А ведь таков он и есть — добрый и чуткий к честным людям и беспощадный к врагам.

Память о тех уже далеких годах привела его еще раз в ставшие ему навек родными места, где пролита кровь его товарищей, где многие годы его самого поджидала смертельная опасность. Вот коричневое здание железнодорожного вокзала в Клевани. Здесь его с семьей встретил Татаркин и отвез к месту службы. Вот бывшее здание райотдела, балкон на втором этаже. Именно здесь, на балконе, должен был убить его, Журавлева, Черт очередью из автомата. А вот дворик дома, где жил с семьей.

Только слышно — на улице где-то
Одинокая бродит гармонь...

Эту песню каждый раз он пел, подыгрывая на баяне, когда во время отдыха собирались семьями. Вспоминалось родное село Поповка в приднепровской степи. Здесь он вступил в комсомол, здесь был в школе комсомольским вожаком. При нем школьная комсомольская организация выросла за два года с семи до ста членов! Отсюда он пошел в институт, из института — добровольцем в Красную Армию. В 1939 году стал членом ВКП(б) и чекистом.

Но в дворике, в этом доме тогда песни пелись редко. Дом был как бы продолжением служебного кабинета. Здесь, оставаясь наедине, Николай Андреевич обдумывал детали операций. Особенно тщательно разрабатывалась им одна из них, конечной целью которой была ликвидация Смока – карателя и садиста, премника Клим Савура. Николай Андреевич тогда уже работал в управлении заместителем начальника отдела по борьбе с бандитизмом и одновременно исполнял обязанности начальника Острожецкого райотдела МГБ. Но еще в Клевани он собрал обширную информацию о том, что на стыке Клеванского и Острожецкого районов, где-то вблизи сел Суховцы и Петушки, укрывается группа главарей из «краевого провода» ОУН и при них находится типография.

Прибыв в Острожец, начал с изучения возможных путей передвижения ночью бандитов в этом месте. Лично инструктировал каждого участника поисковых групп.

И вот бессонная ночь позади. Для руководителя краевого провода ОУН Смока с его охраной, главаря районного провода Ярошенко с тринадцатью боевиками она оказалась последней. Обнаружили и типографию, оборудованную в подzemелье.

Недобитые главари ушли, затаились в глубоком подполье. Теперь для них главным было – выжить, продержаться до лучших времен. Они все надеялись,

что их новые хозяева вот-вот развяжут войну против СССР. Поэтому деятельность оуновцев сводилась прежде всего к обеспечению глубокой конспирации. Явки, пароли, секретные шифры – все это взяли на вооружение. Не расставались и с привычным обрезом. И направляли его не только против честных советских людей, но и против тех из своих, которых втянули в банды под угрозой расправы и которые пытались эти банды покинуть.

Н. А. Журавлев хорошо понимал моральное состояние этих людей. А их было немало, и их нужно было спасать. Нужно было доказать им, что Советская власть не считает их, обманутых, своими главными врагами, что наибольшая ответственность лежит на главарях. И Журавлев внушал каждому оперативному работнику задачу о необходимости использовать стремление таких людей искупить вину перед Советской властью. Они, эти люди, как правило, были у бандеровцев на вторых ролях и их еще не успели вовлечь в кровавые акции. Одним из таких оказался Кучер, захваченный И. Е. Татаркиным и принявший активное участие в захвате Назара – шефа связи краевого провода ОУН.

А было это так. После ликвидации руководителя краевого провода ОУН Смока его пост занял не менее опасный головорез, переброшенный из-за границы. Начальником его охраны по-прежнему оставался

смоковский эсбист, он же шеф связи краевого провода Назар, знавший места укрытия не только нового главы-ря, но и руководителей окружных и надрайонных проводов ОУН. Нужно было во что бы то ни стало взять Назара живым и уже через него нанести разгромный удар по всем руководящим звеньям ОУН на Ровенщине.

Но где и как искать его? Чтобы ответить на этот вопрос, необходимо было проникнуть в канал связи Назара. Но как? Может, начать с изучения документов, найденных в последнее время в бандеровских схронах? В разгар этой работы в соседнем с Ровенской областью Луцком районе был вскрыт бункер Дубового – руководителя окружного провода, а в нем уцелело много тайнописи. Не теряя ни минуты, Журавлев выехал в Луцк. С ним майор Брушковский, опытейший дешифровальщик.

Игра, а вернее – борьба умов, началась.

Страницу за страницей просматривали чекисты. Цифры, ничего не значащие слова, цифры. Привлекла внимание строка: «1/52/5. 1/3, 6/2, 2/6, 1/2, 4/2; 1/2, в селе 3/6, 1/2, 1/1, 3/2, 3/1, 2/3...»

Итак, «в селе». Что может быть в селе? Главарь банды? Вряд ли. Скорее всего какая-то служба – информатор, связной. Стоит начать с этой группы цифр...

Ключом к шифру оказалась националистическая брошюра, точнее, ее третья страница. И вот, наконец,

разгадка: «Первый дом на правой стороне, идя дорогой из села. Новый дом стоит вдоль дороги окнами на север и восток. Других построек нет. В доме отец, мать, девушка 18 лет и хлопец 25 лет. Пароль:

– Продайте мне красных помидор.

– Мы сажали только капусту...»

Дальше – обгорелое место, но на уцелевшем клочке осталось зашифрованным самое главное – название села: Новостав-Дальний Клеванского района.

Выезд на место по указанному в шифровке адресу подтвердил тайну бандеровского блокнота. Хозяином дома был Зарудный, в отношении которого у чекистов уже имелись данные о связях с бандитами.

Через несколько дней, восьмого сентября, проинструктированный Журавлевым, в дом Зарудного явился Кучер.

– Добрыдень, люды добри. Чы нэ продастэ мэни чэрвоных поми-дорив?

– Та мы садылы тилькы капусту, – откликнулась дочь Зарудного Нина.

Итак, первый шаг сделан. Но когда «курьер» завел речь о почте, то оказалось: он должен не забрать ее, а принести на пункт связи. Ничем не выдав себя, Кучер ответил Нине, что почту ему приказано вручить человеку, сообщившему ей пароль.

– Но его сегодня не будет. Придет через неделю. Значит, Назар. Его пункт связи...

Кучер пообещал навеститься 16 сентября. Но в этот день Назар почему-то на связь не вышел. Кучер начал «возмущаться».

– Не было сегодня – будет 26-го, – успокоила Нина. Кучер ушел. Так же скрытно, как и расположились, никем не замеченные ушли и чекистские группы.

Журавлев задумался: стоит ли посылать еще раз Кучера? Не насторожит ли такая его настырность бандитов? Лучше усыпить их бдительность...

26-го Кучер на явку не явился.

1 октября вместо него Нина Зарудная увидела женщину. Обменялись паролями. Женщина сообщила, что Петро (так Кучер представился Нине) болен, но скоро поправится и придет тогда, когда назначит Нина. Не мешкая она села писать записку: «Друже Петро! На обусловленное число приходили друзья и очень долго ждали Вас. Через два дня снова приходили и прямо не могли себе представить, почему Вас не было. Теперь прошу Вас, др. П., прибудьте ко мне 8.X. Тогда же встреча. Нина».

Теперь Журавлев не сомневался: бандиты выйдут на связь обязательно, и готовиться к этой встрече нужно тщательно. План операции отрабатывался до мелочей. Участники операции скрытно побывали в районе дома Зарудного, каждый из них уже четко представлял, где ему надлежало быть, видел возможные варианты своих действий и взаимодействия с товарища-

ми. Детально разрабатывался сам момент захвата Назара. Около месяца проводились тренировочные занятия, учились даже таким мелочам, как бесшумное спрыгивание с повозки. На роль повозочного, который вместе с Кучером должен брать Назара, выбрали сержанта Спиридонова – оказалось, что у него реакция быстрее, чем у других.

– Удар должен быть сильным, но не смертельным, – поучал его Журавлев. И тут же давал разъяснения Кучеру...

И вот настал долгожданный день.

8 октября 1950 года в 21 час 30 минут на Новостав-Дальний из села Большой Шпаков выехала простая крестьянская повозка с сельскими «дядьками» – Кучером, сержантом Спиридоновым, лейтенантом Ильяшом, капитаном Вишняковым и рядовым Варнаком.

– Ну, вйо, холера б тэбэ брала, нияк нэ тягнэ, – громко покрикивал Кучер, подъезжая со Спиридоновым ко двору Зарудного. Остальные «пассажиры» сошли немного раньше и, обутые в тапочки, тихо подползли к дому. Бандиты Назар и Чумак уже находились в нем, а Володько стоял «на чатах». Услышав стук колес, оба бандеровца вышли из хаты и удалились за угол дома. К повозке приблизилась Нина. Чтобы не заходить в дом, ибо в этом случае выполнение главной задачи операции будет почти невозможным, Кучер злым шепотом

начал обвинять девушку в том, что она, наверное, привела «ястребков» и они теперь его поджидают, но он, Кучер, ничего не боится, а ей не сдобровать.

– Да нет, – заспешила успокоить гостя Нина. – Это именно те люди.

– Если так, то пусть сюда придет только Назар.

Эту кличку Кучер впервые назвал девушке только сейчас, и на это тоже в свое время дал указание Журавлев.

Услышав свое имя, Назар в сопровождении Нины подошел к Кучеру и поздоровался.

– От кого прибыл?

– От Давида.

Давид – он же Дубовой. Услышав это, Назар с заметной поспешностью предложил передать ему привезенную почту.

– Она же прибита к доске под возом, – полушепотом ответил Кучер. – Сейчас оторву...

Он присел и начал обеими руками отрывать прибитую им же шалевку. Но она не поддавалась. Кучер кряхтел, наваливаясь изо всех сил, ибо знал, что она не оторвется – пробовал еще в Шпакове, а Журавлев даже подшучивал тогда, мол, не отругает ли тебя Назар, что ты такой слабак...

– Тогда обижусь и скажу: «Ну, то видрывайте сами, панэ Назаре».

Так и случилось. С той лишь разницей, что Наза-

ру было невтерпеж и он не стал ждать приглашения. Согнувшись, он тоже навалился на доску. В этот миг «повозочный» Спиридонов и хватил его прикладом по пояснице, а Кучер и затаившийся рядом под кустом рядовой Псков схватили и прижали Назара к земле. «На по...мощь», – захлебываясь, закричал он, но в это мгновение уже летела ракета, выпущенная лейтенантом Ильяшем, а капитан Вишняков давал очередь по бежавшим на зов своего «зверхныка» Чумаку и Володьке.

Сколько всего решилось в один миг! В него уложились, как будто спрессованные, долгие дни и бессонные ночи всех этих ребят и его, Журавлева, тоже.

Назар повел чекистов к бункерам банд курьерской линии связи Тихого, районного проводника ОУН Матвея...

Сколько раскрытых тайных схронов и ликвидированных банд на счету полковника в отставке Н. А. Журавлева.

...В одной из комнат симферопольской квартиры Николая Андреевича Журавлева, как в музее, на виду редкие вещи – офицерский кортик, золотые и серебряные часы, награды за чекистский труд. Фотография, сделанная в Кремле в ноябре 1948 года, где Николай Андреевич запечатлен с группой офицеров, отличившихся в борьбе с оуновцами. В центре фотографии – Н. М. Шверник, вручивший в этот день Журавлеву второй орден Отечественной войны. К хозяину этой

квартиры, на груди которого – знак почетного сотрудника госбезопасности, часто приходят старшеклассники Симферопольской средней школы № 11. Бывает в школе и он.

– Николай Андреевич, а вот мы читали в «Крымской правде» вашу статью. Вы упоминаете многих боевых друзей. Кем они были до того, как стали чекистами?

– Были обыкновенными ребятами, кто на пять, кто на десять лет старше вас. Многие потеряли в войну родных, близких. Но они горячо любили свою Родину и ненавидели ее врагов.

И начинался захватывающий рассказ о мужестве и героизме...

Теодор Гладков, Александр Федрицкий ПОЕДИНОК

Утреннее солнце уже румянило верхушки сосен, когда неподалеку от бункера разорвали тишину автоматные очереди, а затем гроыхнул взрыв гранаты. Медленно закружились срезанные пулями листья, и между кустами мелькнула темная фигура, спешившая в спасительный лесной полумрак. Беглец еще не знал, что вся местность взята в надежное кольцо, которое неумолимо сжимается...

А когда погасла последняя надежда и за плечами явно почувствовалось ледяное дыхание смерти, он срывающимся голосом крикнул:

– Не стреляйте! Передайте начальству: я – Далекий.

Подбежав к болоту, преследователи увидели долгового человека, полулежавшего в вязкой жиже. Он мог и не называть себя. Слишком уж хорошо, до малейших подробностей были известны его приметы чекистам. Да, это действительно был Далекий.

Корней – высокий, могучего сложения детина, вытащив бандита из зловонной тины, устало вытер вспотевший лоб:

– Конец!

И улыбнулся. Так улыбаются люди после нелегкой, но как следует, на совесть выполненной работы. Еще раз взглядевшись в ненавистное, забрызганное грязью лицо, он снова – в который раз – вспомнил убитого оуновцами отца. Вот и еще одно возмездие за эту мученическую смерть. И за сотни, тысячи других.

– Обыскать и перевязать! – приказал командир группы. – Уложите поосторожнее на телегу и не спускайте с него глаз. Других пленных к нему ни в коем случае не подсаживать. Лучше, чтобы они вообще его даже не видели.

Опустив автомат, лейтенант зашагал к лазу. Этот бункер ему предстояло осмотреть с особой тщательностью. Еще бы! Ведь здесь укрывался главарь диверсионно-террористического подполья на Ровенщине, руководитель так называемого краевого провода ОУН «Одесса», известный под бандитскими кличками Далекий, Тома, Юрий и... Богослов. Ровенские чекисты искали его уже два года.

Так была перевернута последняя страница в длительной, сложной и опасной операции по обезвреживанию этого «зверхныка». А впереди ждала не менее кропотливая работа по расследованию всех его преступлений, поиск и изучение доказательств, чтобы предъявить ему полный счет за все содеянное...

К моменту задержания Далекому было тридцать че-

тыре года. Он родился в зажиточной семье в Станиславской области. Его характер – вероломный, коварный, жестокий – формировался в Станиславской духовной семинарии, где Степан Янишевский проучился три года после окончания гимназии в Перемышле. Именно так: убийца, на совести которого смерть многих советских граждан, когда-то всерьез готовился стать священником. Отсюда и одна из его кличек – Богослов.

Воссоединение западноукраинских областей с УС-СР разрушило все расчеты Степана Янишевского на блестящую духовную карьеру. Мечтал же он о епископской митре, а вовсе не о потертой скуфье скромного сельского священника, и крушение своих надежд никогда не мог простить Советской власти.

Перед войной Янишевский, человек достаточно образованный, никак внешне не высказывая свои антисоветские взгляды, преподавал школьникам в родном селе историю. И все эти два года убежденный националист ждал своего часа, связывая его с военной мощью фашистской Германии.

Дождавшись прихода оккупантов, Янишевский направился во Львов и здесь получил от оуновского руководства распоряжение поступить на службу к гитлеровцам – помогать им в наведении на захваченной советской земле «нового порядка». Как известно, этот «порядок» должен был начинаться с физического ис-

требления десятков миллионов советских граждан нашей страны, в том числе украинцев.

Так он появился в Виннице – вскоре после того, как сюда пришли гитлеровские войска. Притих, затаился еще недавно оживленный город, и на его опустевших улицах раздавался мерный стук кованых сапог патрулей. С воем проносились закрытые машины, возившие людей в гестапо и к месту казни – на муки и смерть.

В те дни Степан Янишевский был полон оптимизма и радужных надежд на будущее: казалось, «новый порядок» открывает широкие возможности перед такими цепкими и предприимчивыми людьми, как он.

Как и до войны, бывший учитель с Прикарпатья не упускал малейшего повода, чтобы выдать себя за «щирого» украинца. Любил щеголять безукоризненным произношением – как-никак сказывалась многолетняя педагогическая практика.

Но стоило Янишевскому переступить порог дома, где размещался штаб «Украинского охранного полицейского батальона», как от этой маски не оставалось и следа. «Патриот» становился тем, кем он был на самом деле, – жестоким и властолюбивым пособником оккупантов, не знавшим ни милосердия, ни угрызений совести.

И впрямь, даже самое буйное воображение не смогло бы связать его службу со спасением неньки-Украины. Возглавляемый Омеляновичем-Павленко, недо-

битым петлюровцем, полицейский батальон записал на свой счет столько страшных дел, что ими могли бы гордиться и самые квалифицированные мастера гестаповских подвалов.

Позднее, давая показания о своей деятельности в тот период, Янишевский попытается представить себя и своих коллег по батальону такими преданными делу и не рассуждавшими служаками, которые не досыпали ночей и рисковали жизнью в борьбе со спекуляцией, ограблениями базарных ларьков и другими преступлениями сугубо криминального характера. Захлебываясь словами, он еще не будет знать, что чекисты располагают подробнейшими сведениями о структуре и функциях батальона, а также созданной на его основе уголовной полиции города Винницы. Особенно не хотелось ему признавать, в частности, тот факт, что на так называемый первый отдел были возложены исключительно карательные функции – выявление партизан и подпольщиков, партийного и советского актива с последующей передачей их в гестапо и СД, которым с декабря 1941 года был подчинен батальон.

Но это было потом. А пока Степан Янишевский тесно сотрудничает с хозяевами, носящими на фуражках черепа и эсэсовские руны в петлицах. Он твердо верит в незыблемость «нового порядка» и, как карьерист до мозга костей, боится лишь одного – медленного продвижения по службе.

Однако опасения оказались напрасными. Грамотный, энергичный, жестокий, ненавидящий все советское, Янишевский хорошо зарекомендовал себя в глазах гитлеровского начальства. Он быстро выдвинулся и после реорганизации батальона в криминальную полицию занял пост заместителя начальника, на котором прослужил свыше года. Теперь многое зависит уже и от него. К примеру, достаточно устной рекомендации господина заместителя начальника, чтобы очередной кандидат в предатели без лишних формальностей надел полицейский мундир и был зачислен на гестаповское довольствие. К Янишевскому стекались доносы изменников и полицаев об оставшихся в городе коммунистах и комсомольцах, советских активистах, семьях командиров Красной Армии, лицах, подозреваемых в связях с подпольем и партизанами. Под его руководством и при личном участии винницкие полицаи выявляли, хватали и передавали фашистам евреев.

Компания вокруг Янишевского собралась подходящая. Ближайшим его коллегой был Богдан Козак, занимавший пост инспектора (мы еще встретим его в роли душегуба под псевдо Смок). Столь же рьяно служил фашистам и человек с невыразительной внешностью, откликающийся на имя Левко. И конечно, достойное место в этом букете занимал Иван Смерека – редактор продажного листка «Вінницькі Вісті». Под статью своему супругу-мельниковцу была и Зоя Смерека – агент ги-

тлеровской разведки.

Впоследствии, не замечая убийственной иронии в своих же собственных словах, Янишевский подтвердит, что члены ОУН составляли большую часть личного состава охранного батальона и винницкой полиции. Еще одно убедительное доказательство истинной роли «борцов за самостийну Украину» в годы гитлеровской оккупации!

Рабочими буднями этого разношерстного сброда было участие в борьбе с партизанским подпольным движением, аресты и допросы, участие в облавах на мирное население. Особенно по душе им пришлись разного рода «акции», в ходе которых удавалось пронюхать, у кого еще остались ценности. Сфабриковать «дело» против их обладателя для полиции не составляло труда. Он попадал в гестапо, а ценности – в фонд ОУН, пополнение которого было поручено Смоку и Левку. Причем, как мы вскоре убедимся, щедро вознаграждались и личные труды участников акций.

И они старались. Они лезли вон из шкуры, чтобы, с одной стороны, доказать преданность третьему рейху, а с другой – не обидеть самих себя. Например, Янишевский выезжал в поселки Погребище и Ситковцы, где лично участвовал в искоренении непокорности со стороны местного населения. А проще говоря, бил, арестовывал, грабил.

Как и раньше, шефы из гестапо были довольны

его работой. Единственным, что омрачало настроение, были вести с восточного фронта. Из них явствовало, что считавшаяся безотказной и несокрушимой машина вермахта все чаще начинала работать с перебоями, а затем включала и задний ход. Завоеватели, которые еще недавно с радостной дрожью пытались рассмотреть в бинокли московские окраины, навсегда остались в заснеженных полях. Те же, кому посчастливилось избежать пули или штыка, откатывались обратно и, несмотря на все приказы и инструкции, доносили в глубокий тыл слухи о том, что удары советских войск оказались куда ощутимее, чем это изображала геббельсовская пропаганда. Пожар на востоке разгорался все сильнее, и в нем бесследно исчезали эшелоны с живой силой и техникой оккупантов, следовавшие через Винницу.

Это заметно охладило пыл Янишевского и компании. К тому же и гестапо начало искоса поглядывать на их комбинации с ценностями: лакеи брали явно больше, чем им полагалось.

Масла в огонь подлила катастрофа Паулюса под Сталинградом. Теперь уже ни у кого не оставалось сомнения, что «новый порядок» дышит на ладан. В предчувствии близких и весьма неприятных перемен оуновские заправилы начали ломать головы над поисками более или менее правдоподобного алиби. Иначе трудновато пришлось бы им объяснять рядовым членам

своей организации причины, по которым они преданно служили Гитлеру, багровевшему от злости при одном лишь упоминании об украинской государственности.

Не стала исключением и компания националистов в Виннице. В один прекрасный день зимой 1943 года здешняя уголовная полиция не досчиталась в своих и без того поредевших рядах Степана Янишевского и Богдана Козака. Они бесследно исчезли, не забыв предусмотрительно прихватить с собой чемоданы и узлы с золотыми монетами, часами, браслетами, вырванными золотыми зубами. Не оставлять же было гестаповцам это вознаграждение за свою старательную службу!

...СБ. Эти две буквы нагоняли страх даже на самих оуновцев, проливавших реки крови. По примеру такой же службы в фашистской Германии, боевики эсбистов формировались из самых отпетых головорезов после тщательной их проверки. И если Степан Янишевский вскоре после своего появления на Ровенщине был назначен руководителем провода СБ «Пивнич», то это свидетельствует о должной оценке его опыта и способностей. С одной стороны, он прошел солидную выучку в гестаповских застенках, а с другой – сотрудничество с гитлеровцами послужило первой и наиболее внушительной рекомендацией. Вынужденное бегство из Винницы роли не играло. Наоборот, такие факты были лишним козырем для главного провода ОУН, играв-

шего в оппозицию к оккупационному режиму.

Новое амплуа Янишевского мало чем отличалось от предыдущего. То, что в бандеровских документах громко именовалось разведывательной и контрразведывательной функциями, на практике сводилось все к тому же – неудержимому террору. А так же, как и раньше, к всемерной помощи гитлеровцам, фронт которых трещал и рушился под натиском Красной Армии. Плата за эти услуги была одна – снисходительность фашистов и оружие, которое обращалось против наступающих войск и мирного населения.

Никчемные людишки, всплывшие на мутном гребне военного лихолетья, они упивались безнаказанностью, неограниченной властью над жизнью и смертью стариков, женщин и детей. Эсбисты твердо усвоили один из основных гестаповских принципов и неизменно придерживались его на практике: лучше уничтожить десять невинных, чем оставить в живых одного виновного – разумеется, с их точки зрения. Приговор у них был один: смерть. За то, что радуешься освобождению из-под фашистского сапога. За то, что вышел с плугом на весеннее поле. За то, что подал заявление в колхоз и послал детей в школу. За то, что ты человек, что не идешь в лес обрастать коростой грязи и ненависти, поднимать руку на отца и брата.

Давайте же вчитаемся в эти «протоколы» СБ.

...Палащук Галина Кирилловна из села Малая Лю-

баша Костопольского района. Простая крестьянка. «Застрелена при попытке к бегству».

...Тывончук Федор Григорьевич из села Головин этого же района. Портной, просиживавший долгие вечера над шитьем, чтобы прокормить большую семью. Расстрелян.

...Нарольская Марина. Семнадцатилетний почтальон из села Казимирка тогдашнего Степанского района. Единственная дочь у матери-полесянки. Расстреляна.

Встаньте, люди! Склоните головы перед этим скорбным списком, в котором еще немало других имен, перед светлой памятью тех, кто недожил и недолюбил, не успел порадоваться мирному небу и чистому солнцу. Они пали от средневековых «закруток» и ножей, от бандитских пуль. Те пули летели и в сегодняшний наш день, и в наше грядущее, убивая еще не родившееся поколение.

Знайτε: то дело рук Далекого-Янишевского, Дибровы, Днепра, Омелька. И других черных душ, которые потом будут пытаться правдами и неправдами скрыть свое прошлое. Лишь загнанные в угол неопровержимыми доказательствами, они неохотно признавали свое участие в этой каиновой работе. Именно работе, потому даже самое изощренное убийство не считалось в их среде преступлением. Вот как обыденно говорит о деяниях своих головорезов сам Янишев-

ский: «Назвать количество советских людей, погибших от рук оуновцев в 1944 году, я не могу, потому что не вел такого учета. Но знаю, что этих жертв было много».

Позднее Далекий все-таки назовет точные, хотя и явно приуменьшенные цифры, рожденные стараниями надрайонных и подрайонных «провидников» и их подчиненных. Агонизируя вместе с «тысячелетним рейхом», его верные слуги старались унести с собой в могилу как можно больше невинных людей.

Янишевский продолжал играть не последнюю скрипку в этой кровавой возне. С апреля 1944 года он стал командующим северной группой УПА. Чаше стали его встречи со старым приятелем Смоком, который возглавлял провод «Пивдэнь», с подчиненными-эсбистами.

После каждой из таких встреч гремят из-за угла предательские выстрелы и очереди – по партийному и советскому активу, по людям, начавшим восстанавливать разрушенное войной. Пылают хаты, чудом уцелевшие после боев и фашистских карательных акций. Бандиты пытаются – правда, без особого успеха – нападать на истребительные батальоны и части, охраняющие и обслуживающие железнодорожные магистрали. Далекий действует...

Согласно оуновской терминологии, Ровенщина сначала входила в состав территории, на которой действовал так называемый центральный провод ОУН. Во второй половине 1944 года было принято реше-

ние реорганизовать структуру управления националистическим подпольем. Образовался новый провод северо-западных украинских земель (ПСУЗ), который в свою очередь разделился на два провода под шифрованными названиями «Одесса» и «Москва».

Эта реорганизация объясняется не только стремлением националистических руководителей придать горстке своих боевиков видимость солидной и хорошо законспирированной организации. В этот период крах гитлеровского режима уже был очевиден, и в лагере оуновцев началась спешная переоценка ценностей. Но при этом возникли существенные и вполне понятные трудности. ОУН уже настолько скомпрометировала себя сотрудничеством с фашистами, что напрасно было надеяться на поддержку «нового курса» со стороны многих рядовых членов организации, не говоря уже о местном населении. Не заявлять же открытым текстом, что для Украины найден более надежный и щедрый патрон, чем гитлеровская Германия!

Так родилась идея ПСУЗ – ширмы, которая должна была прикрыть настоящие намерения оуновской верхушки. Это, дескать, организация не только националистов, но и всех, кому не по душе перемены, которые принесла на западноукраинские земли Советская власть. Следовательно, о сотрудничестве с гитлеровцами, даже если в прошлом такие «эпизоды» и имели место, теперь не может быть и речи. В августе 1944 го-

да этот не слишком хитроумный замысел был реализован во время встречи оуновских руководителей, состоявшейся между селами Павловка и Соломка Александрийского, а ныне Ровенского района. Итак, вывеска изменилась, спектакль был продолжен под другим названием. Но режиссеры и действующие лица остались прежние. Краевой провод «Одесса» возглавил Верещака, уже давно набивший руку на террористических актах. А референтом СБ здесь стал Янишевский – вернулся, так сказать, к прежней специальности. В помощники ему определили другого профессионального голвореза – Омелька.

Однако Далекий сразу же недвусмысленно дал понять, что вполне может обойтись без помощников. В первом же выступлении в новом качестве он выразил самые теплые чувства к подчиненной ему службе безопасности и призвал каждого быть решительным борцом за «самостийну и соборну».

В подобных призывах недостатка не было, однако практические их результаты равнялись нулю. Проваливались самые надежные связи и явки, из банд исчезало все больше людей – одни выходили с повинной, другие просто бежали куда глаза глядят. Над оуновскими «вождями» всех рангов нависла вполне реальная угроза полной изоляции.

С нечеловеческой жестокостью вымещали бандиты свою злобу за постоянные неудачи и поражения на

мирных, ни в чем не повинных людях. Они вырезали целые семьи за то, что кто-то из родных служил в это время в Советской Армии и добивал фашистов. В одном лишь селе Салище Сарненского района по этой причине было уничтожено шесть семей – всего 26 человек, включая грудных детей и стариков.

Не надеялся Янишевский, что когда-нибудь ему придется восстанавливать в памяти эту страшную статистику, всеми силами стараясь снизить количество жертв. А оно огромно. Только с декабря 1944-го по март 1945 года по приказам Далекого было замучено около семисот советских граждан. Это признал на следствии он сам.

Тогда его не тревожила невинно пролитая кровь. Тревожило другое – растущая активность эсбистов, подчиненных ему лично и коллеге Смоку из соседнего провода. Усиливая репрессии против мирного населения, они беспощадно расправлялись и с боевиками, заподозренными в предательстве интересов «вызвольного руху». Психоз страха – так довольно точно назовет Янишевский атмосферу, царившую среди бандеровцев.

Не обременяя себя тонкостями юриспруденции, «следователи» эффективно использовали устройство, придуманное большим знатоком таких дел Смоком. Принцип его действия был предельно прост: подследственного подвешивали за руки и ноги к жерди на спе-

циальных козлах и отмеривали ему ровно столько ударов палками по пяткам и другим чувствительным местам, сколько требовалось для признания в «сотрудничестве с чекистами», подготовке покушения на руководство ОУН и всем прочем, что от него требовалось.

Дальнейшая судьба подозреваемого зависела от фантазии не менее квалифицированных судей – пуля, петля, «закрутка» или продолжение допроса до тех пор, пока жертва при всем своем желании уже ничего не могла сказать.

Изобретение действовало безотказно. Увидев его в действии, член центрального провода ОУН Лемиш имел все основания заявить, что если бы его самого допросили таким способом, то он признал бы себя не только чекистским агентом, но абиссинским негусом.

Как бы там ни было, а эсбисты продолжали все успешнее уничтожать своих вчерашних коллег, и лесных резунов охватила паника. Их страх рос прямо пропорционально увеличению числа смертных приговоров рядовым и нерядовым бандитам.

Вот это и беспокоило Далекого. Он, разумеется, не сочувствовал обреченным. Просто, рассуждая более трезво, чем сторонники продолжения «чистки», понимал, чем она может кончиться. При таких темпах возникала реальная опасность остаться и без того немногочисленного воинства, которому удалось уцелеть в операциях чекистов, «ястребков» и широкого круга

активистов. К тому же, хорошо зная чудодейственные свойства сконструированного Смоком станка, Янишевский совсем не был уверен, что вскоре и ему самому не придется сознаваться в «предательстве» под аккомпанемент палочных ударов.

И он выступил против «чистки», радикально настроив против себя недавних приятелей и единомышленников. Они не скупилась на взаимные обвинения и угрозы. На хуторе Круки Верещака даже попытался задержать и задушить Янишевского. Но тот хорошо знал, с кем имеет дело, и сумел выпрыгнуть через окно во двор, где ждали предусмотрительно подготовленные кони. Причем, как и когда-то, не забыл прихватить в критический момент заветный узел с золотом, награбленным за время службы в винницкой полиции.

Не исключая возможности повторения подобных демаршей, Янишевский передал узел бандиту по кличке Донец с приказом надежнее его спрятать. И тот постарался на славу. Когда год спустя шеф решил забрать свое добро, у Донца начисто отняло память. Не помог даже знаменитый смоковский станок. То ли перестарались допрашивающие, то ли любовь к благородному металлу оказалась сильнее боли и почтения к начальству, но Донца сняли со станка уже мертвым.

А «зверхники» все не унимались. Они переманивали друг у друга людей, убивали несговорчивых и колебавшихся. Они грызлись между собой, как пауки в бан-

ке, и не хотели верить, что это уже начало конца, что под их ногами горит сама земля, а перед гневом и ненавистью людей бессильны угрозы и террор. И принимали отчаянные попытки изменить положение.

В декабре 1945 года Далекий выходит из подчинения центральному проводу и создает свой самостоятельный провод. Теперь у него осталась одна цель – отомстить населению, которое не поддержало и прокляло оуновцев.

Кредо вновь созданного провода сформировал не кто иной, как Днепро, диверсант и террорист, который уже давно разучился делать все, кроме одного – убивать и жечь. О своих планах он выразился кратко: во-первых, террористические акции, во-вторых, грабить и уничтожать имущество колхозов и не допускать создания новых.

Его поняли и поддержали с полуслова. А Далекий, считавший себя незаурядным идеологом, развил эту мысль дальше: необходимо всеми средствами сеять страх и неуверенность среди населения, сдерживать темпы восстановления хозяйства, верить в перемены, надежды на которые вселяет Запад.

От слов они перешли к делу. Раздался плач над селом Деревянное, что в Клеванском районе, – здесь из глубокого колодца подняли тела работников райпотребсоюза Александра Исаева, Ивана Немировского, Ивана Волкова – их зверски убила банда Пьявки. По-

шла по Жобринскому лесу, натыкаясь на стволы деревьев, крестьянка Мокрена Чирук – ей выкололи глаза, а затем задушили за то, что муж был бойцом отряда самообороны. С потемневшими от гнева и боли лицами стояли у распахнутых настезь амбара и сараев хлеборобы из села Сторожев Корецкого района. Боевики Днепра забрали с собой весь колхозный посевной материал и скот.

На следствии Далекому напомнят о многих подобных делах. Не раз услышит он и такое, о чем могли знать, казалось бы, лишь он да еще один-два ближайших помощника. И не раз еще придется ему ошалело заморгать глазами и зажать между колен дрожащие руки...

А тогда, меняя убежища и тайники, переходя из леса в лес, из района в район, он все более ощущал себя в положении зверя, которого неуклонно и уверенно загоняют в западню. Понимал, что расплата уже не за горами, что и сотой части содеянного им за эти годы достаточно для смертного приговора. И как загнанный зверь, огрызался или выжидал: авось удастся пересидеть в надежном месте, а потом уйти на Запад – там он еще будет нужен.

Таким был этот враг, с которым вступили в поединок чекисты, – коварным и опасным, готовым на все.

В ночь на 27 мая 1947 года за несколько километров от Пустомытовского леса остановилась автомашина.

Вышедшие из нее люди не потревожили весеннюю тишину ни лязгом оружия, ни громким словом. Быстро, без суеты разобрали снаряжение и растаяли в темноте, посеребренной лунным светом.

Семь человек ступали след в след, легко и неслышно, и младший лейтенант госбезопасности Владимир Ильяш еще раз мысленно отметил отличную подготовку своих подчиненных. Каждый из них знал: от этой подготовки зависит все – не только твоя собственная жизнь и существование группы, но и успех операции. А он-то и был тем главным, ради чего прибыли сюда чекисты.

Ильяш с удовольствием задержал взгляд на худощавой, подтянутой фигуре Виталия Коханюка. Не много людей ведало, сколько отчаянно смелых дел было на счету этого совсем молодого парня, лишь недавно вернувшегося с фронта. Время было такое: не писали еще о чекистах в газетах, и даже между собой они говорили лишь о самом необходимом. Все письменные свидетельства их трудных и славных дел пока хранились за семью печатями в сейфах и ждали своего часа, чтобы рассказать сухим и четким языком об этих необыкновенных людях.

Вот и о Коханюке можно было рассказать лишь спустя десятилетие – о том, как он ходил по лезвию бритвы, внедряясь в банду одного из самых жестоких и осторожных главарей – Сирко, и как вязал его, воюще-

го от бессилия и злобы, в глухом промороженном лесу. И еще о многом, что поставило этого простого с виду сельского хлопца в ряд настоящих бойцов невидимого фронта.

Да и для самого командира группы судьба не поскупилась на испытания. В войну он был сапером, а саперам, как известно, ошибаться не положено. Рядовой Ильяш никогда не забывал этой мудрой пословицы. Даже тогда, когда буквально из-под гусениц нашего танка отбрасывал вражескую мину. Она взорвалась рядом, но десятки осколков обошли солдата. Попал лишь один – крохотный, так что сразу и не заметишь. Но попал прямо в сердце.

Придя в себя после операции, он спросил о своем спасителе. Ему ответили: Борис Васильевич Петровский. Впоследствии этот фронтовой хирург стал министром здравоохранения СССР.

Заживали раны, оставляя на память солдатам багровые рубцы. Забывалась одна боль, но терзала сердце другая – за невинные жертвы, сожженные села, за все, что принесли полесскому краю лесовики с трезубами на шапках.

По следу одного из них и шел сейчас Владимир Ильяш со своими товарищами.

Одновременно на задание вышли еще две поисково-разведывательные группы, возглавляемые Павлом Распутиным и Андреем Голубцовым. Зоной их дея-

тельности также был Пустомытовский лес.

О том, что Степан Янишевский не ушел с гитлеровцами на Запад, а скрывается на территории Ровенщины, органам госбезопасности стало известно еще в 1946 году. У ряда захваченных или ликвидированных террористов были обнаружены грипсы и другие документы, из которых следовало, что свои бандитские акции они совершали по приказу Далекого. Руководствуясь принципами гуманизма и в соответствии с законом чекисты передали Далекому предложение явиться с повинной. Он это предложение отверг и более того, ответил на него несколькими террористическими актами над мирным населением.

Чекисты понимали, что на быстрый и легкий успех рассчитывать не приходится. В памяти еще свежо было все, что предшествовало захвату Верещаки, Зинька, обезврежению Днепра. Чувствуя близкий конец, бандиты временно прекращали активную деятельность, закапывались в землю и не давали о себе знать целые месяцы. Если же кто-либо из местных жителей случайно нападал на их след, он бесследно исчезал.

Не приходилось сомневаться, что еще осторожнее ведет себя Далекий. План действий против него был выработан после скрупулезного анализа всех предыдущих операций.

Как и всегда в таких случаях, бойцы из поисковых

групп обратились к населению. Делалось это незаметно и под различными отвлекающими предложениями – нельзя было навлекать опасность на мирных людей, да и бандитский пособник мог попасться. По крупице накапливались необходимые данные, и ночами тихонько попискивала рация: «В квадрате таком-то обнаружен след пребывания банды. Поиск продолжаем».

Впервые район местонахождения Далекого обозначился, хотя еще и довольно смутно, после ареста Верещаки. Тот не проминул отомстить своему недругу и конкуренту, рассказав на следствии все, что о нем знал.

А в начале 1947 года в руки чекистов попала записка частного содержания, адресованная одному из связных Далекого – Круку его невестой Галей. В конце письма она передавала Круку привет от отца, мамы и сестры Марийки. По некоторым деталям можно было предположить, что эта девушка живет где-то в Костопольском районе.

Для того, чтобы найти автора записки, пришлось целый месяц объезжать сельсовет за сельсоветом. И Галю, у которой были живы отец и мать, а также имелась младшая сестра Мария, нашлась! Более того, удалось получить надежное подтверждение тому, что это невеста Крука: заявление, поданное ею в сельсовет с какой-то мелкой просьбой, было написано тем же почерком, что и перехваченная записка. За Галей установи-

ли наблюдение, и, в конце концов, Крук угодил в засаду, возвращаясь со свидания в свое убежище. А от него ниточка потянулась к Пустомытовскому лесу...

Группа Ильяша записала на свой счет еще одну крупную удачу. Расположившись на привал, бойцы, несмотря на усталость, не забыли тщательно осмотреть местность. Вот тут и понадобилась напряженная, без скидок, предварительная подготовка и внимание к сущим, казалось бы, мелочам. Сначала заметили потревоженную хвою, затем умело замаскированные объедки. Особенно же острый глаз потребовался для того, чтобы найти небольшой, не шире носового платка, клочок земли, которого явно касались чьи-то руки.

Эти следы и привели к входу в бункер. Обыскав его, чекисты не поверили собственным глазам: здесь находилась часть весьма объемистого архива Далекого! Потом эти документы во весь голос заговорят на следствии и судебном процессе...

Чувствовалось, что бандиты где-то рядом. И первая встреча с ними произошла 26 июня возле хутора Круки – того самого, где Верещака предпринял неудачную попытку расправиться с Далеким.

...Они лежали в кустах, не спуская глаз с хутора. Немалая пасека, добротные сараи, откуда доносилось мычанье коров, – все свидетельствовало о том, что живет здесь «крепкий» хозяин. Такие кулацкие усадьбы остались к тому времени единственными островками,

где бандиты еще могли отсидеться, зализать раны или пополнить запасы продовольствия.

Поэтому группа уже много часов провела в засаде, терпеливо снося и надоедливое комарье, и пронзительный, несмотря на лето, ветерок-утренник. Не намного лучше стало и после рассвета – всю жгло солнце, быстро опустели наполненные с вечера фляги.

Стеклянно звенел раскаленный воздух, казалось, не будет конца этому жаркому дню, наполненному монотонным стрекотанием кузнечиков. Но вот Ильяш поднял руку: «Внимание!» Из хутора к лесу направилась девушка, погоняя перед собой корову. В руках у нее был узел.

Она остановилась в нескольких шагах от засады – на чекистов повеяло парным запахом от коровы – и, приложив руку ко рту, крикнула в зеленую чащу:

– Ганю! Ганю!

Это был пароль. Шевельнулись ветки, и между кустами появился здоровенный детина с немецким автоматом на груди. Настороженно оглядевшись во все стороны, он взял узел с провизией, что-то сказал девушке – слова заглушил порыв ветра – и двинулся обратно.

Сначала Ильяш решил было взять его живым. Но для этого Коханюку и Михаилу Козлишину надо было выйти на просеку и этим обнаружить себя. Правда, бандит мог принять их за своих или по крайней мере за

сельских хлопцев, что значительно облегчило бы дело. Но верзила оказался не из доверчивых. Испуганно забегали маленькие глазки на заросшем лице, а в сторону чекистов развернулся ствол «шмайсера». Однако перед засадой был отработан и такой вариант. Опередив бандеровца, негромко треснул пистолетный выстрел, и он свалился навзничь, ломая густой лесной подрост. А невдалеке затрещали сухие сучья под чьи-то ногами.

Убитый оказался Калиной – командиром личной охраны Далекого. Сам же его шеф в это время сломя голову мчался по лесу – полуодетый, теряя оружие, сумку и другое снаряжение.

Он бежал, тяжело дыша, проваливаясь длинными ногами в ямы и муравейники, не чувствуя боли от веток, хлеставших по лицу. Сзади уже не слышно было погони, но Янишевскому все казалось, что в затылок смотрит леденящий зрачок автоматного дула.

В тот день ему удалось уйти, но именно тогда он окончательно убедился, что уже не найдет покоя и безопасности в самом глухом лесу и на самом далеком хуторе и что поимка его – лишь вопрос времени. Это подтверждали и панические грипсы – зашифрованные донесения от подчиненных. К примеру, член возглавляемого Янишевским провода Роман жаловался: «Выкурили меня из одного гнезда, а через неделю из другого. Я уже, избегая всякого зла, перебрался в такое место,

что, казалось, невозможно даже додуматься. Однако и туда наехало каких-то лесорубов, которые лазят целыми днями по всему терену, так что удержаться невозможно. Я уже абсолютно потерял спокойное место...»

Ему вторил Павло-Микола: «...блокируют переправы, и нет возможности доставить продовольствие и все необходимое...»

Да, Янишевскому еще удалось на какое-то время продержаться на свободе. Но первую часть своего задания все три чекистские группы могли считать выполненной: деятельность бандитов в этом обширном районе была надежно скована. К окончательной развязке приближалось и все дело Далекого.

Давалась борьба нелегко. У невидимого фронта не было тыла и флангов. Смерть могла в любую минуту прогреметь предательской очередью в спину, взвиться огненным клубом гранатного взрыва или выпрыгнуть из-под ног немецкой «шпринг-миной» — этого добра вдоволь оставалось в лесах и спустя годы после войны.

Но чекисты готовили себя к этой опасной работе и действовали как профессионалы, мгновенно реагируя на любую неожиданность и предусматривавшие любую из возможных ситуаций.

Чаще всего приходилось опасаться нападения сзади, особенно ночью. На этот случай замыкающие держали автоматы стволом назад, не снимая пальца со

спускового крючка. Шагая друг за другом по росистой траве, обязательно волокли за собой ветку, чтобы уничтожить следы. Приходилось и вырезать специальные деревянные подставки к сапогам в форме кабаний копыт – это не раз сбивало бандитов с толку. Целые дни и ночи просиживали в засадах, неделями были оторваны от остального мира. Что касается нехватки продовольствия, ночлегов на голой земле под открытым небом, многокилометровых переходов в зной и в холод, под проливными дождями, то на это никто не обращал внимания. Все три группы постоянно оставались туго сжатой пружиной, готовой распрямиться и ударить при первой же возможности.

Так было и в ту лунную ночь, когда четверо бойцов шли дорогой вдоль опушки, чтобы не оставлять следов на траве. Залитый призрачно-голубым светом простор поляны как бы подчеркивал зловещую черноту леса. И время – глухая предрассветная пора, и место – затаившись за деревьями, бандиты получили бы значительное преимущество – как нельзя более подходили для засады.

Едва Ильяш успел подумать об этом, как именно оттуда рванулась пестрая россыпь трассирующих пуль, а звуки ночного леса заглушила трескучая пулеметная очередь. Бандиты не жалели патронов, на их стороне были внезапность нападения и выгодная позиция. И все-таки победителями в короткой и яростной схватке

вышли не они.

Едва раздались первые выстрелы, группа залегла в придорожном кювете, еще раньше примеченном на-
тренированным взглядом командира. Кювет был не-
глубоким – так, скорее обычная выемка. Но и этого ока-
залось достаточно, чтобы укрыться от огня, а затем,
вжимаясь в землю, рассредоточиться и умело, рас-
считанно ударить по вспышкам, трепетавшим в уголь-
но-черной темени.

Бандиты ушли, даже не попытавшись забрать с со-
бой два трупа. Один из них удалось опознать. В пере-
стрелке был убит телохранитель Далекого Скорый.

Вскоре группа Ильяша захватила в селе Друхов Сос-
новского района известных бандеровских вожаков Ин-
дуса и Хмеля, а группа Распутина – двух связных. Все-
го за это время все три группы обезвредили около
двадцати оуновцев и окончательно лишили покоя Да-
лекого, который после стычки на хуторе Ведмедевка
вынужден был отправиться в соседнюю Житомирскую
область. Но спустя некоторое время был выкурен от-
туда и вернулся в Ведмедевский лес, который и стал
его последним прибежищем.

Лесной массив был окружен в ночь на 23 августа.
Чекисты уже более или менее точно знали, где нахо-
дится схрон, и спешили, чтобы действовать наверняка.
Операцию решено было начать с утра.

На рассвете слышались голоса, доносившиеся

из-под земли. Через минуту открылся замаскированный люк, и из отверстия высунулась чья-то рука.

После короткой перестрелки все было кончено. В бункере обнаружили убитого бандита и личные вещи Далекого. Сам он ушел через запасной лаз. Но недалеко и ненадолго.

Что было дальше, читателю уже известно – вплоть до того испуганного крика, который чекисты услышали с болота:

– Не стреляйте! Передайте начальству: я – Далекий.

Когда-то он учил своих подчиненных не сдаваться, отстреливаться до конца, оставляя только один патрон – для себя. До него доходили советские газеты с обращениями раскаявшихся бывших оуновцев, был радиоприемник, по которому он слушал призывы к тем, кто еще укрывался по схронам, сдать оружие. И Далекий приказывал мучительными способами убивать каждого, кто мог явиться с повинной, беспощадно уничтожать их семьи. Эти чудовищные зверства преследовали одну мысль: до смерти запугать рядовых оуновцев, связать их кровавой круговой порукой, пресечь мысли даже о малейшем неповиновении проводникам.

А вот у самого Янишевского соблюсти собственные же требования не хватило духу. Он сдался, лелея надежду, что властям, возможно, не все известно и удастся выторговать жизнь.

Три года вели ровенские чекисты следствие по делу

Далекого. Тысячи документов, скрупулезно проверенных, проанализированных, аккуратно подшитых, бесстрастно и неопровержимо свидетельствовали о безграничной глубине человеческого падения. В них отражена еще одна грань предательства своего народа.

Вот как сказал об этом сам Янишевский: «Препятствуя Красной Армии в ее борьбе против немцев, участники оуновского подполья являлись предателями украинского народа и своей деятельностью помогали только немцам».

Но, как выяснилось, не только немцам. Еще до того, как в поверженном Берлине был подписан Акт о безоговорочной капитуляции фашистской Германии, оуновские атаманы уже поглядывали в сторону США и Англии. Они уповали на военный конфликт между союзниками по антигитлеровской коалиции. Так появилась директива Далекого подчиненным ему боевикам: «Нам нужно делать все, чтобы ослабить Советский Союз, и в случае, если советские и англоамериканские войска выступят друг против друга, то ОУН-УПА организует вооруженное восстание в советском тылу».

Чекисты обнаружили еще одну директиву подобного рода. Предписывая бандитам ориентироваться на скорое начало третьей мировой войны, она предлагала усилить диверсионную работу и террор. В случае боевых действий – срывать мобилизацию и т. п.

Лист за листом подписывая многие тома материа-

лов следствия, Янишевский поймет тщетность своих надежд на снисхождение. И животный ужас мелькнет в глазах его, когда в обвинительном заключении он увидит одну из многих цифр, подводящих итог его деятельности на Ровенщине, – две с половиной тысячи террористических актов против мирного населения. Бандита испугала не сама цифра, а сознание того, что ему не хватило бы и ста жизней, чтобы оплатить этот страшный счет.

Дело Янишевского случилось в Ровно. Обвиняемый полностью признал себя виновным по всем предъявленным ему обвинениям. Вина его была подтверждена также вещественными доказательствами и показаниями свидетелей.

На суде Янишевский сделал такое признание:

– Мы сами, оуновцы, не в силах подорвать Советскую власть, для этой цели мы ожидали войны Англии и Америки против Советского Союза. Эта война дала бы нам возможность взять власть в свои руки. Во время войны мы рассчитывали создать большую сеть диверсионных групп на советской территории...

Не вышло. Ставка далеких оказалась битой.

Владимир Кобысь, Александр Ляховский ТАЙНА СУССКОЙ ДАЧИ

Декабрьский день угасал, готовясь перейти в длинный зимний вечер, когда в Озерцах появилась старенькая полуторка. Дорога была не из легких, машина еле ползла, и крестьянам, которые, услышав гул мотора, вышли на подворье или ткнулись носами в слегка заиндевелые оконные стекла, было хорошо видно: в кузове на скамье у кабины сидят вооруженные солдаты.

Провожали их разными взглядами: кто заинтересованным, кто равнодушным, а кто злым и тревожным.

– Наверняка лесовиков ищут, – переговариваясь, строили догадки соседи.

– Пожалуй, так оно и есть. Но куда едут?..

Не останавливаясь в Озерцах, машина двинулась в направлении соседнего села. За деревенской околицей из кузова прыгнули люди в белых масках, алях, окольными тропинками пробрались к недалекому лугу и спрятались в копнах сена.

Чтобы замаскироваться, хватило считанных минут. А тогда потянулись часы надоедливого ожидания, когда не смеешь ни шевельнуться, ни словом с товари-

щем перемолвиться – лежи и слушай тишину, нарушаемую лишь ветром да ударами твоего собственного сердца.

Но все рано или поздно кончается. Когда неподвижность стала, казалось, невыносимой, а надежда на успех – совсем-совсем маленькой, к копнам приблизилась едва различимая в подсвеченной снегом ночной темени фигура высокого мужчины. Ничего не подозревая, шел он уверенно, не прячась. Тем более неожиданной была для него команда, прозвучавшая от той самой копны, к которой он устремился:

– Стой! Кто идет?

Незнакомец, дернув с плеча автомат, бросился к другой копне, но тут же споткнулся о требовательный возглас оттуда:

– Руки вверх! Бросай оружие!

Спасения не было. Распорола ночную тишь короткая автоматная очередь, и все стихло.

А как непросто все начиналось...

На календаре – последние месяцы 1950 года. Както утром начальник управления Министерства госбезопасности УССР по Ровенской области полковник Н. А. Решетов вызвал к себе майора З. И. Гончарука. Речь зашла о референте службы безопасности районного проводника ОУН Соколе.

– Это не сокол, а настоящий коршун, – говорил Николай Антонович. – Пора уже подрезать ему крылья. Ду-

маю, лучше всего будет вам самому, Захар Иванович, выехать в Заречное и на месте разобраться, как целесообразнее действовать. Там подберете толковых товарищей. Завтра же можете и выехать. Дело не терпит проволочки.

Коршуном назвал полковник референта СБ не ради красного словца. Даже среди эсбистов Сокол выделялся своей жестокостью и хитростью. Действовал он зачастую на стыке Заречненского, Владимирецкого и тогдашнего Рафаловского районов Ровенской, Любешовского и Камень-Каширского – Волынской областей. Прекрасно знал местность, в селах и на хуторах имел своих людей, которые, если не за совесть, то за страх были ему глазами и ушами. Вот и пришлось майору Гончаруку выехать в самый отдаленный уголок области.

В Заречном Захар Иванович создал небольшую оперативную группу, в состав которой вошли старший лейтенант Сильченко и молодые способные оперативники Иванов, Сибуров и Нечеткий.

– Мы должны знать каждый шаг Сокола, – наставлял своих новых товарищей командир опергруппы. – Если понадеемся лишь на себя, не видать нам референта. Главная надежда – на помощь партийно-советского актива, комсомольцев, просто честных людей.

Вскоре чекистам стало известно, что чаще всего Сокол прячется в селах Кухотская Воля и Озерцы, а так-

же на близлежащих хуторах. Чекистам тогда здорово помог молодой парень по имени Николай, который жил со старенькой матерью на одном из таких хуторов. Это он как-то на рассвете заметил у копны на заснеженном лугу знакомого хуторского дядьку. Залег в снегу, а когда хуторянин ушел, заинтересовался копной. В сене обнаружил корзину с порядочным запасом провизии. Сало, лук, масло, несколько буханок хлеба и бутылок с самодельными пробками...

Догадаться, кому предназначался гостинец, было нетрудно. Оставалось обдумать, как бы преждевременно не вспугнуть, но и не прозевать того, кто за ним придет. Тогда-то у майора З. И. Гончарука и созрел план операции.

– Воспользуемся сеном и мы, – сказал он членам опергруппы. – Если постелить его на дно кузова машины, можно незаметно доехать до хутора. Солдаты же пусть сидят себе открыто...

Как чекисты осуществили этот замысел, читатель уже знает. Возвратясь из Заречного в Ровно, Захар Иванович доложил начальнику управления:

– Сокола больше не существует.

Но если бы один лишь Сокол терроризировал население... В начале пятидесятых годов на Ровенщине многие оуновские боевики нашли свой конец. Немало тех, кого бандеровцы заманили обманом или угрозами, вышли с повинной. Но в схронах националистического

подполья еще оставались те, кто не понял всей глубины своего падения или за время пребывания в бандах натворил такого, что уже не мог рассчитывать на милосердие...

Летом 1954 года в областное управление КГБ стали поступать сообщения о том, что в Костопольском, Деражненском и Клеванском районах участились случаи ограбления граждан. Незнакомый, вооруженный пистолетом, а иногда и автоматом, останавливал путников, отбирал деньги, часы, другие ценные вещи. Иногда его видели с какой-то женщиной.

В управлении поначалу считали, что это «промышляет» обыкновенный уголовный преступник. Однако после сопоставления и тщательного анализа получаемых данных чекисты пришли к выводу: действует не кто иной, как главарь к тому времени уже разгромленной националистической банды Хвылевой, а его подруга – тоже бандеровка по кличке Ольга.

– Хвылевого непременно следует взять живым, – предупредил на очередном совещании начальник областного управления КГБ полковник П. Е. Арнаутенко. – На его счету более десяти бандпроявлений, иначе говоря – преступлений. Ликвидировать – только в крайнем случае.

Ту же мысль высказал подполковник Н. И. Агапов. Тот прямо спросил командира только что созданной опергруппы майора Гончарука:

– Сколько вам нужно времени, чтобы взять Хвылевого?

– Месяц, – ответил, подумав, Захар Иванович.

Бандит был из породы особо опасных, и это, да еще приказ взять его живым вынудили майора Гончарука с повышенной тщательностью подбирать людей в опергруппу и старательно, во всех подробностях продумать план будущей операции.

В состав группы вошли опытные, закаленные в боях чекисты, в том числе сотрудник облуправления КГБ капитан Б. Е. Стекляр, начальник Деражненского райотдела КГБ лейтенант А. С. Ивасенко, сотрудник этого же райотдела капитан А. Н. Бусыгин. Да и сам командир группы был не из новичков в чекистской работе. За плечами майора З. И. Гончарука оставались трудные годы и опыт борьбы с вражеской агентурой на дальневосточной и западной границах, в освобожденной от фашистской оккупации Чехословакии, а на Волыни и Ровенщине – с националистическим подпольем. Даже в областном управлении мало кто знал, что за свой ратный труд Захар Иванович был удостоен ордена Красного Знамени, двух орденов Отечественной войны, четырех орденов Красной Звезды и многих медалей, а также высшей награды Чехословацкой Республики – ордена Белого Льва. Но зато все знали, что это способный организатор, тонкий тактик. Не случайно именно Гончаруку доверили операцию по обезвре-

живанию закоренелого головореза Хвылевого.

Заметая следы, бандиты, как правило, искали приюта в селах и на хуторах, разбросанных на значительной территории, отдаленных друг от друга на десятки километров. У громилы дорога одна, у чекистов – сотни. Когда-то они пересекутся?

И все же – Захар Иванович хорошо знал – лесовик непременно будет вертеться вокруг своего главного логова, где бы оно ни было – в лесу, на островке среди болот или в подвале какого-нибудь родственника. Значит, и Хвылевой в одних местах должен появляться чаще, чем в других.

Такими местами оказались села Жильжа, Бечаль, Дюксин и хутора вокруг них.

Члены оперативной группы подробно изучили все наиболее вероятные пути передвижения бывшего атамана. В ночь на 29 июля 1954 года Захар Иванович дал команду:

– Выступаем!

Три небольшие чекистские группы, одну из которых возглавил сам З. И. Гончарук, две другие – А. С. Ивасенко и Б. Е. Стекляр, сделали засады в загодя установленных местах. Снова – длительное ожидание.

Было без четверти шесть, когда старший лейтенант Ивасенко заметил метрах в семидесяти неизвестного мужчину. Летняя ночь коротка, солнце уже успело приподняться над горизонтом, и чекистам было хоро-

шо видно каждое движение незнакомца, непроторенной тропкой идущего из леса к хутору. Вот он присел на корточки, минуту-другую во что-то всматривался и, не заметив ничего подозрительного, уже смелее двинулся дальше. Но едва поровнялся с зарослями ольшаника, как сзади на него навалились и скрутили руки.

— Ну что же, Хвылевой, приглашай в гости. Показывай-ка свою «резиденцию».

В густом смешанном лесу между селами Суск и Жильжа, известном среди местного населения как Сусская дача, под старой-престарой сосной находился просторный схрон, оборудованный со всем возможным в таких условиях комфортом, с запасным ходом, которым бандиту так и не довелось воспользоваться.

Много тайн знало это логово. Именно здесь Хвылевой вынашивал планы своих «акций»; здесь зализывал раны, сюда сносил награбленное. Кроме большого запаса разного добра, чекисты, как писал потом З. И. Гончарук в докладной, изъяли в схроне семь стволов огнестрельного оружия.

Тайна Сусской дачи перестала быть тайной. После этого обезвредить Ольгу уже не представляло большого труда. Теперь майор З. И. Гончарук вместе с Б. Е. Стекляром, А. С. Ивасенко, А. Н. Бусыгиным и другими чекистами приступил к разработке и осуществлению операции по ликвидации бандгруппы оуновского главаря Дмитра, или Черного, действовавшего на терри-

тории соседних районов Ровенской и Волынской областей. Когда покончили с Дмитрием, Черноморцем, Кириллом, Красько и еще несколькими бандитами разного калибра, появилась возможность вплотную заняться Борисом, чья теперь уже несуществующая банда в свое время орудовала в окрестностях Степани, Деражного и Костополя.

– Единственный человек, который еще поддерживает с Борисом связь, – это некая Галя, хуторская дивчина, – сказал товарищам З. И. Гончарук. – Попробуем действовать через нее.

А Гале чекисты растолковали:

– Постарайтесь убедить его, что ему лучше сдаться. Повинную голову, как говорится, и меч не сечет.

Девушка согласилась стать посредницей в переговорах. Но Борис сперва не поверил чекистам. Потом, не без влияния Гали, согласился на встречу, но выдвинул требование: пусть вместе с девушкой к нему придет лишь один человек, в противном случае и говорить не о чем.

Захар Иванович, посоветовавшись с руководством управления, решил: нужно принять условие. А идти на встречу должен он сам.

...Была тихая, лунная сентябрьская ночь, когда в Стыденьском лесу, что в Костопольском районе, появились две чекистские оперативные группы. Одну из них возглавлял Б. Е. Стекляр, другую, в которой нахо-

дился и заместитель начальника облуправления КГБ подполковник Л. Я. Сененко, – А. С. Ивасенко. Первая группа разместилась метрах в четырехстах севернее, вторая – южнее места встречи Гончарука с Борисом.

Риск был очевидным: если б оуновец замыслил худое, никто не успел бы придти Захару Ивановичу на помощь. Задача опергрупп состояла в том, чтобы на случай провокации не дать Борису возможности улизнуть.

В условленное время Галя дала майору знак: пора. Молча двинулись в неизвестность. Через несколько минут вышли на поляну, остановились.

«Место выбрал удобное, – подумал чекист. – Сам прячется, а нас видит хорошо».

Галя поднесла руку ко рту, трижды негромко крикнула голосом какой-то лесной птицы. С противоположной стороны донесся такой же тихий тройной свист.

Девушка повторила сигнал. В кустах зашелестело, и на поляну вышел среднего роста коренастый мужчина. Молча протянул Захару Ивановичу автомат.

Это была одна из операций чекиста З. И. Гончарука, которая обошлась без единого выстрела.

Николай Терешко

ИМЯ ТВОЕ

Как-то мне пришлось побывать на квартире Смирнова. Перешагнув порог, я сразу же почувствовал ее уют и тишину. Здесь многое напоминает о ее хозяйке: скромная мебель в комнате, которая служила для семьи гостиной и столовой, небольшая библиотечка. И еще – вешалка, которую вместе со своими друзьями-чекистами смастерил Анатолий.

Мария Ивановна бережно показывала мне сохранившиеся фотографии. Я никогда не встречался со Смирновым. Но чем больше всматривался в черты лица этого человека, слушая рассказы его жены, тем больше проникался огромным уважением к этому мужественному чекисту, горячо преданному своему делу.

Дома он практически не говорил о своей работе. Да и сама Мария Ивановна не решалась заводить разговор на эту тему. Много рассказывала мужу о своих учениках.

Узнав, что Смирнов сражался на фронтах Великой Отечественной войны, они втайне от Марии Ивановны пригласили его на урок мужества.

Правда, сначала он не соглашался. Но после все-таки Мария Ивановна узнала о переговорах за ее спи-

ной и настойчиво попросила мужа:

– Знаю, не любитель ты выступать. Но ребятам интересно будет послушать.

В классе умолкли даже самые неугомонные мальчишки. Во время своего рассказа Смирнов ни единым словом так и не сказал о себе, а все о товарищах, с которыми воевал, с которыми каждый день смотрел смерти в глаза. Естественно, о смерти он старался не думать. Иначе – как же тогда воевать? И не только в годы войны, но и тогда, когда перешел на работу в органы госбезопасности, когда приходилось принимать участие в ликвидации оуновских банд. Всегда проявлял мужество, стойкость, находчивость, смекалку разведчика. Именно об этих качествах мне так много рассказывали ветераны-чекисты Д. Т. Дмитренко, Б. Г. Нефедов и многие другие.

Минуло уже двадцать лет с тех пор, когда перестало биться сердце мужа, а Мария Ивановна никак не может заставить себя примириться с этим. Кажется ей, что вот откроется дверь, и Толя подойдет к ней и скажет:

– Ну, мать, корми. Очень проголодался. Если не успела приготовить, давай вместе.

Он, как и прежде, ничего не говорил, где был, но Мария Ивановна догадывалась: трудное задание пришлось ему выполнять. Иногда его друзья намекали:

– Не жалеет Анатолий себя.

И она, каждый раз провожая его в командировку, напоминала:

– Береги себя! Очень прошу тебя!

Она хорошо представляла себе, насколько коварны оуновцы, жестоко расправлявшиеся с мирным населением. Еще в первые по-военные годы, когда Мария Ивановна приехала в Теслугов (бывший Козинский район) в сельскую школу, то чуть было не поплатилась жизнью. Спас ее Анатолий Смирнов. Ничего не подозревая, вместе с подругой они на соседнем хуторе проводили перепись будущих первоклассников. Возвращаясь обратно, решили передохнуть на небольшой опушке. Как стало известно впоследствии, именно здесь бандиты собирались устроить засаду активисткам. Не дали им совершить задуманное чекисты во главе со Смирновым. Мария Ивановна даже не подозревала, что один из главарей банды жил неподалеку от ее квартиры. И только ждал подходящего момента, чтобы расправиться с молодой учительницей.

Анатолий предупредил девушку:

– Будьте осторожны. Особенно вдали от людей – в лесах еще шастают головорезы.

После этой встречи они подружились, часто встречались, и вскоре стали супругами.

Спустя некоторое время переехали в Ровно. Однако новую однокомнатную квартиру Смирнову не пришлось долго обживать. Анатолий очень часто нахо-

дился в длительных командировках, связанных с поисками и ликвидацией остатков вооруженных оуновцев. Сидя вечерами за проверкой тетрадей своих учеников, Мария Ивановна, бывало, засыпала за столом, а утром бежала в школу, так и не дождавшись мужа.

В круговороте дней она не замечала, как быстро проходило время, а сразу после уроков спешила домой. Надеялась увидеть Анатолия, однако это редко ей удавалось.

Одна из командировок оказалась весьма длительной. Вместе с начальником Вербского отдела МГБ Д. Т. Дмитренко старший оперуполномоченный капитан Смирнов с большой группой чекистов прочесывал каждый квадрат леса, который занимал тысячи гектаров. Банда Богдана пряталась в схронах. Имелись и запасные. Об их расположении, естественно, никто не знал. Вот почему разрабатывались многие варианты ликвидации оуновцев, но ни один из них руководство не утвердило. Решили командировать сюда Смирнова. Считали: если что-то не получается, необходимо подключить Анатолия. Он выход найдет.

И на этот раз он прежде всего решил встретиться с крестьянами, которые пострадали от налетов банды. Однако никто из них не мог даже навести на след головорезов. Анализируя оперативные донесения, сопоставляя факты, рассказы потерпевших, он пришел к выводу, что оуновцы, узнав о сосредоточении чеки-

стов, вряд ли рискнут появиться на больших лесных дорогах. Они изберут малоизвестные тропинки. Поэтому Смирнов предложил устроить засады именно на некоторых из них.

Шли недели, менялись места засад. И вот наконец вариант Смирнова подтвердился. Многих бандитов вместе с главарем удалось взять живыми, и они предстали перед судом.

Вскоре Смирнова ожидало новое задание. В селе Берег (бывший Вербский район) сельская учительница обнаружила банду Пшеничного.

– Ну вот, опять нам надо расставаться, – как-то утром сказал Анатолий, но, увидев испуганные глаза жены, убедительно добавил: – Не волнуйся, все будет в порядке.

И действительно, в конечном счете все обошлось. Да и сама операция не потребовала много времени. Сарай, на чердаке которого прятались банда Пшеничного, оказался на краю села. На первый взгляд, он был такой старый, неприглядный, что Смирнов и Дмитренко даже засомневались: неужели там могут разместиться столько бандитов. Приближались к цели проселочной дорогой, которая вырывалась из желтого ржаного поля. На окраине села сбавили шаг. Возле сарая, где предлагалось принять бой, было тихо. Именно в тот час во двор въехала телега с сеном, и хозяин принялся сбрасывать его на землю.

Чекисты незаметно – где перебежками, где по-пластунски приблизились к сараю. Вблизи от него свалились в неглубокую канаву, поросшую крапивой, и стали наблюдать за тем, что происходило во дворе. Сложив сено, хозяин взялся кормить коней.

Прошел час или немного больше. Смирнов и Дмитренко еще раз прокручивали план захвата банды. Рисковать нужно было с умом – ведь оуновцы в такой ситуации будут сопротивляться до последнего патрона.

Решили еще подождать. Лежа в крапиве, Смирнов чувствовал, как заныла от непривычки спина. Главное, думал он, вызвать панику среди бандеровцев.

Наконец наступил благоприятный момент; хозяин, видимо, снова отправился за сеном, двор опустел. Один из чекистов подполз ближе к сараю, поставил лестницу, лежавшую у стены, сделал по ней несколько шагов вверх и, крикнув «Бандиты!», полетел с лестницей на землю.

В тот же миг чекисты открыли огонь из автоматов. А как только их товарищ отбежал в безопасное место, Смирнов бросил в сарай гранату. Оуновцы начали беспорядочно отстреливаться. Одна из автоматных очередей прошла воздух совсем близко от Смирнова. Он прижался к стволу дерева.

Бандиты оказались в безвыходном положении и вынуждены были сдаться. Один из них, не выдержав, зло

бросил Смирнову:

– Жалко, что не пришел тебя!

– Значит, буду жить до ста лет, – ответил капитан.

Когда в областном управлении зашла речь о том, кого включить в состав группы для разработки операции по ликвидации банды Орла, действующей на границе Ровенской и Волынской областей, а также в Белоруссии, то в числе первых назвали имя Смирнова. Ему сказали:

– Вы еще не отдохнули, приказывать вам не можем...

– Отдыхать некогда, – улыбнулся Смирнов. Было у него желание поехать вместе с Марией Ивановной в родные места, на Смоленщину. Конечно, вернется с операции – и поедут.

Однако судьба распорядилась иначе. С пинских болот, где чекисты настигли банду Орла, Смирнов возвратился цел и невредим. Правда, отпуск пришлось отложить, хотя и чувствовал недомогание. Думал, пройдет.

Когда поздним вечером он пришел с работы, то впервые за всю их совместную жизнь признался:

– Машенька, что-то мне нездоровится. Может, прилягу?

Мария Ивановна думала вызвать врача из санчасти, но Смирнов категорически запретил. Она не отходила от его кровати, напоила чаем с малиной, сделала хо-

лодную примочку. Казалось, что ему полегчало. Жена принялась за проверку ученических тетрадей. Через некоторое время врача все-таки пришлось вызвать, но было уже поздно. Мария Ивановна заплакала, услышав от врача:

– Не выдержало сердце, обширный инфаркт.

Смирнов так и не дожил до своего пятидесятилетия. Многие хотел сделать, поэтому и торопился жить.

Василий Кохан

ГЛАВНАЯ ОПЕРАЦИЯ

У моего собеседника простое русское лицо с крупными чертами, светло-карие спокойные глаза. По виду не скажешь, что ему уже за семьдесят, особенно когда смеется – открыто, искренне. Нет в нем того, чем любят наделять своих героев авторы детективных романов: ни «пронзительного» взгляда, ни следов «бессонных ночей», ни даже «волевого подбородка». Не окутывают его и шерлоххолмсовские облака табачного дыма: в светлой, просторной комнате воздух чист и свеж.

В руках подполковника в отставке Николая Ивановича Агапова томик В. Богомолова «Момент истины». И закладка на том месте, где старший лейтенант Таманцев – один из главных героев повести – говорит о своей работе: «Контрразведка – это не загадочные красотишки, рестораны, джаз и всезнающие фраера, как показывают в фильмах и романах. Военная контрразведка – это огромная и тяжелая работа... Огромная соленая работа и кровь... Условия и работа у нас такие, что любой бывалый шерлок, даже из столичной уголовки, от отчаяния повесился бы на первом же суку».

Да, кивает Агапов, сказано верно. И не только о военной контрразведке – пожалуй, о всей чекистской ра-

боте. Ситуации, подобные экранным, с лихими молодцами во фраках, – ему, чекисту с довоенным стажем, не встречались. Какие уж там фраки! Вот болотные сапоги оказались бы в самый раз весной сорок четвертого, когда получил новое назначение – начальником Рокитновского райотдела госбезопасности в недавно освобожденной от фашистов Ровенской области. Тогда по болотам «нагулялся» на много лет вперед! Очень крепкий от природы человек, он в этих чертовых болотах, казалось, богу душу отдаст от усталости.

А был действительно крепок. Детство прошло – в пензенской деревне. Сызмала привык трудиться. Крепкую закалку прошел на лесозаготовках и лесосплаве. Двадцатилетнего Николая Агапова избрали председателем рабочкома. Вскоре стал он первым секретарем Городищенского райкома комсомола и членом бюро райкома партии.

Весной 1940 года Агапова вызвали в Пензенский обком партии.

– Как вы смотрите, если мы направим вас в органы госбезопасности?

Предложение было неожиданным, но он не колебался ни минуты:

– Согласен!

Работать начал, как говорится, с низов – оперуполномоченным одного из райотделов НКГБ Пензенской

области. В первые же Дни войны Агапова назначают начальником райотдела.

Фашисты рвались к Москве. Гитлеровская разведка старалась всячески активизировать свою агентуру. Врага интересовало, где и какие именно формируются соединения Красной Армии, какая пропускная способность далеких от театра военных действий железных дорог, на каких предприятиях изготавливается вооружение.

– Перед нами, – вспоминает Агапов, – стояла задача не только своевременно выявлять вражеских шпионов и диверсантов. Ведь еще Дзержинский говорил, что найти того, кто совершил преступление, может и не чекист. Чекист же тот, кто предупредил действие врага.

Пензенскую глубинку отделяло от линии фронта больше тысячи километров, но здесь тоже был фронт, только без флангов, и борьба на нем не ослабевала ни на минуту.

...В Ровно он прибыл на второй день после освобождения города. Трудное время. И не менее трудные задачи стояли перед начальником Рокитновского райотдела госбезопасности Н. И. Агаповым. Села Рокитновского, Сарненского, Олевского районов терроризировала банда Стального. Нужно было обезвредить ее.

Как-то поздно ночью Агапову сообщили с полустанка Остки: разобрав в одном месте узкоколейку, бандиты двинулись в направлении села Дерть. Поднятые

по тревоге, в отдел немедленно прибыли оперативные работники.

— Давайте, товарищи, сначала обсудим обстановку, — предложил начальник райотдела.

Поначалу банда словно сквозь землю провалилась. Прочесывание территории ничего не дало. Агапов знал, что Стальной дороги выбирает глухие, проселочные, вперед нередко высылают разведчиков, которые путают след, направляют поиск в противоположном направлении. И все же поисковая группа сумела выявить банду. Чувствуя, что кольцо неумолимо сжимается, Стальной повернул в непроходимые полесские болота.

Три дня длилась погоня. Окольными путями чекисты вышли наперерез бандитам и залегли по обе стороны моста через небольшую лесную речушку. Именно здесь должен появиться Стальной — так определил Агапов. Интуиция не подвела его. И хотя при подходе к мосту бандиты заметили засаду, было уже поздно.

В отдел Агапов возвращался с чувством какого-то спокойного удовлетворения: одна из крупнейших банд-групп на Полесье обезврежена. Об отдыхе не думал. Ждали его другие дела.

Да и сердце тогда еще не болело. Это теперь дает оно о себе знать все чаще. Только стоит ли этому удивляться? Много было смертельно опасных операций, и каждая оставляла на сердце «зарубку».

...Вечерело. Николай Иванович вместе с секретарем Рокитновского райкома партии Н. И. Небабой и «ястребками» зашли во двор на окраине села Кисори-чи. Стало известно, что сюда наведываются бандиты, что у хозяина где-то оборудован схрон. Только Агапов и Небаба ступили во двор, как на крыльце появилась хозяйка и подняла крик. Мол, ходят здесь всякие, и чего им надо, людям не дают покоя.

«Кто-то есть. Очевидно, дает сигнал об опасности», – подумал Агапов.

А в доме – никого. Значит, где-то прячутся. Агапов внимательно осмотрел хату. Засунул руку в углубление под печью, нащупал там доску. Так и есть – вход в схрон.

– Ану вылезай!

Тихо. Тогда «ястребки» ударами прикладов разбили стенку печи. Из дыры вдруг послышалась брань и вылетела граната. Николай Иванович почувствовал, как вдруг обожгло ногу и что-то горячее начало заполнять сапог. Бойцы ударили из автоматов. Минут через десять раздался еще один взрыв – на этот раз уже в схроне.

Утром Агапов был отправлен в госпиталь. Рана долго не заживала. Лечился несколько месяцев. После госпиталя получил радостную весть: за боевые операции по уничтожению оуновского подполья в Рокитновском районе его наградили медалью «За отвагу».

А вскоре он был назначен начальником Дубновского райотдела государственной безопасности. И снова потянулись тревожные будни.

Пришел как-то к Николаю Ивановичу молодой крестьянин из села Загорцы:

– Дело у меня к вам, товарищ начальник... Рассказать кое-что надо...

Так стало известно, что главарь бандеровской боевки Ворон изредка наведывается на один из хуторов возле села. Этим обстоятельством и решил воспользоваться Агапов.

...Поздним зимним вечером, когда за окном трещал тридцатиградусный мороз, а снегу намело по пояс, в теплой крестьянской хате сидели за столом, накрытым грубой льняной скатертью, два парня.

– Ну, вот и готово, хлопцы! Кушайте на здоровье, – подала на стол сковородку с жареным мясом молодая хозяйка.

– Садись и ты с нами, сестричка...

– Что-то не хочется есть.

– Ты только не волнуйся, Катря, – ласково положил руку жене на плечо Петр.

Молодые люди посмотрели друг на друга, а затем оба мимоходом взглянули на ходики, висевшие на стене. Было уже около полуночи. И если бы кто-нибудь со стороны наблюдал в это время за так поздно ужиновавшими Петром и его шурином Яковом, то непременно

заметил бы в глазах обоих тревожное ожидание. Вдруг в окно кто-то тихо постучал.

– Ой! – еле слышно всхлипнула Катя. – Что теперь будет?

– Спокойно, – поднялся из-за стола Петр. Набросив на плечи кожушок, он вышел во двор.

Прошло несколько долгих и тревожных минут. Катря, тяжело вздыхая, ходила из угла в угол, а брат ее Яков сосредоточенно сидел возле двери, засунув правую руку в карман.

Скрипнула дверь, и послышался со двора голос Петра:

– Яков, иди сюда.

На улице Петр представил Якова Ворону:

– Мой швагер. Человек надежный.

Яков, кивнув головой в знак приветствия, скосил глаза в сторону, где стояла женщина с автоматом в руках.

– А это украинские повстанцы – друг Ворон и Татьяна, – так же спокойно представил их Петр. И тут же, как бы спохватившись, засуетился: – Что же мы стоим на холоде? Заходите в хату, повечеряем вместе.

Ворон хмуро взглянул на Петра и оборвал его:

– Некогда нам. Мы с Яковым побудем здесь, а вы с Татьяной зайдите на минутку – пусть погреется.

– Ну что же, пусть будет так, – согласился Петро.

С видимым дружелюбием встретила Катря гостью. Пригласила к столу, стала ставить угощение. А душа

рвалась на части – так волновалась за брата, который остался один во дворе с Вороном.

– Петро, позови же и гостя в хату, – обратилась она к мужу. Но не успел тот и слова сказать, как во дворе, под самой дверью, резко хлопнул выстрел.

– Ой! – вскрикнула Катря.

Почти одновременно прогремел выстрел и в хате. Это Петро смертельно сразил Татьяну, которая рванулась было к дверям. А Петро, схватив автомат бандеровки, мгновенно выскочил во двор. Под окном он увидел Якова, стоявшего с автоматом в руках около убитого Ворона.

На следующий день в областное управление МГБ за подписью Н. И. Агапова ушла шифрограмма, в которой сообщалось, что в ночь с 8 на 9 января с помощью местных жителей проведена чекистская операция, в результате которой убиты бандглаварь Ворон и его сестра Татьяна, находившиеся в банде с 1943 года.

В коротких записях, которые сохраняет Агапов, зафиксирован и такой эпизод.

В окрестностях села Молодаво, на хуторах, орудовал отпетый головорез Комар. В районный отдел госбезопасности одна за другой приходили тревожные вести: в одном месте банда подожгла дом сельского Совета, в другом обстреляла активиста... Кажется, уже все места, где могли базироваться оуновцы, обследованы, все тропки, что ведут из близлежащих лесов, пе-

рекрыты, а банда не обнаружена.

И тогда Николай Иванович решил использовать для поиска... самолет. Трижды лично вылетал в район села Молодаво и таки обнаружил бандитов. Оказалось, днем они пребывали всего в каких-то пятидесяти метрах от шоссе – прятались в кукурузе. И когда чекистская группа двинулась в этот район, самолет спикировал прямо на банду, давая оперативникам четкий ориентир. С того дня о злодеяниях Комара никто больше не слышал.

Странички чекистской биографии... Задав Николаю Ивановичу вопрос о наиболее запомнившейся операции, почти предугадываю ответ:

– Вся жизнь в органах – вот моя главная операция.

Ким Закалюк

«ИЗ СТРАНЫ ВЫДВОРИТЬ...»

ВОЯЖ «МАГИСТРА ИСКУССТВ»

В этот августовский вечер Владимир Алексеев соби-
рался «разменять» свои тридцать лет. На кухне Ната-
ша колдовала над каким-то замысловатым тортом, ко-
торым грозилась сразить гостей, а Володя сервировал
стол. Вдруг зазвонил телефон. Именинник, думая, что
это снова кто-то с поздравлениями, снял трубку, напе-
вая веселую песенку:

– Слушаю!

В трубке раздался голос дежурного по управлению:

– Лейтенант Алексеев? Вас срочно требует к себе
Петр Егорович!

– Арнаутенко? – недоуменно переспросил Влади-
мир Александрович. – Но у меня ведь гости! – как-то
непроизвольно вырвалось у Алексеева.

– Гости твои, Володенька, уже здесь, – перешел на
дружеский тон коллега. – Так что давай сюда побы-
стрее.

Переступив порог кабинета начальника Ровенского
управления КГБ П. Е. Арнаутенко, Алексеев предста-

вился по всей форме:

– Товарищ полковник, лейтенант Алексеев по вашему приказанию прибыл!

По всему видно, что Петр Егорович чем-то очень обеспокоен.

– Это хорошо, лейтенант, что прибыл. Ты уж извини, Владимир Александрович, что пришлось прервать семейное торжество, но сам понимаешь – служба. И видимо, придется тебе, именинник, принимать сегодня, так сказать, непрошенных гостей. Ну давай присаживайся.

Окинув взглядом собравшихся, полковник обратился к ним:

– Теперь все в сборе. Можно приступить к делу. Обстановка такая. Поступило сообщение из Корца. Как заявил один гражданин, к нему обратились за помощью какие-то весьма подозрительные субъекты. Разъезжают на нашей «Волге», а номера у нее не наши, да к тому же и спереди, и сзади тщательно забрызганы грязью, хоть дождика, кажется, давненько не было.

Словно в подтверждение своих слов, полковник посмотрел в сторону окна.

– Это во-первых. Во-вторых, у них сломалась машина. Работники ГАИ отбуксировали ее на станцию технического обслуживания. Механик, который осматривал «Волгу», сообщает, что в багажнике у иностранцев почему-то лежит фуражка офицера советских во-

енно-воздушных сил, а на сидении в салоне – длинно-фокусная фотоаппаратура. Надо выяснить, что это за туристы пожаловали в гости. Задание поручается оперативной группе, которую возглавит капитан Еськов.

Капитан поднялся со своего места.

– Садитесь, садитесь, Владимир Леонидович. Вам в помощники выделяем нашего именинника, лейтенанта Алексеева и капитана Никишина, а также лейтенантов Карпенко и Плешакова. Так что за дело, товарищи.

Пока машину ремонтировали, гостей поселили в гостинице «Ровно». Здесь выяснилось, что старший из них некий Марк Каминский – гражданин США, учитель из города Эдвардсберга. Его напарник – также американский подданный, Харвей Беннет, которого Каминский пригласил в поездку как человека, хорошо знающего автодело. Оба неплохо владеют русским языком. Каминский приехал в Советский Союз во второй раз – год назад, в 1959-м, он был гидом на американской выставке в Москве.

К утру машина американцев была в полном порядке, и они отправились обозревать окрестности. Однако странными, если не сказать больше, были у них интересы. Их тянуло к зданиям военного гарнизона, колоннам военнослужащих, машинам специального назначения, которые Каминский тайно фотографировал.

А тем временем шла напряженная чекистская работа. Анализировался каждый шаг «туристов». Их истин-

ные намерения уже не вызывали никакого сомнения. И вот когда голубая «Волга» «случайно» заехала в запретную пограничную зону, ее владельцев задержали. Пассажир и водитель предъявили документы.

– Марк Каминский?

– Да.

– В машине нет ничего недозволенного?

– Нет.

– Покажите, пожалуйста, ваш багаж.

– Прошу.

– Зачем вам фуражка офицера советских военно-воздушных сил?

– Подарок племяннику.

Ответы следуют быстро, в них – нотки оскорбленного достоинства. Рослый человек ведет себя все более шумно, вызывая.

– Не разрешите ли поинтересоваться вашими записями?

Из кармана с подчеркнутой готовностью извлекается блокнот. В нем – обычные для путешественника записки.

– В машине больше ничего нет?

– Ничего.

– А в карманах костюма?

Наступает пауза.

– Ни-че-го...

– А все-таки? Что у вас в боковом кармане? Покажи-

те, пожалуйста?

Снова пауза – длиннее предыдущей. Каминский, видимо, пытается угадать, что последует дальше. Наконец вынимает из кармана второй блокнот.

– Вас, вероятно, интересует это?

Блокнот оказался любопытным. Отгадать смысл записок в нем было нетрудно: «Отправные мили... Коробки оливкового цвета – справа... Нефть – справа... Слева – солдаты... 1,5 км радио... На обочине 7 грузовиков оливкового цвета... На юг от 386 дорога... Возведение мостов... Реактивные самолеты... снова истребители... Нет видимой охраны... Первая часть снимков во время езды...»

– Какие снимки упоминаются в блокноте? Где отснятые пленки?

Из бокового кармана извлекается туго набитый черный мешочек.

– Что здесь?

– О, я могу показать!

Каминский зубами разрывает шнурок, которым завязан мешочек. Еще мгновение, и американский «турист» засветил бы фотопленку. Но эта попытка кончается неудачей. В присутствии задержанных пленки проявили.

Каминский сам изъявил готовность дать показания.

Тактика пойманного преступника стара как мир. Сперва он обычно все отрицает, разыгрывая оскор-

бленную добродетель. Затем под тяжестью улик сознается в чем-то не очень существенном, чтобы скрыть главное. И лишь припертый фактами к стене, он оказывается вынужденным признаться в содеянном. Так вел себя на следствии и Марк Каминский. Вот как выглядела сочиненная им версия номер один: «Я, Каминский Марк, двадцати восьми лет, уроженец города Джефферсонн, Тауншип, штат Мичиган, подданный США, поляк по происхождению, холостой, приехал в Советский Союз с чисто научными целями, а также повидать родственников. Я учился в Оклахомском и Мичиганском университетах, закончил аспирантуру Мичиганского. В 1960 году получил степень магистра искусств и одновременно – право преподавать русский язык в школе. Настоящая поездка предпринята с целью изучить различия между русским и белорусским языками. Для этого я получил ссуду в 2 тысячи долларов от научного фонда „Феар Крафт“. По приезде в США я обязан представить фонду отчет о своей поездке. А записи о военных объектах – это просто так – мальчишество, ухарство...»

Но следователя, разумеется, интересует, какие же исследования провел «магистр искусств»? Быть может, их результаты зашифрованы и находятся в блокнотах где-то между пометками о радарных установках и авиабазах?

Однако напрасные надежды. Совершенно никаких

следов филологических поисков в бумагах Каминского обнаружить не удалось. Да и не могло их быть. Ведь он не удосужился побывать ни в Пушкинском доме в Ленинграде, ни у ведущих филологов в Москве, Минске или Киеве. Предметами его «исследований» стали иные, далекие от науки проблемы.

Естественно, что подобная версия не могла быть признана за правдивое признание в содеянном. Каминскому дали время подумать. Поразмыслив, подзреваемый отказывается от первой «легенды» и прибегает ко второй. Да, да, он как будто кое-что «такое» снимал. Однако же это не нарушение закона. Он фотографировал, скажем, необычные вагоны. Но они ведь «стояли вблизи станции, поэтому в их фотографировании не было ничего плохого».

Вот уж, поистине, «святая простота»! За этим следует еще одно признание: «Я знал, что в записной книжке имелись записи, а на пленках снимки, которые вывозить из Советского Союза нельзя. В связи с этим я боялся, что меня могут привлечь к ответственности за это».

Потом – новая версия. Оказывается: «снимки делались с целью возможного включения их в мою книгу о Советском Союзе. Эта книга должна была содержать объективное описание сцен из советской действительности, виденной в пути». Обращает на себя внимание слово «объективное». Что за ним кроется? Ока-

зывается, Каминского, видите ли, раздражают фотографии «счастливых рабочих, обычно публикуемые в большинстве книг о Советском Союзе».

Что ж, иного признания от лазутчика ждать не приходится.

Подозреваемому предложили расшифровать записи в блокноте. Вот отдельные выдержка из его показаний: «Я делал пометки в блокноте о военных объектах. На территории Украины я обнаружил аэродром, на котором стояли реактивные самолеты-истребители. Данные об аэродроме я занес в свою записную книжку. На одной из дорог мною была обнаружена радарная установка. О ее наличии я сделал запись в блокноте и произвел несколько снимков. Я указывал местонахождение объекта по километровым столбам и по спидометру. Записал о виденных мною двадцати коробках грязновато-зеленого цвета, так как думал, что это специфически военная окраска. Далее я записал, что видел большую фабрику, затем несколько цистерн с маслом, возле них двенадцать автомобилей, а в районе села „В“ – две радиомачты и здание барачного типа».

На основании анализа всех фактов в их взаимосвязи и взаимозависимости эксперты дали заключение: записи в блокноте Марка Каминского и его фотоснимки содержат сведения, составляющие государственную и военную тайну.

Изобличенный неоспоримыми фактами, документа-

ми, показаниями свидетелей, заключением экспертизы, Каминский признал себя виновным.

Разоблачающее Марка Каминского заявление сделал Харвей К. Беннет, которого «сослуживец по Японии» вовлек в преступное дело, не посвятив в его существо:

— После того, как я ознакомился с содержанием изъятых у Каминского пленок и записных книжек, мое личное мнение таково, что несколько объектов на пленке и заметки не носят туристического характера. Действия Каминского, который занимался фотографированием военных объектов, несовместимы с туризмом. Я это осуждаю. Где бы я ни был на территории СССР, я встречал лишь доброе отношение к себе, везде нас встречали очень гостеприимно, и я вынес исключительно хорошее впечатление о советских людях. То, как нас принимали, как относились к нам, превзошло мои ожидания...

Потом был суд. В официальном сообщении о нем говорилось:

«Недавно органами государственной безопасности был задержан гражданин США Марк И. Каминский, который вместе со своим соотечественником Харвеем К. Беннетом совершал туристическую поездку на автомашине по маршруту: Выборг — Ленинград — Москва — Минск — Москва — Харьков — Киев — Львов — Ужгород.

Как впоследствии выяснилось, по пути следования

Каминский на участке Москва – Минск, в районах западных областей Украины и некоторых других местах занимался сбором разведывательных данных, производил фотографирование объектов оборонного значения, вел подробные записи с характеристикой таких объектов и отмечал их местонахождение на карте.

При выезде из Советского Союза Каминский и Беннет в районе г. Ужгорода умышленно отклонились от маршрута следования и оказались на значительном расстоянии в запретной пограничной зоне, где были задержаны. У Каминского при этом изъяты фотопленки, блокноты с записями и другие предметы, изобличающие его в сборе разведывательных данных на территории СССР.

На основании полученных органами государственной безопасности неопровержимых материалов о шпионской деятельности Каминский был предан суду по ст. 2 Закона об уголовной ответственности за государственные преступления.

На следствии и в судебном заседании Каминский в совершении указанных преступлений признал себя виновным и показал, что, собирая сведения об оборонных объектах, он действовал в нарушение советских законов и поэтому при досмотре умышленно скрыл имеющийся у него блокнот с разведывательными записями, а в момент задержания пытался засветить фотопленку, на которой засняты оборонные объекты.

Выступивший на суде в качестве свидетеля Беннет заявил, что «действия Каминского, который занимался фотографированием военных объектов, несовместимы с туризмом» и что он эти действия осуждает.

Каминский был приговорен военным трибуналом к 7 годам лишения свободы.

В дальнейшем Каминский обратился в Президиум Верховного Совета СССР с ходатайством о помиловании, в котором, полностью признавая себя виновным, просил поверить, что он глубоко сожалеет о совершенном, и заверил, что никогда больше не свяжет свою судьбу с враждебными Советскому Союзу действиями.

Президиум Верховного Совета СССР, учитывая чистосердечное признание и раскаяние Каминского в совершенных им преступлениях, принял решение заменить Каминскому отбытие наказания принудительным выдворением из Советского Союза. Вместе с Каминским был выдворен также и Беннет. Министерство иностранных дел Союза СССР заявило посольству США в Москве протест в связи с продолжающимся использованием американской разведкой туристических поездок граждан США в Советский Союз в целях шпионажа и потребовало принятия незамедлительных мер к прекращению использования туризма в разведывательных целях.

На этом можно было бы поставить точку. Но, думаю, необходимо еще раз возвратиться в здание Военно-

го трибунала Киевского военного округа, который рассматривал дело Марка Каминского. Во время судебного заседания председательствующий спросил обвиняемого, для чего он фотографировал радарные установки и радиомачты.

— Для того, чтобы использовать в книге о Советском Союзе, в которой я хотел показать, что СССР говорит о мире, а на самом деле готовится к войне, — без зазрения совести отвечал Каминский. — Рукопись книги я думал передать нескольким американским издательствам и таким образом заработать. Часть собранных сведений намеревался использовать при составлении отчета о поездке в СССР фонду «Феар Крафт».

— Почему книга должна быть клеветнической? Не лучше ли написать о Советском Союзе правду? — спрашивает прокурор.

— Моя книга должна быть антисоветской потому, что в противном случае мне, как начинающему писать, было бы очень трудно продать ее, а следовательно, и заработать. В последнем слове подсудимый сказал:

— За время моего заключения я узнал больше, чем если бы был на свободе... За последние три недели я понял, каковы могут быть результаты моих действий. Естественно, я бы только подлил масла в огонь пропаганды, которая направлена против Советского Союза. Этими действиями я, возможно, нанес бы вред надеждам и желаниям всех людей на земле.

Меня обвиняют в содеянном и обвиняют справедливо. Я могу только сказать, что многому научился от вас всех и на этом процессе. Я благодарен за то, что мне предоставлена возможность судить о моих поступках уже в ином свете. Я должен понести наказание. Я питаю надежду, что смогу каким-то образом исправить свои прошлые поступки и что в будущем я не брошу и тени сомнения на мирные устремления советских людей.

Какие правильные слова. Что, «магистр искусств» извлек урок из содеянного? Как бы не так. Не успев перемахнуть за океан, он спешит опубликовать свою антисоветскую книгу «Три недели в застенках КГБ», в которой чернит не только все советское, но и своего попутчика Харвея Беннета, «посмеявшего» заявить:

— Где бы я ни был на территории СССР, я встречал только лишь хорошее отношение к себе.

«ПОДАРОК» НА ИМЕНИНЫ

И еще об одних, так сказать, сорванных именинах. На этот раз двадцатилетнего Марвина Мякинэна. Владимир Алексеев выиграл схватку с ним не потому, что был на каких-то четыре года старше, а потому, что за плечами у молодого чекиста уже был к тому времени богатый опыт распознавания и пресечения самых ухищренных вылазок вражеских лазутчиков.

Однако расскажу все по порядку. Жарким июльским днем 1961 года улицами Западного Берлина беззаботно прогуливался земляк «магистра искусств» – также уроженец штата Мичиган студент химического факультета так называемого Свободного университета, куда поступил в соответствии с соглашением об обмене между Пенсильванским и Западноеберлинским университетами Марвин Вильям Мякинэн.

Жара висела над городом, от нагретого асфальта исходил приторный запах бензиновых испарений, и Мякинэн решил зайти в бар, выпить кружку холодного пива, съесть порцию сосисок. В баре было пусто. В прохладном полумраке поблескивали бутылки резной формы. За стойкой листал газету бармен. Он мельком глянул на вошедшего, кивнул ему, как старому знакомому, и лениво спросил:

– Как дела, студент? Грустишь по своему Чэселу?

– Нет. Все в порядке, – улыбнулся в ответ Марвин, расслабляя галстук, сжимавший жесткий ворот рубахи. Он ходил в этот бар давно, у него было даже свое местечко в углу возле арки.

Бармен знал привычки своих постоянных посетителей и поэтому, не спрашивая, поставил перед Мякинэном на стол запотевшую кружку пива и сосиски.

В баре появилось двое мужчин. Быстро оглядев зал, они подошли к столику, за которым сидел студент.

– Разрешите? – спросил один из них, в то время как другой уже усаживался.

Марвин удивился: свободных мест было достаточно.

– Жара, не правда ли? – спросил тот, который уже сидел, и, обернувшись к стойке, заказал:

– Два пива.

К Мякинэну обратились по-английски.

– А я ведь вас знаю, – сказал один из незнакомцев. – Вы Марвин Вильям Мякинэн?

– Допустим, – сухо ответил Марвин, которого начинала злить бесцеремонность этих двоих. Он почувствовал, что встреча не случайна. Ему было любопытно, чего от него хотят. – Так чем могу быть полезен, господа? – не без иронии спросил Мякинэн.

– Да так – пустяк, – в тон ему ответил один и, обернувшись к своему спутнику, начал ему рассказывать

какую-то историю об автокатастрофе.

Они беседовали между собой, не обращая внимания на Мякинэна, вроде его здесь и не было. Затем взяли еще пива, предложили Мякинэну, но он отказался.

Когда, расплатившись, он выходил из бара, один из незнакомцев протянул ему визитную карточку:

– Заходите, буду рад вас видеть. Мы ведь земляки. Меня зовут Дайер. А это – Джим, – кивнул он на своего друга.

Возвращаясь домой, Мякинэн все время был под впечатлением этой странной встречи, несколько раз доставал из кармана визитную карточку и рассматривал ее.

Прошло несколько дней. Однажды вечером, едва он хотел сойти с тротуара и пересечь улицу, возле него резко затормозил «мерседес» и высунувшийся из дверцы мужчина окликнул его:

– Хелло, земляк! Как дела?

Это был Дайер.

– Привет. Все в порядке.

– Садитесь, подвезу вас.

Мякинэну ехать, собственно, было некуда. Но он решил сесть. Эта история должна иметь какой-то конец.

В машине кроме Дайера, сидевшего рядом с водителем, был и Джим. «Мерседес» понесся по широкой освещенной улице.

– Не заехать ли ко мне, Джим? – обратился Дайер к

приятелю. – Пропустим по рюмочке, поболтаем.

– Можно, – буркнул Джим.

– А как вы думаете? – спросил Дайер у Мякинэна.

– Валяйте, – храбрясь, ответил тот.

Квартира Дайера была обставлена со стандартным уютом. Низенький стол, кресла вокруг него, сервант с баром и книжная полка с яркими корешками книг. Похоже, в этой комнате обитатели бывают редко.

Дайер поставил рюмки, бокалы, бутылки и приготовил лед. Наливая в рюмку Мякинэна, он вдруг спросил у него:

– Когда вы собираетесь в Советский Союз?

Марвин едва не вздрогнул – так неожидан был этот вопрос. Не дав ему опомниться, молчавший до этого Джим спросил:

– Сколько будет стоить вам эта поездка?

Мякинэн не ответил.

– Слушайте, Марвин, давайте играть в открытую, – откинувшись на кресле, сказал Джим. – Мы представляем одну из спецслужб американской армии в Федеративной Республике Германии. У каждого своя работа. И каждый должен делать ее хорошо. Вы умный человек и понимаете, что прежде чем обратиться к вам, мы постарались удостовериться в том, что в этом есть смысл. Поэтому не обижайтесь, что мы кое-что знаем о вас, хотя, может быть, вы этого и не желали. Как турист вы однажды уже посетили Советский Союз. Предлага-

ем вам на сей раз осуществить поездку туда за наш счет, но на наших условиях...

Теперь Мякинэн понял все. Но, как ни странно, он не ощутил в себе ни гнева против этих двух, привезших его на конспиративную квартиру, ни раскаяния в том, что очутился здесь и вежливо выслушивает их. Наоборот, к его любопытству прибавилось еще какое-то чувство гордости, что вот именно его посвящают в свои тайны парни из американской разведки. Правда, в голове промелькнуло, что от предложения собеседников веяло элементарной нечистоплотностью, но отмахнулся от этого.

— С ответом не спешите, Марвин, — сказал Дайер. — Подумайте хорошенько. Ни до поездки, ни после нее мы вам никаких вознаграждений не обещаем. Мы ее только оплачиваем за некоторые ваши услуги нам, если вы, конечно, патриот и хотите помочь своей стране. Этот разговор вас ни к чему не обязывает.

— Разве к одному, — добавил Джим, — забыть о нем в случае, если вас не устроит наше предложение. Итак, мы ждем вашего звонка в четверг...

У двери Дайер добавил на прощание:

— Учтите, что ни стрелять, ни убивать вам никого не нужно будет, — он засмеялся. — Взрывать тоже ничего не придется. Вы возьмете с собой только фотокамеру...

В четверг, как было обусловлено, Мякинэн позвонил:

– Хелло, Дайер. Это Марвин. В общем, я согласен, – сказал он, слушая напряженную тишину в трубке.

Дайер откликнулся не сразу. После паузы он сказал:

– Отлично, Марвин, скоро встретимся, – и повесил трубку. Теперь, когда было сказано «да», Мякинэн стал размышлять.

Он говорил себе, что как настоящий американец должен был согласиться оказать помощь своей стране в той борьбе, которую она ведет против коммунистической России. Правда, где-то, в самой глубине души, копошилась и другая мыслишка: во всей этой истории его устраивало больше всего то, что он сможет поднакопить денег, съездив в туристическую поездку за счет военной разведки, и если бы ему предложили съездить в Советский Союз за свой счет, но с заданием, которое даст ему разведка, он бы, пожалуй, отказался. Но эту невыгодную мысль Мякинэн старался заглушить в себе, потому что патриотом выглядеть гораздо красивее и удобнее...

Готовить к поездке его начали сразу. Прежде всего было оговорено, что в Советский Союз он въедет через западную границу, но свой туристский маршрут может выбрать сам. Мякинэн выбрал такой путь следования: Ужгород – Львов – Ровно – Одесса – Ялта – Запорожье – Харьков, а затем – Москва – Минск – Брест. Этот вариант вполне устраивал его новых «друзей».

– Нам очень важно, – наставлял Дайер, – чтобы вы

прокатились по Украине. Всю работу по организации этой поездки вы должны самостоятельно оформить через «Интурист» без нашего участия. Вы поняли меня, Марвин?

Он все понял. А дальше была специальная краткосрочная подготовка. Дайер и Джим удовлетворенно переглядывались, когда на инструктаже Мякинэн безошибочно определял различные типы танков, полевых орудий, бронетранспортеров и автомашин, находившихся на вооружении Советской Армии, точно запоминал воинские звания и эмблемы родов войск.

– Экипируем мы вас очень просто, – сказал Мякинэну Джим. – Вы получите нательный пояс, фотопленку и вот эту камеру. Это одна из новейших моделей. Проста, удобна, ее светосильный объектив позволяет снимать даже при самых неблагоприятных условиях.

Вечером они сидели в комнате, где на большом столе были разложены карты, планы городов Советского Союза. Прорабатывая будущий маршрут, Мякинэн отмечал на них объекты, представляющие особый интерес. Кроме того, Дайер обратил его внимание на линии высоковольтных передач, башни, казармы и мосты.

– По возможности это надо сфотографировать. Память – дело хорошее, но фотопленка надежней, – пошутил Джим. – Ну и, кроме того, интересуйтесь всем, что на ваш взгляд может представить ценность для наших специалистов. Не гнушайтесь случайной инфор-

мации, услышанной из разговоров. В общем, будьте внимательны всюду, не только в тех городах, на которые мы вас ориентируем особо. Вы – химик. О периодической таблице Менделеева слышали? Так вот, этот русский химик по составу сырья, которое подвозили эшелоны к немецкому заводу и по количеству этих эшелонов, так сказать, по их пропорциональности смог вывести формулу и доказать ею, что на заводе этом производится взрывчатка. Может быть, это легенда, – засмеялся Джим, – но я не возражал бы, чтобы вы последовали примеру ее героя. А теперь выпьем за успех нашего дела...

Все это происходило месяц назад. Чем ближе становился день отъезда, тем тревожнее было на душе. Мякинэн понял, что просто трусит, и с грустью подумал о том, что очередной свой день рождения встретит в опасной дороге, не такой уж приятной, какой она могла бы быть и какой он задумал ее, еще не ведая о существовании Дайера и Джима.

23 июля 1961 года (ровно через год после прерванного вояжа Марка Каминского) через пограничный контрольно-пропускной пункт после недолгих таможенных формальностей на территорию Советского Союза въехал серо-зеленый «фольксваген» с номерным знаком ВМР-999. Мило улыбнувшись на прощанье пограничникам, его владелец Марвин Вильям Мякинэн вырулил на шоссе.

...Было уже далеко за полдень. Шуршал под колесами размягчившийся асфальт. Ветерок сносил дорожную пыль на траву вдоль кюветов. Была она уже не зеленой, а какой-то бурой, жесткой. И только в стороне, где начинался лесок, все зеленело и манило прохладой. На поляне расхаживали ленивые от зноя коровы, вяло пощипывавшие траву.

Все это проносилось перед глазами американца, и временами ему казалось, что он едет где-то в окрестностях родного Чэссела – так все было похоже. Из этого состояния Марвина вывела мелькнувшая вдруг на опушке солдатская гимнастерка, затем вторая. Заученным маневром он съехал на поляну и, подняв капот, начал ковыряться в моторе. Дальше события стали разворачиваться, как стало потом известно, таким образом. Необычный вид машины привлек внимание солдат. Один из них заметил в руках иностранца фотоаппарат и доложил об этом командиру. Увидав вооруженных солдат, Мякинэн испугался и, вскочив в машину, умчался. Об этом было доложено командиру части. Так «турист» попал в поле зрения чекистов.

Из Ровно серо-зеленый «фольксваген» взял курс на Киев. Здесь Мякинэн поселился в кемпинге. В этот же кемпинг заехал и Алексеев. Молодые люди познакомились. Мякинэн рассказал о себе. Алексеев поведал свою «историю». Он преподаватель из Ровно. Путешествует на автомашине вместе с друзьями во время ка-

никул по Украине. Один из его приятелей поехал проведать родню, которая живет под Киевом, а он, Володя, остался ждать его, так сказать, безлошадный. Новые «друзья» стали время проводить сообща. Алексеев показывал американцу город. Гуляли по склонам Днепра, осматривали Владимирский собор и другие достопримечательности столицы.

На третий день знакомства Мякинэн вдруг высказал желание побродить по городу наедине. Подбросил Алексеева в центр города, а сам уехал. Это было тем неожиданней, что накануне молодые люди познакомились с туристкой из Польши и условились встретиться с девушкой в 12 часов. Мякинэн сказал Алексееву, чтобы на свидание тот ехал сам, а он, дескать, потом подъедет. Когда «друзья» пересекали мост Патона, им навстречу ехала машина с песком. Указывая на нее, Мякинэн спросил, как песок называется по-русски – разговаривали они по-английски. Владимир сказал. Тогда Мякинэн спросил: а если так называется улица, то как это произносится?

– Улица Песчаная, – ответил Алексеев, начиная догадываться, к чему клонит американец.

– А есть такая улица в Киеве?

– Не знаю.

– А можно приобрести карту города, чтобы посетить интересующие меня места?

– Конечно, можно.

Заехали в магазин. Мякинэн купил карту и сразу же здесь, не отходя от прилавка, стал искать на ней зоопарк и улицу Зоологическую. Сориентировавшись, он уехал, а чекист поставил в известность руководство о том, чем заинтересовался «гость».

Вечером, отвернувшись по обыкновению к стене, Мякинэн стал просматривать какие-то записи. Алексею еще раньше удалось установить, что прячет он их в натальном поясе. Даже уходя умыться, американец брал «патронташ» с собой, а перед выездом в город клал в ящичек на приборной доске. Однажды, вроде бы случайно, Алексеев нажал кнопку ящичка. Когда тот распахнулся, Мякинэн тут же испуганно захлопнул его.

Было принято решение тайно проникнуть в эту неприкосновенную часть «фольксвагена». Вечером, когда «друзья» отправились в ресторан «Динамо», с хранившихся в ящичке блокнотов, в которых, как и у Каминского, согласно километражу были записаны объекты оборонного значения, чекисты сделали фото снимки. Шпион был полностью изобличен.

Утром Мякинэн выехал из кемпинга в город один. Не спеша въехал на Крещатик. Поливочные машины оросили улицу свежей водой. Было тихое, еще не знойное начало дня, когда отдохнувший за ночь город вновь наполнялся шумом и суетой. Мякинэн с интересом проехал по всему Крещатику, рассматривая дома, витрины и прохожих. Затем остановил машину, вышел из

нее, прошел несколько десятков метров и, поймав такси, попросил отвезти его к зоопарку. У зоопарка он, не задерживаясь, пересел в троллейбус и возвратился к своему «фольксвагену». Улыбнувшись мальчишкам, рассматривавшим незнакомую машину, сел, включил зажигание и, быстро развернувшись, уехал.

Но еще до его отъезда в сторону зоопарка отправилась машина с оперативной группой. Было понятно, что Мякинэн вернется в эту часть города, что его поездка на такси была разведкой какого-то объекта. Поэтому решили встретить туриста здесь.

И действительно, поколесив по улицам, американец снова прибыл в район Песчаной. По улочке с выбитой мостовой он подъехал к забору, под которым рос платан, поставил в его широкой тени машину, а сам пешком отправился к насыпи, поросшей густыми кустами.

Руководитель оперативной группы еще задолго до операции поставил в известность коменданта воинской части о том, что чекисты будут задерживать шпиона. Были согласованы все детали, перекрыты возможные пути бегства лазутчика к своей машине.

Тем временем устроившись поудобнее в кустах, Мякинэн глянул с насыпи вниз и улыбнулся: лучшей точки для съемки и не придумаешь. Отсюда просматривалась вся территория воинской части. Он стал снимать кадр за кадром.

Алексеев придерживал рукой плечо коменданта и

говорил:

– Не спешите, не спешите, пусть еще пощелкает. Прошло несколько минут, томительных и долгих.

– Пора, – кивнул руководитель группы коменданту. В момент, когда американец в очередной раз приник к видискателю аппарата, на его плече и запястье опустились крепкие руки...

После личного обыска и осмотра автомашины Мякинэна на стол следователя легли специальный нагрудный пояс с семью фотопленками, географические карты и план Киева, записная книжка и тетрадь с записями.

– Мы хотим показать вам «пейзажи», которые вы снимали, чтобы у вас не было иллюзий насчет темы нашего дальнейшего разговора, – сказал задержанному следователь КГБ. – Поэтому хочу пригласить вас прямо в лабораторию. Это для начала.

На проявленных в присутствии Мякинэна пленках ясно проступили заснятые в колоннах и отдельно воинские автомашины, мосты, цистерны бензохранилищ, антенные устройства, линии высоковольтных передач и многое другое.

– Для туриста, как видите, это слишком одностороннее увлечение, – заметил следователь, когда они вернулись в кабинет. – Эти кадры дают весьма узкое представление о нашей стране. Не правда ли? – он улыбнулся. – Что же вы делали в районе, где вас задержа-

ли?

– Я хотел познакомиться с окраиной города, – хрипло ответил Мякинэн.

– И для этого вы фотографировали воинскую часть?

– Хорошо, я расскажу правду, – спохватился Мякинэн. – Я занимался фотографированием запрещенных объектов по поручению своего знакомого по университету. Его фамилия Руденко. Он связан с центром одной украинской эмигрантской организации в Париже. – Мякинэн выпалил эту «легенду» без остановки, как хорошо заученный урок. Замолчав, он посмотрел на следователя и увидел в его глазах насмешливые искорки.

– Неужели Дайер так спешил, готовя вас к дороге, что ничего остроумнее не придумал? – спросил следователь.

– Вы знаете Дайера? – растерялся Мякинэн.

– Лично не имел чести быть знакомым. Но не вы первый, кого он финансирует в таких поездках в обмен на определенные услуги. Давайте не будем терять времени, вы же понимаете, что обнаруженное у вас свидетельствует о сборе вами секретной информации...

Мякинэн понял, что дальше запыраться бессмысленно.

– Начнем с расшифровки ваших записей? Он молча кивнул головой.

В собственноручном показании Мякинэн потом написал: «...Признаю, что занимался шпионажем против

Союза Советских Социалистических Республик в пределах его границ. Я полностью отдаю себе отчет в том, что мои действия наказуемы по советским законам.

Я заявляю, что намеревался проводить эту работу только из соображений оказания услуги правительству моей страны. Я не питал никаких иллюзий в отношении того, что совершаю героический поступок, и не добивался этой деятельностью хорошей репутации для себя».

При чтении последнего абзаца следователь улыбнулся: Мякинэн опять хотел выглядеть чистоплотней, нежели был на самом деле. Но все это касалось уже чисто моральной стороны вопроса. В военном же трибунале Киевского военного округа во внимание принимались лишь достоверные факты. В соответствии с этими фактами Мякинэн был приговорен к восьми годам лишения свободы.

Дело еще одного «туриста»-шпиона было закрыто. Связанная белой тесемочкой папка пошла в архив.

Пожалуй, стоит добавить к этой истории еще один штрих. В операции по изобличению Мякинэна чекист Алексеев сумел так тонко разыграть свою роль, что во время следствия и на процессе Мякинэн умолял не привлекать к ответственности Володю.

— Он так хорошо ко мне отнесся, а я своим поведением, видимо, навлек на него подозрение. Он ни в чем не виноват и никак не был посвящен в мои дела...

Ну, а как же сложилась дальнейшая служба Владимира Александровича Алексеева? Еще в молодые годы он был удостоен звания «Почетный сотрудник органов государственной безопасности». Работал, не жалея себя. Уже убеленный сединами, вышел на пенсию.

Теодор Гладков, Борис Стекляр ...ВСЕ РАВНО КОНЕЦ БУДЕТ!

Борьба с военными преступниками – буржуазными националистами, пособниками немецко-фашистских захватчиков, началась еще в период оккупации. В тяжелейших условиях вели ее советские партизаны. В годы, последовавшие за освобождением Ровенщины от гитлеровцев, при активном участии населения оуновское подполье было разгромлено. Но нет-нет, а сполохи этой борьбы достигают и наших дней. Потому что не все давние клубки уже размотаны. Не все преступники получили по заслугам. Некоторым удалось в свое время уйти от справедливого возмездия. Но следствие продолжается. Не так уж редко сообщают газеты, что еще один фашистский палач изобличен. Как говорит пословица – сколь веревочке ни виться, все равно конец будет...

За каждым таким кратким сообщением – труд, напряженный, многолетний, очень опасный труд чекистов. Как это бывает в жизни, мы попробуем рассказать на нескольких примерах.

ВСТРЕЧА НА УНТЕР-ДЕН-ЛИНДЕН

Летом 1949 года в райотдел государственной безопасности города Дубровицы пришла только что вернувшаяся на Родину после долгих лет пребывания на чужбине местная жительница, дочь погибшего на фронте красноармейца Текля Семенюк. Во время оккупации ее вместе с десятками других девушек и молодых женщин вывезли на работу в Германию. После войны территория, где Текля по шестнадцать часов в день работала на зажиточного бауэра, оказалась в американской оккупационной зоне, и пострадавшей женщине пришлось еще несколько лет помыкаться по лагерям для перемещенных лиц, прежде чем ей удалось добиться возвращения в СССР. Но в органы госбезопасности Теклю привело вовсе не желание поделиться пережитым или попросить какой-либо помощи. Она устроилась на работу, поселилась в своем старом, уцелевшем во время войны доме, нашла оставшихся в живых мать и брата. Словом, дальнейшая жизнь у нее сложилась неплохо.

Волнуясь, а оттого сбиваясь и путаясь, Текля рассказала, что в последний день своего пребывания в Берлине, накануне отъезда в Киев, она встретила человека, поразительно похожего на коменданта дубровиц-

кой полиции Кирилла Сыголенко.

– Я увидела его на станции Фридрихштрассебанхоф. Он приехал из западного сектора. Сначала мне показалось, что это точно он, а потом засомневалась. Ведь сколько лет прошло, да и одет он, как немцы, – в плаще...

Текли пошла за маленьким, круглолицым очень подвижным человеком. В руке он держал большой, туго набитый портфель из желтой свиной кожи. Человек дошел по Фридрихштрассе до Унтер-ден-Линден, пересек ее и свернул налево. В кафе у Оперного театра он задержался на несколько минут, чтобы выпить чашку кофе и переговорить о чем-то тихо с кельнером. Здесь Текля смогла рассмотреть его поближе – вроде Сыголенко... Расплатившись, человек с желтым портфелем энергично зашагал к Александерплац, здесь спустился на станцию подземки и затерялся в толпе пассажиров.

– А вы часто видели коменданта полиции в Дубровице? – спросил Теклю беседовавший с нею оперработник.

– Да, на неделе два-три раза встречала! Только одевался он тогда иначе, носил полувоенную форму, фуражку-мазепинку с длинным козырьком. Зверь был, а не человек. Люди говорили, что евреев самолично расстреливал...

Фамилия Сыголенко уже встречалась ровенским чекистам.

При разгроме в 1948 году одной из бандгрупп в Дубровицком районе в бункере была обнаружена групповая фотография: несколько мужчин в полицейской форме, в мазепинках с трезубами. Фотографию предъявляли для опознавания местным жителям. Среди других изменников они указали на коменданта местной полиции Кирилла Сыголенко.

Показали фотографию и Текле Семенюк. Женщина безошибочно указала на Сыголенко, на этот раз она твердо заявила, что видела в Берлине именно его, а не просто похожего человека. Лейтенант Георгий Федорович Петренко, которому поручили во всем этом разобраться, вспомнил, что фамилия Сыголенко будто-бы упоминалась в документах, связанных с изменнической деятельностью атамана так называемой УПА «Полесская сечь» Тараса Боровца по кличке Бульба. Точно! На некоторых документах, запрошенных из архива, в протоколах, в приказах Петренко нашел фамилию Сыголенко, занимавшего одно время должность атаманского адъютанта и редактора газетенки «Гайдамака». Нашлась и отдельная фотография Сыголенко. На ней, без сомнения, был изображен тот самый человек, который под этим же именем и фамилией был позднее комендантом полиции в Дубровице. Разница лишь в том, что Сыголенко был снят на ней не в мазепинке, а в смушковой шапке с трезубом, какие носили в «Полесской сечи». Текля Семенюк опознала Сыголен-

ко и на этой фотографии.

Оба снимка направили в ГДР. Через несколько недель из Берлина пришел ответ. Сотрудники народной полиции установили человека, изображенного на обеих фотографиях. По их данным, это был проживающий в Западном Берлине спекулянт Карл Ковальский. В те годы темные личности зарабатывали большие деньги на контрабандном вывозе продовольствия из столицы ГДР в западные секторы города, где оно стоило значительно дороже.

При явном попустительстве западных оккупационных властей активно занимался этим неблаговидным промыслом и Ковальский. Он промышлял кофе – разница в ценах на этот столь любимый немцами напиток была особенно велика. Ковальского неоднократно задерживали власти ГДР за нарушение законов республики, несколько раз штрафовали, однажды даже осудили на два года. После освобождения, однако, занятия своего он не оставил, но стал гораздо осторожнее и больше не попадался, хотя по-прежнему наведывался в столицу ГДР. Видимо, теперь он только руководил какими-то спекулятивными махинациями, а непосредственно контрабандным вывозом кофе из ГДР занимались его наемные агенты.

Между тем чекисты в Ровно уже шли по следам Кириллы Сыголенко. Они выяснили, что в 1943 году полицейский участок в Дубровице подвергся нападению

партизан и был разгромлен. Но Сыголенко удалось бежать. Позже его видели в Сарнах – там он служил оккупантам уже не в полиции, а в СД. Для изменника это было изрядным повышением. Но на этом след оуновца обрывался.

При очередном визите в Берлин Карл Ковальский был задержан и по обвинению в том, что он является военным преступником. В соответствии с существующими международными соглашениями его передали советским властям, поскольку преступления свои совершил он на территории СССР. Его препроводили в Ровно. Вести следствие по делу Карла Ковальского (задержанный настаивал, что это его настоящее имя) было поручено следователю майору Николаю Михайловичу Дюкареву.

Просматривая список вещей, изъятых у арестованного, Дюкарев обратил внимание на одну строчку: «Портфель кожаный, желтого цвета». Невольно улыбнулся – этот портфель упоминался во всех показаниях Текли Семенюк.

В конце мая 1951 года майор впервые встретился в своем кабинете с Ковальским. Перед ним на табурете сидел маленького роста человек лет сорока пяти, большелобый, лысый, с глубоко посаженными серыми глазами под густыми дугообразными бровями, большим мясистым носом и скошенным подбородком. Держался он напряженно, но собой вполне владел.

О себе заявил – Карл Николаевич Ковальский, родился на Львовщине, образование получил в Вене и Кельне. Работал агентом по сбыту мануфактуры в фирме «Шлехтер». Учился на юридическом факультете университета в Кельне, откуда был исключен после прихода Гитлера к власти. В 1936 году переехал в Польшу, до 1939 года работал продавцом в магазине. В сентябре 1942 года был арестован немцами в Варшаве и отправлен в Германию, где до самого конца войны содержался в различных концлагерях, в том числе в лагере смерти Дахау. После освобождения обосновался в Западном Берлине, где получил пособие как лицо еврейской национальности, пострадавшее от фашизма.

Последнее обстоятельство не могло не смутить следователя. В самом деле, дикой могла показаться сама мысль, что мелкий еврейский торговец, пускай и осужденный за спекуляцию, мог быть начальником полиции у гитлеровцев и сотником украинского буржуазного националиста атамана Тараса Бульбы! Быть может, Текля Семенюк все же ошиблась? Вот и документ у Ковальского убедительный – членский билет западноберлинской еврейской общины... Впору извиниться перед арестованным и отправить обратно.

Но следователь этого не сделал – неоднократно повторенная экспертиза трех фотографий неопровержимо свидетельствовала: комендант полиции Сыголен-

ко, сотник УПА «Полесская сечь» с той же фамилией и спекулянт из Западного Берлина Карл Ковальский — одно и то же лицо.

Между тем, пока следователь Дюкарев методично и настойчиво работал с подследственным, в который раз повторяя одни и те же вопросы (в ответах накапливались расхождения), лейтенант Петренко активно занимался розыском лиц, которые могли иметь дело с Сыголенко как с комендантом полиции.

Тут надо отметить одно существенное обстоятельство. Работник органов госбезопасности или милиции, ведущий розыск, в отличие от следователя не осуществляет процессуальной функции. Он может с достоверностью выяснить тысячу фактов, установить все самые мелкие обстоятельства совершения преступления, но они не будут иметь доказательной силы. Суд даже не примет их к рассмотрению. Законную силу приобретают только те вещественные доказательства и свидетельства очевидцев, которые скрупулезно зафиксированы в точном соответствии с уголовно-процессуальным кодексом той или иной союзной республики, в данном случае — УССР. Как это всегда бывает, далеко не каждый факт, обнаруженный усилиями Петренко и других помогавших ему чекистов, мог быть использован следователем.

Страшная, опустошительная война пронеслась над этими местами. Тысячи людей погибли. Сгорели, ис-

чезли и многие документы. Но все же нашлись и живые свидетели, отыскиались и некоторые уцелевшие бумаги. Установлены и бывшие дубровицкие полицейские, отбывавшие теперь заслуженное наказание в местах заключения, и бывшие бульбаши, помнившие сотника Сыголенко.

Местные жители показали, что неоднократно видели Сыголенко, когда осенью 1941 года он разъезжал вместе с атаманом Бульбой по окрестным селам, выступал на насильственно собираемых митингах, уговаривал – посулами и угрозами – молодых парней вступать в УПА «Полесская сечь», чтобы вместе с немецкими войсками воевать до победного конца с большевиками.

Нашелся и приказ № 19 от 10 сентября 1941 года, по которому «за боевую и отличную организацию работы в боевых операциях за г. Олевск и за ликвидацию всех московско-большевистских и регулярных банд на Олевщине» повышается и утверждается в звании сотника Сыголенко Кирилл Николаевич.

Приказ подписали атаман Бульба, начальник штаба бывший петлюровский полковник и агент немецкой разведки Петр Смородский, адъютант атамана хорунжий Юрий Круглый-Дорошенко. Вскоре Круглого-Дорошенко настигнут пули советских партизан, и штабные документы УПА в качестве адъютанта будет подписывать уже свежеиспеченный сотник Сыголенко. А потом

атаман поручит своему любимцу по совместительству еще и редактировать газетку «Гайдамака». Выходит, Сыголенко был не просто одним из «сечовиков», нет, он входил в число особо доверенных лиц, отличившихся перед немцами и националистами в боях с окруженными подразделениями Красной Армии в районе Олевска, а также в последующих схватках с местными партизанскими отрядами.

Разыскали чекисты еще один примечательный документ: протокол совещания старшин УПА «Полесская сечь» от 18 ноября 1941 года, на котором председательствовал сам атаман, присвоивший себе к тому времени чин генерал-хорунжего. На этом совещании сотник Сыголенко докладывал, что прибывший к ним капитан ваффен-СС Гичке запросил у бульбашей помощи в поголовном расстреле к 19 ноября евреев Олевска.

Следователь Дюкарев имел на руках и другой документ. Из него было ясно, что в точно указанный эсэсовцем срок шестьдесят бульбовских «казаков» под командованием двух старшин расстреляли 535 советских граждан еврейской национальности в городе Олевске.

Под давлением неопровержимых улик подследственный, наконец, сознался, что он действительно Кирилл Сыголенко, бывший сотник УПА «Полесская сечь». Ни в Вене, ни в Кельне он никогда не учился,

в фашистском лагере смерти не сидел. Документы на имя Карла Ковальского попали к нему в руки в конце войны совершенно случайно. По ним он и зарегистрировался в еврейской общине Западного Берлина, чтобы получить пособие и открыть на него какое-нибудь дело.

И опять следователь усомнился: и в том, что документы еврейского мелкого торговца случайно попали к сотнику Бульбы, и в том, что тот обратился в общину лишь с целью получить пособие. Документы на чужое имя, но с твоими приметами так просто на улице не валяются. Да и пособие не было настолько большим, чтобы Ковальский мог приобрести на него в Западном Берлине собственный дом, как он это сделал. Очевидно, регистрация в общине нужна была Сыголенко прежде всего для того, чтобы надежно укрыться от правосудия. Ну кому, в самом деле, придет в голову мыслить искать сотника УПА, впоследствии коменданта полиции, в еврее, чудом выжившем в лагере смерти Дахау?

Между тем лейтенант Петренко продолжал уточнять факты бурной биографии Сыголенко. Оказалось, что с Бульбой Сыголенко расстался при невыясненных обстоятельствах в декабре 1941 года и сразу занял должность переводчика в жандармерии в Сарнах. Видимо, сей «идейный националист» служил оккупантам верой и правдой, иначе просто немыслимо последующее, летом 1942 года, его назначение на пост коменданта по-

лиции в Дубровице.

Майор Дюкарев был опытным и квалифицированным следователем, но и ему стоило больших трудов держать себя в руках. Он уже понял, что его подследственный – человек малообразованный, но от природы достаточно умный, хваткий, из тех, про которых говорят, что им пальца в рот не клади. Сыголенко владел несколькими языками почти в равной степени – это было характерно для жителей городов, местечек и сел Западной Украины, где на протяжении многих десятков лет жили бок-о-бок украинцы, русские, поляки, евреи, немцы, чехи, венгры. Это затрудняло установление его национальности и подлинного места рождения. Лгал он совершенно беззастенчиво, громоздил одну версию на другую, вовсе не задумываясь о логике, не смущаясь явных противоречий. Когда его уличали, не терялся, а с необычайной легкостью выдумывал что-нибудь новенькое.

Майор прекрасно понимал, что Сыголенко явно чего-то боится, и боится смертельно, что эта кажущаяся наивной ложь на каждом шагу далеко не наивна. Сыголенко борется за жизнь, пытается взять следователя измором, заставить его остановиться на сравнительно безопасном варианте обвинительного заключения. Таковым, по-видимому, для Сыголенко было признание, что он некоторое время находился при штабе Бульбы. Если следователь ограничился бы только этим перио-

дом его биографии, сотнику грозило бы лишение свободы всего на несколько лет. Сыголенко не знал, что следствие располагало уже точными данными о его куда более тяжких преступлениях.

...Начальник дубровицкой полиции Кирилл Сыголенко дотошно следил за исполнением местными жителями всех приказов и распоряжений фашистских властей, изымал у населения продовольствие, скот, теплые вещи, выискивал коммунистов и комсомольцев, лиц, помогавших или сочувствовавших партизанам. В середине лета он получил от немцев указание особой важности, которое выполнил оперативно и без колебаний: как уже упоминалось, согнал в гетто около тысячи советских граждан еврейской национальности, проживающих в самой Дубровице и окрестностях. Подтвердились и показания местных жителей, что именно Сыголенко отправил обреченных под конвоем в Сарны, где все они были почти сразу расстреляны.

Свидетели рассказывали, что летом 1942 года полицаи обнаружили в городке девятнадцать скрывающихся у добрых людей евреев, в том числе детей. Их не стали отправлять в Сарны, а расстреляли тут же, на еврейском кладбище. Командовал акцией и лично в ней участвовал комендант Сыголенко. Через несколько дней полицаи схватили еще около пятидесяти евреев. Нашлись очевидцы, в том числе и бывшие полицаи, которые показали, что видели, как Сыголенко выхва-

тывал у матерей детей и стрелял в них из пистолета.

– Что вы на это все скажете? – спросил следователь, предъявив Сыголенко эти показания.

Подследственный все категорически отрицал. Да, евреев собирали по приказу немцев и отправляли в Сарны. Но он и не подозревал, что там их убьют.

– Как не подозревали? – снова задал вопрос следователь. – Вы разве забыли, что сделали оккупанты с евреями в Олевске?

Сыголенко не нашелся что ответить. Но категорически отверг обвинение в причастности к расстрелам в Дубровице. Таковых вообще не было, он не припоминает. Свидетели что-то путают.

И вот уже весной 1952 года в Дубровицу выезжают чекисты И. Т. Семикоз и С. Ф. Силецкий. В составе большой и представительной комиссии они участвуют во вскрытии двух могил в тех местах еврейского кладбища, где, по показаниям свидетелей, происходили в 1942 году массовые расстрелы. Из земли извлекают свыше семидесяти трупов...

Под давлением неопровержимого документа – официального акта комиссии – Сыголенко признает, что расстрелы происходили, но отрицает, что в числе жертв имелись дети. Не возражая, следователь протягивает ему несколько фотографий: останки извлеченных из ям детей...

Лишь на секунду теряется подследственный, и вот

он уже признает, что среди убитых были, как он теперь припоминает, дети, но лично он их не убивал.

Ему предъявляется еще один документ: все дети были убиты выстрелами из пистолета. Между тем полицейские, участники «акции», были вооружены винтовками. Пистолет имел только комендант полиции, то есть он, Сыголенко...

Признав, в конце концов, свое участие в массовом истреблении советских граждан, Сыголенко счел, что дальнейшее заpiresательство уже ничего ему не даст, и подробно рассказал о своей дальнейшей службе в гитлеровских карательных и разведывательных органах.

В октябре 1944 года его перевели вначале в Кенигсберг, а затем в Потсдам. Теперь он уже являлся штатным сотрудником фашистской службы безопасности СД. Специализация Сыголенко была из самых мерзких — он вынюхивал по лагерям военнопленных подпольные организации движения Сопротивления. В 1945 году, почуяв скорый конец третьего рейха, Сыголенко изготавил себе, пользуясь возможностями СД, документы на имя Карла Ковальского, сумел забиться в какую-то щель, отсидеться в ней, а затем вынырнуть уже в западных секторах Берлина в качестве «жертвы нацизма».

Примечательно, что в Потсдаме он встретил своего бывшего атамана. Правда, Бульба к этому времени уже и не вспоминал о своем атаманстве, не кичился и

опереточным званием «генерал-хорунжего», как и бывший сотник, он стал заурядным сотрудником все той же фашистской разведки.

Таким образом, следствие располагало уже достаточно основаниями, чтобы предъявить Ковальско-му-Сыголенко аргументированное тяжкое обвинение в измене, участии в вооруженной борьбе против Красной Армии, службе в фашистской полиции, а затем СД, участии в массовых убийствах советских граждан. Удалось выяснить также, откуда взялись у Ковальского деньги, на которые он приобрел в Западном Берлине дом. Он попросту грабил свои жертвы, в первую очередь присваивал изделия из золота. Были такие случаи, когда он вымогал у обреченных людей драгоценности, обещая им сохранить жизнь. А потом все же убивал... Невзрачный маленький человечек сумел сберечь награбленный желтый металл вопреки всем превратностям войны.

В биографии Сыголенко, однако, долгое время сохранилось значительное белое пятно – первые сорок лет его жизни. Следствие сумело прояснить и это. Изменник и убийца родом был из Львова. Настоящее его имя и фамилия – Хаим Сыгал. Оказавшись после оккупации гитлеровскими войсками западных областей Украины в Новограде-Волынском, он связался здесь с украинским националистом Крыжановским, занимавшим пост бургомистра города Корца, и через его по-

средничество был под видом «щирого украинца Кирилла Сыголенко» направлен к атаману УПА «Полесская сечь» Бульбе.

К сожалению, во время следствия не удалось установить, каким образом опытные оуновцы Крыжанонский и Бульба поверили в украинское происхождение Сыгала-Сыголенко, каким образом поверили в это же не менее опытные сотрудники гитлеровской жандармерии и СД, почему молниеносно, без малейшей проверки выдали ему членский билет достаточно умудренные жизнью руководители еврейской общины Западного Берлина, почему столь снисходительно относились к его похождениям американские оккупационные власти...

Сегодня этому есть объяснение. Но тридцать лет назад еще многое не было известно о тайных связях служителей «звезды Давида» с приверженцами свастики, трезуба и американского орла...

ВОЗМЕЗДИЕ

– Встать! Суд идет! – и со стуком откидываются одновременно сиденья сотен кресел в зале Острожского Дома культуры.

Вместе со всеми поднимается за деревянным барьером, отделяющим скамью подсудимых от зала, маленький, щупловатый на первый взгляд, но крепкий и жилистый на самом деле человек неопределенного возраста с острым, выступающим вперед подбородком. Широко раскрытые глаза устремлены на судей – в них напряженное внимание. Это подсудимый Степан Олейник, бандитская кличка Корба. Неприятное лицо, но не более того. В представлении большинства людей самое понятие бандит непременно включает в себя по крайней мере что-то физически внушительное. А тут – совершенно неприметный человечик, быть может, мелкий жулик, но чтобы бандит, убийца? Да неужто?! Да, бандит. Да, убийца.

Многомесячное следствие собрало тому неопровержимые доказательства. Обвинительное заключение было доказано по всем пунктам в ходе открытого судебного заседания под председательством В. И. Омеляненко и при участии заместителя прокурора Ровенской области советника юстиции В. С. Полевого.

В нашей стране существует установленный законом срок, истечение которого влечет исключение уголовной ответственности за совершенное преступление — так называемый срок давности. Это гуманный принцип, как норма права он присутствует в законодательстве всех современных цивилизованных государств. Но есть исключение. Президиум Верховного Совета СССР Указом от 4 марта 1965 года постановил, что люди, виновные в преступлениях против мира и человечества и военных преступлениях, подлежат наказанию независимо от времени совершения преступления.

Известно, что уже много лет на Западе определенные круги, в том числе неонацистские, ведут ожесточенные нападки на это справедливое исключение, которого придерживаются все страны, испытавшие на себе ужасы фашистской агрессии и оккупации. Известно также, что все эти попытки добиться отмены названного исключения потерпели провал прежде всего благодаря решительному протесту прогрессивных антифашистских сил, которые отвергают саму мысль о том, что гитлеровские палачи могут официально избежать ответственности за свои преступления. Отмена этого исключения означала бы на практике, что тысячи военных преступников смогли продолжить в полной безопасности уже на законном основании свою политическую и иную деятельность, направленную против мира и человечества.

...В 1942–1945 годах на Ровенщине, в основном на территории Острожского района, бесчинствовала сотня некоего Евгения Басюка по кличке Черноморец. В непосредственном контакте с сотней действовала и боевка оуновской службы безопасности СБ под командой Саввы Гордейчука по кличке Якорь. Оба националистических выкормыша были давно связаны с фашистской разведкой и своей националистической демагогией лишь прикрывали задания, получаемые, в сущности, от немцев. Черноморец закончил в свое время офицерскую школу в Австрии. Якорь, прежде чем принять боевку, служил в гитлеровской полиции в Остроге.

Полную зависимость националистов от оккупантов подтверждают многие документы, захваченные чекистами. Так, инструкция службы безопасности прежде всего требовала от боевиков «укрепления устройства и порядка, которые будет устанавливать своим аппаратом на наших землях союзник». Под «союзником» подразумевалась гитлеровская Германия. Ну, а что такое был устанавливаемый ею «новый порядок» – и по сей день помнит Украина, равно как и другие советские республики, испытывшие кошмар оккупации.

В составе сотни Черноморца, а затем боевки Якоря несколько лет состоял и активно действовал тогда еще совсем молодой Корба.

Черноморец, в конце концов, был задержан чекиста-

ми и приговорен советским судом к лишению свободы на длительный срок. Эсбист Якорь был убит в 1952 году при проведении чекистской операции. Олейнику же в свое время повезло.

6 апреля 1945 года группа чекистов обнаружила в Завидовском лесу подземное бандитское убежище. Оуновцы отвергли предложение сдаться без боя и оказали отчаянное сопротивление: открыли огонь из автоматов, бросали ручные гранаты...

В числе захваченных тогда бандитов был и Корба. Однако на следствии не были вскрыты самые тяжкие его преступления, в том числе истязания и зверские убийства советских граждан. Он был осужден как рядовой оуновец, оказавший при задержании вооруженное сопротивление.

Отбыв наказание, Степан Олейник вернулся на Ровенщину и поступил на работу в Острожскую областную психиатрическую больницу. В одной и той же скромной должности конюха он проработал здесь до самого своего нового ареста в 1982 году.

Почему же не стали своевременно известны преступления Корбы? Прямо скажем: тогда, в сорок пятом, действовал еще страх. Знали некоторые люди, что не рядовой бандит был Корба, но молчали, боялись мести со стороны скрывавшихся еще по лесам да схронам его сообщников. Рады были уже и тому, что услали его на сколько-то лет подальше от их мест.

Только зимой 1981 года стали докатываться до властей некоторые слухи. Поначалу зыбкие, расплывчатые, постепенно обретали они четкость, наводили на серьезные размышления, требовали принятия определенных мер. Так, за короткий срок неизвестные люди несколько раз били крепко по ночам конюха Олейника. Однако никаких жалоб в милицию от потерпевшего не поступало. Последний раз сильно побили на свадьбе в одном селе, при этом кто-то кричал:

– Так и надо тебе, кат проклятый!

Чекисты поднимали старые материалы, нашли списки людей, погибших от рук бандитов при обстоятельствах, не выясненных и по сей день. Стали искать свидетелей, сначала по слухам: кто-то что-то от кого-то слышал, а тот, вроде бы, своими глазами видел... Терпеливо шли сотрудники Ровенского управления КГБ по тонкой, готовой в любой момент оборваться ниточке от свидетелей косвенных к свидетелям прямым, а то и пострадавшим.

Так снова вспомнились фамилии Панасины Манько и Ксении Масловской, чью гибель людская молва все более упорно связывала с именем Корбы. Потом пошли разговоры, что якобы тот же Корба убил зимой сорок четвертого года двух бойцов Красной Армии.

Этот факт поддавался проверке. Старые документы, поднятые из архивов, подтвердили, что 13 февраля 1944 года на хуторе Завидовском бандиты из боевки

Якоря убили помощника начальника штаба 866-го полка лейтенанта П. О. Короля и рядового П. С. Зайцева. Тела убитых были вскоре обнаружены и захоронены в братской могиле советских воинов в поселке Шумск. Их подстерегали в засаде. Расправу над Зайцевым учинили в землянке (все жилища почти в округе были спалены немцами при отступлении) семьи Фридрих. Лейтенанта же убили в усадьбе Йозефа Врубеля.

Корба в этот период как раз состоял в боевке Якоря, но доказать его прямое участие в преступлении было не так-то просто, как, впрочем, и в других расправах над советскими людьми.

Первый документ появился в прокуратуре только в конце 1981 года. Житель села Завидов А. И. Коханский утверждал, что в 1943 году его за то, что он непочтительно отозвался об оуновцах, жестоко истязал – порол шомполом Степан Мартынович Олейник по прозвищу Корба, ныне работающий конюхом в Острожской психиатрической больнице. Через несколько дней стала известна еще одна жертва бандита – жительница села Грозов Анастасия Горчук. Ее Корба тоже жестоко избил шомполом, в результате чего Горчук долго болела и навсегда осталась инвалидом. Судебно-медицинская экспертиза показала, что спустя почти сорок лет на телах обоих пострадавших сохранились глубокие рубцы от ударов стальным шомполом. На спине Анастасии Горчук таких шрамов насчитали пят-

надцать. По заключению экспертов жертвы при истязании испытывали сильнейшую боль, а последствия должны были серьезно сказаться на дальнейшем состоянии здоровья, что и имело место в действительности.

Теперь уже следователи Ровенского УКГБ УССР имели исходные материалы, отталкиваясь от которых они могли приступить к установлению истины. В розыскную работу включилась и группа оперативных работников.

Работали ровенские чекисты не одну неделю, пока собрали достаточное количество доказательств, уличающих Олейника в убийстве по крайней мере еще двух семей – Масловской и Манько. Поиск привел их к заброшенному колодцу в селе Малое Деревянче. Дурная слава была у этого источника, много лет никто не пытался восстановить его...

Нелегко, известное дело, вырыть колодец, без которого немислимо существование ни большого села, ни малого хутора. Потому мастера, умеющие найти место, где есть вода, вырыть колодец и оборудовать его так, чтобы служил он людям десятки, а то и сотни лет, пользуются в народе большим уважением, даже почетом. Это редкая профессия, а в наши дни, прямо скажем, и вовсе исчезающая. Но, оказывается, отрыть заваленный старый колодец гораздо труднее, нежели выкопать новый. Тут уж нужен мастер высшей

квалификации. К тому же дело это рискованное: слабые стенки в любой момент могут обрушиться, завалить мастера многопудьем земли и камней.

Чекисты нашли такого специалиста. Им оказался уже немолодой, но крепкий человек, ветеран Великой Отечественной войны, ныне колхозный механизатор Василий Николаевич Гребенюк.

Узнав, для чего нужно разобрать колодец, старый солдат сказал просто:

– Это дело святое... Сделаю, на то мы и фронтовики...

Следователь Василий Иванович Граб, который вел дело, рассказывал нам потом с нескрываемым восхищением:

– Я и сейчас не могу понять, хотя при сем присутствовал от начала до конца, как это ему удалось. Колодец был завален не только землей, но и большущими камнями. Стенки оказались весьма ненадежными. Мастеру пришлось работать в стальной трубе, которую сверху постепенно опускали вниз по мере того, как он углублялся в землю. Диаметр трубы – метр и десять сантиметров. Как Василий Николаевич умудрился в ней работать, выкидывать землю и отправлять на веревке каменные глыбы – ума не приложу. Если бы такой камень вдруг сорвался – убил бы наповал, ведь увернуться ему в трубе было невозможно.

...На глубине примерно 10–12 метров были обна-

ружены останки трех тел. Но не Манько и ее детей. Это были скелеты бывшего рядового красноармейца Сергея Федоровича Пидоренко, Марии Панасюк и ее тринадцатилетнего сына Василька. Марию и мальчика эсбисты убили за то, что старший сын Марии, сам бывший оуновец, пришел с повинной. (Следствию не удалось доказать причастность Олейника к этим убийствам, и они не были вменены ему в вину).

Наконец, на глубине свыше семнадцати метров (это опрокинутая вниз высота пятиэтажного дома) копатель нашел останки еще трех тел: Панасины Манько и ее сыновей – пятнадцатилетнего Петрика и двенадцатилетнего Алеши. Бывшие соседи сразу признали кольцо на указательном пальце правой руки: Панасины кольцо, обручальное...

Получены были также свидетельства участия Олейника в убийстве Ксении Масловской.

Решением высоких судебных инстанций в соответствии с законом приговор от 20 апреля 1945 года в отношении Олейника С. М. был отменен. Дело поступило в следственное подразделение Ровенского УКГБ УССР для рассмотрения по вновь открывшимся обстоятельствам. В ходе нового следствия был прослежен весь путь предателя и изменника.

Степан Олейник родился в кулацкой семье и воспитан был соответственно. Не случайно три его брата, как и он, стали бандитами под кличками Пизнейко, Би-

як и Муха.

В сентябре 1942 года Степан вступил в сотню немецкого агента Черноморца, заслужил в ней репутацию жестокого, безжалостного боевика. Вместе с другими бандитами выискивал по селам людей, поддерживающих связь с советскими партизанами, а найдя – убивал. Действия эти были прямым пособничеством немецко-фашистским оккупантам и должны были потому уже квалифицироваться как измена Родине.

Итак, Корба, доказавший свою безусловную преданность трезубу и свастике, был переведен в систему СБ – стал заместителем так называемого подрайонного коменданта СБ Якоря. В боевку входило 10–15 отъявленных убийц, но даже среди них Корба выделялся своим садизмом. Боевка занималась уничтожением советских граждан главным образом в селах Гремич, Грозов (откуда был родом Олейник), Завидов, Лючин, Розваж, Белашов, Малое Деревянче, а после освобождения – и отдельных советских военнослужащих. Так убили Корба и Якорь лейтенанта Короля и рядового Зайцева.

Весной 1944 года скрывавшиеся в глухом лесу бандиты узнали, что житель села Лючин Терентий Масловский отверг их предложение вступить в банду и ушел в Красную Армию. Якорь с Корбой в соответствии с общей директивой высших проводов ОУН приняли решение убить жену Масловского, чтобы, запугав населе-

ние, сорвать мобилизацию парней и молодых мужчин. Эта директива националистического руководства, как следовало из захваченных во Львове трофейных немецких документов, была согласована с фашистским командованием.

У Ксении Масловской было трое двухлетних детей-близнецов: Вера, Лиза и Павлик. Когда бандиты вошли в дом, Ксения держала двоих на руках, а Лиза, уцепившись за подол матери, испуганно глядела на незнакомцев. Ксения плакала, умоляла пощадить ее, не лишать малых детей матери.

Напрасны были слезы и просьбы. В присутствии двух взрослых свидетельниц, окаменевших от ужаса, Корба выстрелил из нагана в лицо Ксении.

Олейник признал это преступление. Добавил даже несколько деталей, которых не знал следователь:

— Страшно кричали дети. Масловская еще была жива, подрайонный комендант Якорь добил ее прикладом.

Экспертиза подтвердила, что смерть К. Е. Масловской наступила в результате выстрела из револьвера в голову с близкого расстояния.

Через несколько месяцев Вера, Лиза и Павлик осиротели совсем: их отец Терентий Никанорович Масловский пал смертью храбрых при освобождении Советской Латвии.

В марте того же 1944 года Олейник с группой бан-

дитов расправился с семьей еще одного бойца Красной Армии Федора Даниловича Манько. С ними расправа была особенно жуткой: наиздевавшись над беззащитной женщиной и ее сыновьями Петром и Алексеем, бандиты связали им руки кусками колючей проволоки и еще живыми сбросили в колодец.

Утром помертвевшие от ужаса жители села Малое Деревянче услышали из колодца стоны и слабые женские крики: «Рятуйте! Рятуйте!» Услышал их и пьянствующий со своими бандитами Корба. Он подошел к колодцу, глянул вниз и со словами: «Теперь кричать не будет!» – бросил туда гранату. Потом эсбист заставил первых подвернувшихся под руку людей принести камни и закидать ими колодец.

Эксперты, просеяв поднятую из колодца землю, обнаружили в ней осколки гранаты РГД – по показаниям свидетелей именно такую гранату бросил туда Олейник.

В ночь на 12 ноября 1944 года Корба и его группа уничтожила на Грозовских хуторах у села Гремяче еще две семьи – Трофима Саввича Острогорова и Демьяна Ивановича Рудого. Жену Рудого Марту и сына Якова убийцы сожгли прямо в землянке.

Трофима Острогорова и старшего сына Рудого – Иллариона бандиты связали и, усадив на телегу, повезли в лес, видимо, хотели расправиться с ними на своей базе. Лошадей погонял Корба. Трофиму Остроголову

каким-то образом удалось освободить руки, после чего он изо всех сил ударил Олейника кулаком по голове и вместе с Илларионом убежал в лес... Илларион Рудый, ныне сельский учитель, рассказал на суде, как ему с соседом удалось чудом спастись и как бандит Корба убивал его родных и семью Острогорова.

Свидетельскими показаниями было доказано также убийство Олейником еще трех крестьян: Йозефа Врубеля, его дочери Марии и Анны Шишки – их уничтожили лишь потому, что они были свидетелями одной из расправ. Из показаний свидетелей стало известно, что детей Остроговых (младшему было всего несколько месяцев) хватили за ноги и били головой о стену. Тела убитых нашла сестра Евдокии Остроговых Ганна Кушпиль. Она показала, что у каждого ребенка были сломаны ручки и ножки.

...Сменяют друг друга свидетели. Зачитываются официальные документы, акты судебно-медицинских и иных экспертиз. Оглашаются заверенные показания лейтенанта Уса и старшего сержанта Широкова, раненных при обезвреживании Корбы. В переполненном зале – наэлектризованная тишина, прерываемая изредка то женским плачем, то приглушенным стоном. Один раз только вскричал кто-то, не выдержав:

– Господи! Да как он мог спать спокойно столько лет!

Съежился в своем коротком полушубке подсудимый, словно стал меньше ростом.

Суд признал С. М. Олейника-Корбу виновным в совершении преступлений, предусмотренных статьями 54 ч. III и 64 УК УССР, и приговорил его к исключительной мере наказания – расстрелу...

НЕТ ОПРАВДАНИЯ, НЕТ ПРОЩЕНИЯ...

Подавляющее большинство фашистских преступников справедливое возмездие настигло еще на полях сражений. Сурово покарали уже после войны главных и второстепенных военных преступников Международный трибунал в Нюрнберге, национальные судебные присутствия СССР, Польши, Югославии, Чехословакии, Франции, Бельгии, Голландии. Нет сомнения, что ни один фашистский изувер не ушел бы от ответственности, если бы... Если бы не приняли их под свое широкое крыло спецслужбы и правящие круги западных держав, прежде всего США. Бывшие фашистские террористы, шпионы, полицаи, осведомители гестапо и эсэсовские палачи стали надежной базой, откуда черпали людские ресурсы шпионские и пропагандистские центры. «Нет отбросов, есть материал» – этот давний циничный девиз немецкой разведки стали исповедовать спецслужбы стран, бывших участниц антигитлеровской коалиции. Подхватило его и новое разведывательное ведомство Западной Германии, которое возрождал при поддержке оккупационных властей и ихних спецслужб генерал Гелен, в недавнем прошлом фашистский шпион.

Не возмездие и кару – надежное укрытие, более того, работу по старой шпионской специальности нашли у них вышвырнутые с советской земли, бежавшие вместе с оккупантами и многие изменники, в том числе активные пособники гитлеровцев из числа украинских буржуазных националистов.

Никто из главарей бандеровцев, мельниковцев, бульбашей не пожелал лично остаться в подполье, эту сомнительную честь они предоставили сравнительно мелкой сошке, сами же предпочли укрыться за границами оккупационных зон Германии, а то и за океаном, откуда продолжили, а некоторые продолжают и по сей день антисоветскую, антинародную деятельность.

О нескольких таких несостоявшихся «борцах за идею» хорошо знают ровенские чекисты нынешнего поколения, успешно продолжающие традиции своих старших товарищей, обезвреживавших с опасностью для жизни оуновские схроны в сороковые и пятидесятые годы.

Ни для кого не секрет, что какое-то число удравших на Запад националистов стали в США, Канаде, Австралии, Западной Германии, Аргентине процветающими бизнесменами, фермерами, государственными служащими, даже священниками и судебскими чиновниками. Советское правительство неоднократно обращалось к властям этих стран с требованием выдать их как военных преступников в соответствии с существующими

международными соглашениями. За редким исключением эти требования либо оставались вообще без ответа, либо следовал отказ под различными предлогами. Чаще всего соответствующие ведомства иностранных дел вежливо отписывали, что по их демократическим законам дело требует тщательного изучения. Понятное дело, это изучение затягивалось и затягивается на десятки лет, хотя изучать, собственно, нечего, потому что советская сторона голословно ничьей выдачи никогда не требовала. Каждый раз она передавала другой стороне в достаточном количестве неопровержимые доказательства, конкретно свидетельствующие о совершенных данным лицом преступлениях.

Характерна судьба Тараса Боровца-Бульбы. Его жизнь может служить моделью того, как политический авантюризм, беспринципность, приверженность ложной идее способны привести в болото предательства незаурядную, в общем-то, личность, чьи природные способности могли бы найти куда более достойное приложение. Однако давно известно, что моральные и нравственные нормы, в отличие от природных задатков, являются качествами не врожденными, а воспитываемыми окружающей человека социальной средой в первую очередь, самовоспитанием – когда личность достигает определенного возраста и приобретает соответствующие знания и опыт – во вторую. Способности, тем более талант, если они не опираются на мощ-

ный фундамент твердо впитанных, усвоенных, ставшими вторым «я» нравственных качеств, становятся, наоборот, опасными, потому что непременно приведут человека к противопоставлению его личных интересов интересам общества, народа, страны.

Кое-кто на Западе тщится сегодня сделать из людей, подобных Бульбе, эдаких героев, рыцарей идейной борьбы с «коммунистической угрозой». Не рыцари – а преступники, не идейные борцы – а враги своего народа, пособники фашистских оккупантов, а позднее наемные агенты империалистических разведок. Это доказывают факты...

Тарас Боровец родился в 1906 году в селе Быстричи бывшего Люднипольского района на Ровенщине. Отец его был из тех, кого на Украине издавна называли «куркулями», то есть, кулаком и торговцем. К националистам энергичный и честолюбивый кулацкий сынок примкнул еще в молодости. Примечательно, что уже в начале тридцатых годов Боровец сориентировался на фашистскую Германию. Однажды он заявил, что в будущей германо-польской войне Украина должна воевать на стороне Германии, если потребуется – даже спровоцировать эту войну.

Завершенного образования Боровец не получил, но с детства много, хотя и беспорядочно, читал, а потому тяготел даже к издательской деятельности. Некоторое время он издавал крохотным тиражом две га-

зетки петлюровского направления. Боровец был призван в польскую армию, но через полгода демобилизован то ли по эпилепсии, то ли по какому-то нервному расстройству. Попытался было, снедаемый честолюбивыми помыслами, создать собственную политическую партию, но не успел развернуться – западные области Украины в 1939 году были воссоединены с УС-СР.

Такой оборот событий никак не устраивал Боровца, и он сбежал на территорию «генерал-губернаторства» – так называли тогда восточные области Польши, оккупированные германскими войсками.

Давние симпатии к нацистской Германии логично и неизбежно завершились тем, что Боровец стал агентом немецкой разведки и прошел курс подготовки в абверовской школе.

Во время войны Бульба хвастался в среде своих старшин, что в 1940—41 годах он несколько раз нелегально переходил границу СССР и что убил тогда семерых бойцов и командиров Красной Армии.

Вновь Боровец объявился на севере Ровенской области, в Сарнах, уже при гитлеровцах в июле 1941 года. Здесь под эгидой оккупантов он сколотил из старых дружков – местных националистов вооруженную группу, которой дал пышное название «Украинская повстанческая армия „Полесская сечь“». Вооружили это воинство, разумеется, немцы. Боровец отблагодарил

незамедлительно: его отряды вместе с гитлеровцами приняли участие в боях за город Олевск с отступающими частями Красной Армии, а потом помогли немцам преследовать разрозненные группы окруженных красноармейцев. Создав „Сечь“, честолюбивый Боровец, присвоил себе псевдоним Бульба и чин генерал-хорунжего (был такой когда-то в петлюровской армии).

Атаман был достаточно умен, чтобы понимать: трудовой народ Волыни видит в гитлеровцах вовсе не освободителей от «московских большевиков и жидомасонов», а ненавистных оккупантов. И он начал хитрую игру. В выступлениях на митингах и сходах атаман вроде бы по секрету от немцев говорил, что союз с Германией – лишь тактический ход, что, дескать, после разгрома СССР и создания независимой украинской державы «Полесская сечь» тотчас повернет оружие против немцев.

Некоторые попались на демагогическую пропаганду Бульбы и вступили в УПА, полагая, что они и впрямь будут воевать с оккупантами. Впрочем, атаман не стеснялся загонять молодых парней в свои банды и силой.

Попытка Бульбы политически балансировать, конечно, не имела ни малейших шансов на успех. Тут уже он не оценил в должной степени коварства своих немецких хозяев. Гитлеровцы вовсе не собирались создавать какую-либо, даже марионеточную, «украинскую державу». На оккупированной территории им нужны

были не союзники, а лишь пособники. В военной помощи жалкой, в сущности, «Полесской сечи» вермахт тоже пока не нуждался. Его командование было уверено, что в ближайшие недели оно само разгромит Красную Армию, захватит Москву и Ленинград. «Полесская сечь» была нужна для других целей – она предназначалась на роль немецкой овчарки, держащей в страхе местное население, а также для участия в боевых действиях против партизан, представлявших с каждым днем все большую угрозу тылам германской армии.

Пока атаман Бульба и его старшины играли в самостийность, фашистская служба безопасности хладнокровно разработала план, как надежно привязать «Сечь» к своей колеснице. Такой акцией и стала «просьба» (а на самом деле – безоговорочный приказ), «помочь» оккупантам ликвидировать еврейское население Олевска. После этой акции Бульбе пришлось переименовать скомпрометированное олевской трагедией название УПА «Полесская сечь» на УНРА – «Украинская народно-революционная армия». На самом деле УНРА не были ни народной, ни революционной, ни армией, если исходить из ее фактической численности. Но немцев это не смущало: в названии фашистской партии тоже ведь фигурировали слова и «рабочая», и «социалистическая».

Минул год. Сотни и курени УНРА превратились в то, что, собственно, гитлеровцам и нужно было – дополни-

тельную полицейскую силу. Бульбаши поддерживали «порядок» на контролируемой ими территории, пытались вести вооруженную борьбу с советскими партизанами. С последней задачей, правда, они справлялись не слишком успешно, прямых столкновений с окрестными, хорошо организованными, сильными соединениями народных мстителей не выдерживали. Бульбаши нападали на небольшие группы партизан, перехватывали их связных и разведчиков, выдавали гитлеровцам подпольщиков, если нападали на их след.

Немцы не только санкционировали существование бандитских формирований, но без излишней огласки обеспечивали их вооружением, боеприпасами, снаряжением. По существу, почти весь личный состав УНРА состоял на платной службе у оккупантов. Однако ни один наймит себя таковым никогда не называл и не назовет. И Лавель во Франции, и Тисо в Словакии, и Квислинг в Норвегии, и прочие, им подобные, мнили себя политическими фигурами. Полагал себя таковой и Бульба, любивший представить перед окружающими дело так, будто он чуть ли не равноправный союзник «ясновельможного пана атамана Адольфа Гитлера».

Относительно спокойная жизнь Бульбы в Сарненском округе закончилась осенью 1942 года, когда под Ровно всерьез и надолго обосновался специальный чекистский отряд «Победители» под командованием полковника Дмитрия Николаевича Медведева, буду-

щего Героя Советского Союза. В нескольких боях медведовцы жестоко потрепали подразделения атамана. Бульба спаниковал. Перед ним зримо замаячил призрачный близкий разгром. И тогда он затеял, как ему казалось, хитрую игру. Он решил вступить с партизанами в переговоры, чтобы добиться некоего перемирия.

Опытнейшего чекиста, давно и хорошо знавшего нравы украинских буржуазных националистов, Медведева, атамана, конечно, обвести вокруг пальца не мог. И состоявшиеся переговоры Медведев, разумеется, использовал в интересах советской разведки.

В архивах сохранился документ, отпечатанный на порядком разбитой пишущей машинке с украинским шрифтом. В правом верхнем углу слова: «Абсолютно тайно». Ниже название: «План акций по борьбе с большевистскими партизанами, сконцентрированными в Полесской котловине в пределах Бересто – Минск – Гомель – Житомир».

Этот документ советские разведчики сумели заполучить почти сразу после того, как атаман подписал его 15 марта 1943 года. Из «абсолютно тайного плана» явствовало, что действия советских партизан создали для немцев на оккупированных ими территориях невыносимое положение. Бульба и его воинство поставили перед собой в этой связи задачу ни больше ни меньше как облегчить положение гитлеровцев, ликвидировав советских партизан в названном районе.

В пункте первом Бульба провозглашал, что «акцию проводят украинские партизаны (читай – бандиты УНРА) под моим командованием на основе тихого сотрудничества с немецкими властями». В пункте втором указывалось, что официальная немецкая власть будет бороться и с советскими партизанами, и с бульбашами, но неофициально будет поддерживать бульбашей и тайно поставлять им военные материалы. Заключительный, шестой пункт этого плана звучит так: «В случае дальнейшего продвижения Красной Армии на запад украинские партизаны остаются для диверсий в большевистских тылах, сотрудничая и дальше с немецкой армией...»

Этот план срывает последний флер независимости и идейности с националистов. Кстати, аналогичные документы-соглашения подписывали с гитлеровцами и бандеровцы, и мельниковцы.

«Абсолютно тайный» план ликвидации партизан Бульба не осуществил только потому, что это ему оказалось не по зубам. Чекистам стало с достоверностью известно, что уже осенью 1943 года, когда если не дни, то недели пребывания немцев на Советской Украине были сочтены, гитлеровское командование тайно передало на станциях Малинск и Антоновка бульбашам четыре эшелона с оружием и боеприпасами.

Люди должны и сегодня знать: когда националисты уже на освобожденной Красной Армией территории

убивали наших солдат, партийных и советских работников, колхозных активистов, пытались срывать мобилизацию, они не за самостоятельную Украину боролись, как сейчас за кордоном уверяют, а задания немецкой разведки выполняли...

Сохранился документ, подписанный ровенским гебитскомиссаром Веером, об отправке одного такого состава. Его охраняли всего двенадцать солдат-мадьяр, осужденных за неблагонадежность. Бульбаши, не встретив, конечно, никакого сопротивления с их стороны, уничтожили обреченных и «захватили», а на самом деле спокойно приняли им предназначенный груз, инсценировав «налет» партизан. Как и полагалось по сценарию, немцы подняли фальшивую тревогу и прислали карателей лишь тогда, когда бульбаши давно уже вывезли в район своих баз последнюю подводу с боеприпасами.

Бульбаши стали уходить в подполье, не дожидаясь появления передовых частей Красной Армии. Столь поспешно, словно и не брали они на себя обязательства защищать Полесскую котловину. Должно быть, и сам атаман позабыл слова своего хвастливого приказа, подписанного им в декабре 1941 года: «Коммуна уничтожена немецкой вооруженной силой. Мы не были пассивными зрителями, а приложили и свою руку к ее смерти».

Единственное, что соответствует истине в этих до

смешного самонадеянных строках, – откровенное признание о военном сотрудничестве с фашистскими оккупантами.

После того как Бульба исчез в конце 1943 года из села Пустомыть Тучинского района, где располагался тогда его штаб, следы атамана на время затерялись. Зато то и дело проступали кровавые следы его подчиненных, убивавших тайно, из-за угла, подло и жестоко советских людей.

В самом конце войны чекисты снова слышали о человеке с приметами Боровца. Высокий мужчина лет сорока, блондин, худощавый, с длинным прямым носом, золотым зубом в верхней челюсти, имеющий привычку сильно сдвигать брови, так что на лбу образовывалась глубокая складка, объявился в числе сотрудников фашистского диверсионно-террористического отряда «Ягдфербанд-Ост» входящего в систему СС. Правда, фамилия его была не Боровец, а Коненко.

«Ягдфербанд-Ост» была укомплектована из числа изменников Родины, уроженцев разных республик СССР. Здесь готовились шпионы, диверсанты, террористы, предназначенные для преступной работы в тылу Красной Армии и в глубинных областях страны. Разговоры о создании каких-либо «независимых национальных государств» не допускались. Командовали школой и занимали в ней ключевые посты кадровые немецкие офицеры-разведчики, сотрудники СД и абве-

ра. Они готовили обыкновенных агентов и диверсантов для черновой работы.

Бывшего атамана ввел в команду заместитель начальника «Ягдфербанд-Ост» штурмбанфюрер СС Эбергард Хайнце. Коненко был сразу назначен руководителем подготовки украинской подгруппы, насчитывавшей в своем составе около пятидесяти человек. Сам факт назначения на высокий пост уже говорит о том, что для руководства разведоргана он был своим человеком.

Не за страх, а за совесть готовил бывший атаман в строго охраняемом здании близ городка Альтбургунд на территории нынешней ЧССР диверсионную группу «Майглекхен» («Ландыш»), предназначенную для заброса под его же командованием на советскую территорию в бассейн реки Припять.

Почти все агенты, заброшенные «Ягдфербанд-Ост» в последние недели войны на советскую землю, были обезврежены чекистами. Некоторые явились с повинной сами. Коненко среди них не было. В 1945 году в числе других ведущих сотрудников школы он очутился в американском плену.

Бывшие союзники по антигитлеровской коалиции прекрасно знали, что ими пленена не какая-нибудь пехотная рота вермахта, а руководящий состав, подлежащий выдаче той стране, на территории которой совершал он свои преступления.

Но именно то, что в глазах всех честных людей, в том числе и простых американских солдат, было отягчающим обстоятельством, стало для Коненко и его коллег фактором спасительным. Не вопреки тому, что он являлся фашистским агентом, а именно поэтому он был передан американскими военными властями не советским, а английским войскам, а те через некоторое время его освободили. Пройдя без хлопот британское «чистилище», Боровец (фамилия Коненко была уже за ненадобностью отброшена) прибыл... снова в американскую зону, в город Миттервальде.

Здесь его с распростертыми объятиями принял уже не раз упоминавшийся нами бывший петлюровский генерал, бывший командир «Украинского полицейско-охранного батальона» в Виннице, затем сотрудник оккупантов в Ровно Омелянович-Павленко. Старый изменник тоже успел перекраситься – теперь он возглавлял шпионскую «украинскую» школу, поставлявшую агентуру, естественно (чья зона-то?), американской разведке.

Борец стал одним из руководителей и преподавателей. Под стать ему был и начальник учебной части – изменник Родины, бывший командир Красной Армии, ставший офицером дивизии СС «Галичина», некто И. Коваль.

Не пошла впрок, однако, слушателям этого сомнительного учебного заведения шпионская наука. В

1947–1948 годах группа бывших бульбашей вместе с прибывшим из-за кордона подкреплением была выявлена и обезврежена чекистами. В пятидесятых годах еще один бульбовский агент, лично им выпестованный и проинструктированный, некто Заядковский, также был арестован.

Один из арестованных в СССР американских агентов рассказал, что его шеф Боровец снова решил подвизаться на националистическом поприще. Генералам «холодной войны» потребовалось возродить сошедшие было на нет различные националистические организации, причем не только украинские. Под крылышком американцев в 1947–1948 годах в Западной Германии из осколков всех окрасок была сколочена так называемая «Украинская национальная гвардия» (УНГ). На втором конгрессе УНГ, который состоялся в 1949 году в Шлейсхейме близ Мюнхена, Тарас Боровец-Бульба (снова пошел в ход громкий псевдоним) был избран главарем УНГ, а Коваль – его помощником.

Вербуя сторонников, а точнее – пушечное мясо для западных спецслужб, Бульба разъезжает по Европе, встречается и с бывшими бандеровцами, и с мельниковцами, и, разумеется, с бульбашами. Есть данные, что в 1958 году атаман выезжал в США для встречи с тогдашним руководителем американской разведки.

Вскоре Бульба вообще перебрался на постоянное

жительство в Соединенные Штаты. Лютый враг Советской страны закономерно стал врагом мира во всем мире. В период американской агрессии в Корее Бульба – инициатор формирования и отправки в многострадальную страну «Украинского батальона», составленного из обманутых им детей украинских эмигрантов, проживающих в США и Канаде. Атаман намеревался сколотить подобный батальон и для действий во Вьетнаме. Развернувшаяся в самих США кампания протеста против «грязной войны» помешала осуществить эту затею.

Тарас Боровец-Бульба умер несколько лет назад. До конца дней лежало на нем проклятие народа.

Характерны судьбы еще нескольких военных преступников, избежавших наказания и неплохо устроившихся после войны за рубежом.

В Канаде продолжал свою журналистскую «карьеру» до последних дней редактор «Волыни» Улас Самчук. В Соединенные Штаты перебрался его предшественник по редакторскому креслу в этой газетенке Скрыпник. Возведенный в епископский сан гитлеровцами, он сохранил свою митру и за океаном. Видно, и там он пришелся ко двору, коль скоро Мстислава избрали епископом так называемой «Украинской автокефальной православной церкви» в США.

А вот имя, которое с особой ненавистью вспоминают и сегодня жители Ровно старшего поколения, – Петр

Грушецкий. Провокатор и каратель с юных лет. Только в полицейской форме чувствовал он себя значительной фигурой. Ему доставляло прямо-таки физическое наслаждение ощущать себя распорядителем судеб других людей, их имущества, впрочем, тоже.

В двадцатые и тридцатые годы Грушецкий служил в польской полиции в Ровно, вел провокаторскую деятельность среди членов Компартии Западной Украины. Его лживые показания стали основанием для вынесения суровых приговоров нескольким коммунистам-подпольщикам. Для самого же Грушецкого они стали ступенькой служебной лестницы, и вот уже он старший полицейский следственного отдела. На некоторое время следы его затерялись.

Вынырнул Грушецкий в Ровно уже при немецких оккупантах. Вначале он работает старшим инструктором в школе, где обучают будущих полицейских, потом переходит в криминальную полицию. Грушецкий лично организует и осуществляет расстрел многих тысяч ровенских жителей еврейской национальности в Сосенках. Садист и убийца оказался, к тому же, крепко нечист на руку. При аресте своих жертв он изымал у них ценности и, в нарушение инструкций, прятал их, в первую очередь золотые вещи, в своем доме.

Кровавые «заслуги» Грушецкого не остались незамеченными: в сентябре 1943 года гитлеровцы назначили его комиссаром полиции Ровно и всей Волыни.

Если учесть, что Ровно был «столичным городом», в котором располагались рейхскомиссариат Украины и сотни важных учреждений оккупантов, то следует признать – назначение означало высшее доверие со стороны фашистов и лично Эриха Коха.

В этой должности Грушецкий арестовывал, пытал, посылал на смерть сотни и тысячи жителей Ровно и окрестностей. На его совести гибель многих патриотов, в том числе героев ровенского подполья.

В конце 1943 года, когда гитлеровцы спешно готовились к эвакуации, Грушецкий сделал попытку ограбить Ровенский музей. Но тут ему не повезло – на особо ценные картины наложили лапу сами немцы. Однако награбленное золото Грушецкий сумел сохранить и вывезти.

Одним из близких друзей немецкого полицейского Грушецкого был епископ Мстислав. Не исключено, что, встречаясь с епископом, Грушецкий и пришел к выводу, что духовный сан может прикрыть человека с его репутацией надежнее, чем любой иной маскхалат. Похоже, он получил не только добрый совет, но и поддержку Мстислава. Как бы то ни было, но когда через много лет после окончания войны в Ровно стало известно, что Грушецкий жив, то оказалось, что бывший комиссар полиции является... священником собора в городе Аделаида, что в далекой Австралии! Интересно, ведомо ли прихожанам, что святой отец, отпускающий им

регулярно грехи, имеет на своей совести такие преступления, как массовые убийства советских людей?

Прихожане, конечно, могут об этом и не подозревать. Но высшие церковные власти не знать этого не могли.

Вот несколько имен карателей и убийц, проживающих на Западе.

Ефим Симончук, 1924 или 1925 года рождения. Уроженец села Симонов Ровенского района Ровенской области. В период фашистской оккупации служил в СД. После войны поселился в Западной Германии.

Эдвард Тимм, 1920 года рождения. Уроженец села Курганы Костопольского района. Служил в войсках СС. Проживает в ФРГ.

Николай Петренчук, 1924 года рождения. Уроженец села Корчевье Костопольского района. Служил в войсках СС. Проживает по адресу: ФРГ, Гамбург, Август-Крогманштрассе, 42-в.

Андрей Тарасюк, 1920 года рождения. Уроженец села Хринники Млыновского района. Служил в специальном полицейском железнодорожном батальоне, принимал участие в карательных экспедициях против мирных жителей, потом перешел в оуновскую банду. Проживал во Франции, ныне живет в ФРГ.

Ананий Никончук, 1920 года рождения. Уроженец села Вийнице Млиновского района, образование высшее. Был комендантом полиции в селе Вийница, затем

служил в немецком карательном батальоне в Тернопольской области. Проживает по адресу: США 11510, Маккей Детройт, 12, Мичиган.

Дмитрий Фурманец, 1921 года рождения. Уроженец села Птича Дубновского района. В составе банды оуновцев-мельниковцев принимал участие в карательных экспедициях. Ныне проживает в Нью-Йорке.

...Люди, которые живут с ними рядом! Не спешите пожать при встрече протянутую соседом руку! Она обогрета кровью невинных!

МУЗЕЙ БОЕВОЙ СЛАВЫ

СО СТЕНДОВ МУЗЕЯ
О МУЖЕСТВЕ,
ДОБЛЕСТИ,
ОТВАГЕ,
О ПОДВИГАХ ЧЕКИСТОВ РОВЕНЩИНЫ
ВЕДУТ РАССКАЗ ДОКУМЕНТЫ

ИЗ ЗАДАНИЯ НЕ ВОЗВРАТИЛИСЬ...

Разные задания выполняли эти чекисты, неодинаков у них и жизненный путь, но породнили их преданность Отчизне, мужество и отвага.

Ежегодно в День Победы в селе Норино Орловской области собираются за праздничным столом Сергей, Павел, Раиса и Мария Орловы. На почетном месте мать – Степанида Андреевна. Руки у матери – жилистые, натруженные. Много выпало ей на долгом веку. Сколько земли перепахала, сколько урожаев вырастила! Шестерых детей на ноги поставила Степанида Андреевна.

Да не все они садятся в этот день за праздничный стол. Многие годы уже пустуют места мужа ее – Василия Андреевича и сына Петра. Сыну-то шел восемна-

дцатый годок, когда в наш дом ворвался смерч войны. С первого ее дня Петр – на Северо-Западном фронте. Воевал. Был ранен. После госпиталя – учеба в пехотном училище. Здесь стал кандидатом в члены КПСС. Снова Северо-Западный фронт. В 1943 году Орлов был ранен вторично. После этого его зачислили в резервный офицерский полк.

С февраля 1944 года Петр Васильевич Орлов – чекист. Тогда же прибыл на Ровенщину помощником оперуполномоченного Гоцанского райотдела МГБ.

Вечером 18 июня 1945 года чекистская группа, осуществляя поисковую операцию, прибыла на Бабино-Томаховский сахарный завод. Здесь Орлову сообщили, что в село Рясники по ночам «наведываются» конники из банды Очмана. Говорили, что их добрая полсотня. И все же Орлов, в группе которого было всего 12 бойцов, отправился навстречу банде. Разгорелся неравный бой.

...Петра Орлова хоронили в Гоще. Солнце катилось за горизонт. Гремел оружейный салют.

Войну девятнадцатилетний лейтенант Иван Арбузов встретил в войсках НКВД, в которых проходил службу заместителем политрука роты. Сын псковского крестьянина, пройдя трудовую закалку в колхозе родной деревни Белая Нива Великолукского района, он был образцом в выполнении воинского долга. Это и предопределило его дальнейшую судьбу. Молодой

коммунист был рекомендован на работу в органы государственной безопасности. Его направили в Межиричский, а затем Гоцанский районные аппараты МГБ. Здесь с первых дней службы оперативный уполномоченный Арбузов проявил себя инициативным, смелым и находчивым сотрудником. Он разгромил не одну банду, стал грозой для оуновских головорезов.

В тот роковой октябрьский день 1946 года лейтенант Арбузов вел свой последний бой под Гощей. Дорогой ценой заплатили оуновцы за гибель отважного чекиста. Память о коммунисте И. В. Арбузове свято берегут на Псковщине и в украинских селах, за новую жизнь которых отдал он свою.

Комсомольский активист Николай Белкин сменил мирную профессию слесаря на беспокойные будни сотрудника органов государственной безопасности, куда пришел по путевке ВЛКСМ в 1940 году. Сначала работал в родном Свечинском районе Кировской области, а после окончания чекистской школы был направлен в Черниговское областное управление НКВД. С первых дней освобождения Ровенщины от немецко-фашистских захватчиков лейтенант Белкин в рядах Мизочского райотдела НКГБ включился в борьбу за укрепление Советской власти. Здесь волевого и отважного чекиста приняли в ряды КПСС.

Беспощадно громил Николай Белкин змеиные гнезда оуновского подполья. Под его руководством и при

личном участии были разгромлены и уничтожены несколько банд.

За образцовое выполнение боевых заданий по ликвидации оуновцев лейтенант Н. А. Белкин был награжден медалью «За отвагу».

24 января 1947 года группа чекиста Белкина обнаружила бандитскую засаду в Мизочском районе. Несмотря на численное превосходство врага, лейтенант повел своих бойцов в атаку. Бой уже затихал, когда один из бандитов в предсмертных конвульсиях выпустил пулю, которая оборвала жизнь Коли Белкина.

28 октября 1944 года не возвратился из боевого задания начальник Костопольского райотдела НКГБ старший лейтенант Алексей Васильевич Беляев. Его знали как опытного оперативника. Шел в ту пору Алексею Васильевичу тридцать седьмой год. Горько оплакивали его гибель родные и близкие в станице Константиновка Курганинского района на Кубани. За плечами Алексея Васильевича было немало славных дел. В 1929 году крестьянский сын призывается на действительную службу в Красную Армию и с тех пор находится на боевом посту. От рядового проходит путь до помощника командира взвода, становится коммунистом. Демобилизовавшись из армии, Алексей Беляев в 1933 году поступает на работу в органы ОГПУ. Вскоре опытного чекиста Беляева направляют на руководящую оперативную работу в райотделы НКВД Казах-

ской ССР. В феврале 1944 года А. В. Беляев возглавил Костопольский райотдел НКГБ. В сложных условиях он вел активную борьбу с вооруженными бандами украинских буржуазных националистов, лично возглавлял не одну операцию. Смелость и решительность боевого командира была отмечена орденом Отечественной войны.

После ранения на фронте, куда Иван Дмитриевич Бесов ушел добровольцем из Макеевки Сталинской области, он направляется на учебу в офицерскую школу. Окончил ее и снова ушел на фронт – теперь уже командиром взвода. После вторичного ранения в январе 1944 года вынужден был перейти на работу военруком в среднюю школу. Но это слишком спокойное дело было не по душе фронтовику-коммунисту, и он обратился в Пологовский райком КПУ Запорожской области с просьбой послать его на более горячий участок. По рекомендации райкома партии он был направлен в школу НКГБ, после окончания которой прикомандирован в распоряжение Ровенского областного управления МГБ. Лейтенант стал помощником оперуполномоченного Тучинского райотдела. Немало смелых операций провел фронтовик. В жестоких схватках с оуновцами проявил себя смелым, настойчивым чекистом. При исполнении служебных обязанностей 27 ноября 1947 года лейтенант Бесов погиб. Шел ему в ту пору двадцать третий год.

Уже замолкали громы Великой Отечественной войны, когда Виталия Васильевича Божко Полтавский горком комсомола направляет на учебу в Харьковскую школу органов государственной безопасности. Для бывшего токаря здесь все было вновь. Но работа на одном из оборонных заводов дала ему хорошую рабочую закалку, и Виталий Божко успешно овладел новым нелегким делом. Это он убедительно доказал с первых дней работы в областном управлении МГБ Ровенской области. В операциях по ликвидации оуновских банд В. В. Божко действовал смело и решительно. Так было и 18 мая 1948 года, когда двадцатилетний чекист в трудном бою с оуновцами в Ровенском районе пал смертью храбрых.

На Брянском фронте уже немолодого командира пулеметной роты Сергея Дмитриевича Власова знали как отважного офицера. Сказалась жизненная закалка рабочего человека – металлиста из поселка Сурженка, что в Амурской области. Сережа четырнадцати лет пришел на отцовский завод и также стал токарем по металлу. После демобилизации по ранению в январе 1944 года лейтенант С. Д. Власов становится чекистом и командировается на работу в Острожский райотдел МГБ Ровенской области. Здесь его помнят и по сей день, рассказывая о смелости и отваге в борьбе с бандеровским подпольем. В одном из боев в июне 1946 года отважный сын России пал смертью героя на укра-

инской земле. Могила чекиста в древнем Остроге стала священным местом для молодежи.

Бывший батрак Александр Михайлович Гордиенко прошел путь от рядового сотрудника до заместителя начальника подразделения управления НКГБ – МГБ Ставропольского края. В 1947 году по приказу МГБ СССР А. М. Гордиенко в составе оперативной группы командирован в Ровенскую область. Здесь он активно участвует в борьбе с вооруженными бандами украинских буржуазных националистов.

В одном из боев 23 сентября 1947 года при выполнении оперативного задания в Рокитновском районе лейтенант Гордиенко попал в бандитскую засаду. При Александре Михайловиче были важные оперативные документы. Будучи тяжело раненным, чекист, преодолевая боль, собрал последние силы и уничтожил секретный пакет, до последнего вздоха оставаясь верным присяге.

Тот бой на Речицких хуторах, что под Тучином, для майора Сергея Григорьевича Житникова, как и в песне поется, был трудным самым и стоил жизни отважному чекисту.

На астраханских рыбных промыслах началась его трудовая биография. Тогда он был мальчиком на побегушках у кулака и с тех пор возненавидел насилие и несправедливость. Служба в Красной Армии закалила крестьянского паренька, дала ему классовое созна-

ние. Демобилизовавшись, стал работать в системе заготзерна в своей же Сталинградской области. В 1939 году коммунисты рекомендовали Сергея Житникова на работу в органы государственной безопасности.

В трудных условиях фронтовой обстановки он вел борьбу с вражеской агентурой.

Во время войны опытный контрразведчик Житников становится одним из руководителей отдела «Смерш» 57-й армии, а потом получает новое назначение на должность заместителя начальника Тучинского райотдела МГБ Ровенской области.

Прекрасный товарищ, опытный работник – таким Сергей Григорьевич Житников навсегда остался в памяти боевых друзей.

Майор Николай Ильич Кутицын воевал на многих фронтах Великой Отечественной. Его боевые заслуги были отмечены орденами и медалями. Чекистом Николай Ильич стал еще в далеком 1931 году, когда из родного села Холмище, что в Калининской области, крестьянский паренек по рекомендации комсомола пришел на службу в милицию. Потом были годы армейской службы, а за ними – снова оперативная работа. В 1935 году партия направила его в органы государственной безопасности, где коммунист Кутицын работал до последнего дня своей жизни. Оборвалась она в борьбе с врагами, которую он вел, возглавив в 1949 году Вербский райотдел МГБ. Сколько смелых, дерзких

по своему замыслу операций провел опытный чекист! Но смерть настигла его в июле 1951 года, в одном из последних чекистских столкновений с остатками бандеровского подполья.

Трудящиеся Млиновского района на Ровенщине свято чтут память о чекисте старшем лейтенанте Иване Федоровиче Лупине. Он был сражен бандитской пулей 30 января 1948 года.

С 1938 года связал свою жизнь бывший комсомольский работник на Черниговщине с нелегким чекистским трудом. Войну прошел как политработник, а с войны — снова в бой. Дважды раненный под Белгородом, Иван Федорович в начале 1944 года был откомандирован в распоряжение управления НКГБ Ровенской области. Офицер-фронтовик стал оперуполномоченным Млиновского райотдела НКГБ-МГБ. Участвуя в боевых операциях, Иван Лупин лично ликвидировал более трех десятков вооруженных бандитов.

28 октября 1946 года был смертельно ранен в бою с бандой ОУН уроженец села Велико-Брацкое, что на Харьковщине, лейтенант Иван Степанович Лысенко. Пограничник, политработник, чекист — таков путь в органы государственной безопасности крестьянского паренька. После учебы — первая самостоятельная должность в Коминтерновском райотделе НКГБ.

В начале победного 1945-го — новое назначение. Лейтенант Лысенко становится оперативным уполномо-

моченным Степанского райотдела НКГБ на Ровенщине. Здесь его помнят самоотверженным бойцом в борьбе с врагами народа.

В февральские дни 1945 года чекисты Сарненского района провели смелую операцию против банд украинских буржуазных националистов. В передних рядах был Григорий Григорьевич Москаленко.

Воспитанник Кисловодского детского дома, Гриша рано приобщился к труду. Работая, учился. Успешно окончил техническую школу, пошел служить в Красную Армию. Сражался под Сталинградом. В огненном смерче Великой Отечественной стал коммунистом. Как один из лучших войсковых командиров младший лейтенант Г. Г. Москаленко был направлен на работу в органы госбезопасности. Чекистскую службу начал в Житомирской области, а в ноябре 1944 года нового сотрудника встретили в Сарненском райотделе. Оперуполномоченный Москаленко умело составлял планы чекистских операций и всегда лично принимал в них участие. На его боевом счету несколько вооруженных главарей националистических банд.

В органы государственной безопасности Иван Дмитриевич Саушкин пришел с большим багажом оперативной работы. Первое время работал в управлении НКГБ Черниговской области, а в марте 1944 года с группой боевых товарищей был откомандирован на Ровенщину. Здесь со временем стал старшим опера-

тивным уполномоченным Высоцкого райотдела.

Его ценило командование. Неоднократно отмечало. К наградам, полученным на фронтах, прибавилась медаль «За отвагу». Враги боялись и ненавидели чекиста. В декабре 1946 года лейтенант Саушкин один принял бой с группой вооруженных бандитов, которые шли по его следу. В этой неравной схватке сын калужского крестьянина сражался до последнего патрона и погиб, как подобает герою.

Короткую, но прекрасную жизнь прожил коммунист Василий Петрович Студнев. В годы войны он выполнял специальные задания в тылу врага на территории Чехословакии. Наладив связь с чехословацкими партизанами, Студнев возглавил диверсионную группу, которая затем переросла в крупный отряд антифашистов-интернационалистов.

У Василия Петровича была хорошая чекистская подготовка. Он – воспитанник Высшей школы НКГБ СССР, в которую пришел по путевке комсомола. Работая после выполнения спецзадания в ряде районов Ровенской области, Студнев передавал свой опыт молодым чекистам, смело их вел на самые сложные операции. В одной из них бандеровцам удалось схватить отважного офицера-коммуниста. Но до последнего дыхания он оставался несгибаемым борцом. Бандиты зверски убили мужественного чекиста, а его труп бросили в колодец. Это случилось 13 марта 1946 года. В 1958 году

останки В. П. Студнева и других жертв оуновского разгула были извлечены из колодца и с воинскими почестями захоронены в братской могиле.

На Сергеевских хуторах Гощанского района 25 декабря 1947 года гремел бой с националистической бандой. Немало товарищей полегло в той жестокой схватке, и среди них – старший лейтенант Степан Егорович Фанин. В Гощанском райотделе он пользовался авторитетом опытного чекиста-бойца. Еще до войны Фанин служил в Москве в дивизии особого назначения войск НКВД. В 1943 году становится оперативным работником в столице. В январе 1944 года его направляют в только что создавшееся управление НКГБ Ровенской области. Ему поручили один из труднейших участков чекистской работы – в Гоще. При непосредственном участии и личном руководстве лейтенанта Фанина был проведен ряд чекистских операций, в которых уничтожено свыше сотни бандитов и их главарей.

На мемориальной Доске управления КГБ УССР по Ровенской области высечены имена сотрудников органов государственной безопасности, которые погибли в борьбе с бандами украинских буржуазных националистов:

Бутко Николай Васильевич
Вальков Борис Васильевич
Верещагин Иван Павлович
Гафин Зиганша Гатоуллович

Гладырев Александр Кузьмич
Глухов Никанор Сергеевич
Голицын Алексей Павлович
Гусев Андрей Иванович
Давлетов Казыкан Ухтарович
Дементей Леонид Яковлевич
Елфимов Михаил Сидорович
Зайцев Иван Иванович
Затолокин Владимир Алексеевич
Иванов Николай Семенович
Ковалик Алексей Назарович
Комаров Валентин Васильевич
Кондаков Иван Петрович
Кондратенко Александр Григорьевич
Конев Алексей Алексеевич
Костычев Николай Семенович
Кравченко Николай Викторович
Кузнецов Владимир Максимович
Кустов Николай Николаевич
Липов Иван Иванович
Лысенко Парамон Евсеевич
Мокеров Михаил Иосифович
Мостовой Лев Васильевич
Назаренко Никифор Иванович
Ненахов Иван Тимофеевич
Подыниногин Анатолий Васильевич
Романов Михаил Александрович
Серебряков Федор Макарович
Слободчиков Василий Петрович
Степанов Александр Федорович

Телегин Павел Дмитриевич
Терентьев Владимир Васильевич
Титов Василий Алексеевич
Требунских Алексей Трофимович
Филимонов Анатолий Фролович
Харламов Александр Иванович
Чекрыгин Виктор Иванович
Шафарчук Харитон Модестович
Якушин Василий Акимович

Публикацию материалов из Музея боевой славы
управления КГБ по Ровенской области подготовили
майор в отставке К. П. Закалюк и подполковник в от-
ставке Н. Н. Калошин.